
ББК 66.0
УДК 32-027.21(47+57)(091)
Ш 95

Шувалов Ю.Е., Посадский А.В.

Российский консерватизм:
ценностные основания и стратегия развития
- М.: Издательский Дом «АТКАРА», 2010. - 152 с.
ISBN 978-5-98218-005-6

В социально-политической жизни России усиливается влияние консервативных идей. В связи с этим представляется важным глубокое осмысление идеологической парадигмы российского консерватизма.

Данная книга посвящена раскрытию принципов российской консервативной идеологии, и мы надеемся внести свой вклад в формирование стратегии развития России в XXI веке.

Авторы убеждены в том, что идеология российского консерватизма должна развиваться в контексте исторической преемственности, являться выражением российской мироустроительной идеи, соборного самоопределения Российской цивилизации, основываться на системе ее основополагающих ценностей, опираться на традицию отечественной мысли.

ББК 66.0
УДК 32-027.21(47+57)(091)

ISBN 978-5-98218-005-6

© Ю.Е. Шувалов, 2010
© А.В. Посадский, 2010

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «АТКАРА»
2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРАВО, ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ	
1.1 Консервативная идея.....	6
1.2 Персоналистическая парадигма российского консерватизма.....	10
1.3 Право, гражданское общество и государство в социальной философии российского консерватизма.....	17
1.4 Теория естественного права в перспективе формирования российского плюралистического общества и правового государства.....	23
1.5 Консервативная модель развития плюралистического общества.....	30
ГЛАВА 2. КОНСЕРВАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ	
2.1 Ценностные основания модернизации.....	38
2.2 Стратегия экологической модернизации.....	50
2.3 Экологическая модернизация в контексте теорий постиндустриального и информационного общества.....	58
2.4 Принципы развития российского информационного пространства...64	
ГЛАВА 3. КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	
3.1 Смысл культурного творчества.....	72
3.2 Два образа Модерна: персоналистический гуманизм versus утопический интеллектуализм эпохи Модерна.....	77
3.3 Ценностный мир русской культуры.....	86
3.4 Теория многополярного мира и идея культурного солидаризма.....	99
ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ	
4.1 Духовные истоки современной демократии.....	106
4.2 Сущность экономической демократии.....	114
4.3 План и рынок в контексте экономической демократии.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	137
БИБЛИОГРАФИЯ	147

ВВЕДЕНИЕ

Первое десятилетие XXI века в России отмечено интенсивным развитием законодательной и институциональной базы государственной системы. К политическим партиям предъявляются новые требования: выработки ясно сформулированных целей, серьезной кадровой политики и повышенного уровня ответственности перед избирателями.

Несмотря на то, что в современной России длительное время на политическую жизнь стабильно влияет определенное количество партий, тем не менее, политическая система страны нуждается в дальнейшем совершенствовании. И, прежде всего, необходимо, чтобы партии формулировали четкие мировоззренческие парадигмы, на приоритетах которых должна выстраиваться вся партийная конструкция. А их программы в полной мере отвечали бы требованиям полноты и непротиворечивости, обладали единым целеполаганием, так как в противном случае всегда можно «подгонять» программные положения под решение текущих локальных задач и интересы конкретных лиц.

Сегодня следует детально разработать механизмы ответственности политических партий перед избирателями за взятые обязательства, что непременно повлечет тщательную проработку численных параметров и вариативных сценариев их достижения.

Пока этого не сделано, сохраняется опасность превращения партий в инструмент сиюминутного PR. И преодоление нынешних проблем лежит не только в институциональном и законодательном поле, но и в плоскости философского осмысления парадигмы исторического развития России, исследования традиций духовного, социально-экономического, территориального развития нашей страны.

Сегодня много внимания уделяется изучению моделей развития других государств. Ни в коей мере не отрицая полезности заимствования отдельных элементов их социально-экономической и политической жизни, мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что у России есть собственные особенности развития и, главное, духовные приоритеты, сложившиеся тысячелетиями.

В современной России усиливается влияние консервативных идей. Поэтому, на наш взгляд, представляется важным глубокое осмысление идеологической парадигмы российского консерватизма.

Российский консерватизм связан с утверждением поступательного развития, сохраняющего традиционные ценности Российской цивилизации. Он опирается на глубинные традиции страны, в том числе, на традиционные конфессии и тысячелетнюю историю их сосуществования на территории нашего государства, неразделимое единство духовной и материальной жизни народов России.

Книга освещает принципы российской консервативной идеологии, ею мы надеемся внести свой вклад в формирование стратегии развития России в XXI веке.

ГЛАВА 1

ПРАВО, ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В СМЫСЛОВОМ ГОРИЗОНТЕ
КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ

ГЛАВА 1. ПРАВО, ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В СМЫСЛОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ КОНЦЕПЦИИ

1.1 КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕЯ

Американский политолог Сэмюэль Хантингтон предложил «ситуационный» подход к идентификации консервативной идеологии. Он рассматривает консерватизм как комплекс идей, обосновывающих необходимость поддержания существующей социально-политической системы.

Представление о ситуационном характере консерватизма связано с убеждением, что его целью является защита существующих социальных, экономических и политических институтов. С этой точки зрения, консервативная идея – есть идея охраны существующего социально-политического порядка. Она подразумевает противодействие изменениям, несущим угрозу его принципиальной трансформации.

Консерваторы готовы поддержать умеренные изменения, чтобы избежать изменений революционных. С. Хантингтон сводит сущность консервативной идеологии к реакции на угрозы существующему порядку. Американский политолог отказывает консерватизму в наличии детально разработанных представлений о наилучшем общественном устройстве. Он убежден, что отсутствие идеала общественного устройства не позволяет характеризовать консервативную идеологию как идеационную, в отличие от таких идеационных идеологий как либерализм и социализм, поскольку нет целостной «консервативной утопии».

С трактовкой консерватизма С. Хантингтона трудно согласиться. Отождествление принципов консервативной идеологии с установкой на защиту существующей социально-политической системы, сведение их к апологии настоящего, определение их сущности исключительно в институциональной перспективе сводит консерватизм к конформизму.

Консерватизм не может быть отождествлен с утверждением существующего социального порядка как легитимного при игнорировании серьезных изменений прогрессивного характера в общественной жизни. Его идеологические принципы содержат тезис о необходимости сохранения ценностей, являющихся основанием общественно-государственной жизни.

Консервативная идеология отстаивает идею гармоничного развития общества на основе его базовых ценностных ориентаций, его совершенствования на основе духовных смыслов, сложившихся в ходе истории.

Стремление защитить общество от политического экстремизма и радикализма продиктовано опасностью разрушений его ценностных оснований. Социально-экономические и политические преобразования критически

воспринимаются консерваторами тогда, когда они проводятся без ориентации на базовые ценности общественного бытия. Они настаивают на сохранении системы основополагающих ценностей общества в конкретный период его жизни. При этом его развитие рассматривается как их творческое воплощение.

Существующие общественные структуры подлежат консервации настолько, насколько они способствуют творческому развитию ценностей, так как они являются проводниками воплощения ценностных ориентаций в современных условиях и обладают способностью к творческой трансляции ценностных систем.

Консервативная идеология утверждает творческий путь общественного развития, укорененный в исторической непрерывности. Она не сводится к апологии наличной социально-политической системы как таковой и к механическому воспроизведению прошлого, вытекающему из его идеализации.

Развитие на основе исторической преемственности не подразумевает идеализацию прошлого как такового, его калькирование. Прошлое значимо в силу исторического формирования ценностного мира. Однако оно может содержать и трагические ошибки, заблуждения духовного развития, воспроизведение которых недопустимо.

Американский политолог отказывает консерватизму в целостном общественном идеале. Позиция С. Хантингтона не обнаруживает его сути. Консерватизм не устремлен к «канонизации» общественно-политических форм. К созидательному общественному строительству способна ответственная личность, воплощающая ценности, сформированные в ходе исторического развития.

В будущем консерваторы стремятся разглядеть творчески формирующую личность, созидающую общественно-политические формы на основании культурных ценностей. Консервативный идеал – идеал общества свободных и ответственных личностей, поддерживающих духовную связь времен посредством воплощения в творческих актах ценностей культуры.

Вопреки С. Хантингтону именно консерватизм может быть назван подлинной идеационной идеологией, потому что именно консерватизм призывает увидеть прошлое, настоящее и будущее на уровне духовных смыслов, настаивает на духовно-осмысленном созерцании исторического процесса, предполагает подлинную идеацию. С позиции консервативного мышления недостаток либеральной и социалистической идеологии состоит как раз в том, что их общественные идеалы не учитывают сложнейшую динамику культурно-исторических процессов и в силу этого являются непродуманными, лишенными подлинной целостности.

Универсалистские проекты данных идеологических систем, претендующие на открытие абстрактных, ко всем временам и народам применимых принципов, не исходят из понимания личности как укорененной в культурной истории.

В действительности, общественно-политические системы создаются не надисторическими индивидами. Они возводятся на определенной культурно-исторической почве, игнорирование развития которой ошибочно.

По отношению к либеральным и социалистическим проектам консервативная мысль формулирует предостережение: реализация социально-политических проектов отчужденных от истории и культуры индивидом бесперспективна.

Следует отметить, что развитие общественно-политических форм при игнорировании культуры как содержания жизни личности, утрате членами общества ценностных механизмов постижения его сущности может привести к последствиям не тождественным социальному прогрессу, трансформации общественно-политических проектов в воплощенные антиутопии.

Итак, консерватизм настаивает на сохранении исторически сформированных ценностей общества как источнике его развития. Консерваторы стремятся сохранить целостность общества с его неповторимой идентичностью.

При этом именно культурные традиции, несущие духовные смыслы, обеспечивают самождественность и стабилизационное сознание общества. Консерватизм подразумевает творческое продолжение традиций, а не их калькирование. Творческое воссоздание культурных традиций объединяет поколения в исторической преемственности. Консерватизм призывает к творческой интеграции социума на основе его базовых ценностных ориентаций.

Консерватизм – феномен Нового времени. Консервативный интеллектуальный инструментальный разрабатывался исходя из философского языка данной эпохи.

Будучи оппозицией по отношению к политическим теориям, созданным на основе абстрактного рационализма, консерватизм является традицией политического мышления тесно связанной с философией. Он использует не только политический, но и философский язык Нового времени.

Развитие консерватизмом интеллектуального инструментария Нового времени не может быть истолковано как вынужденный компромисс с эпохой. Взгляд на консерватизм как на противоречивую защиту распавшегося традиционного общества, «похищенными» у Модерна интеллектуальными достижениями не является глубоким. Подобный взгляд непрестанно

воспроизводится оппонентами консерватизма и восходит к прогрессистским трактовкам Модерна.

Новое время не означало тотального культурного разрыва. Данная эпоха может быть адекватно осмыслена в контексте духовного развития домодерной Европы. Консервативная мысль – неотъемлемая составляющая Модерна, отражающая его жизнь. Она оппонировала определенной тенденции развития Модерна, к которой он весь не может быть сведен, как не может быть сведена советская эра отечественной истории к истории развития и воплощения марксизма.

Речь идет об абстрактно-внеисторической модели человекопонимания, разработанной на принципах натуралистического рационализма и основанных на ней глобальных утопиях грядущего. Консервативная мысль предупреждала о возможных противоречивых последствиях общественно-го переустройства на указанных принципах.

Поскольку консерватизм развивал философский язык Нового времени, то должно говорить о философской традиции консерватизма. Консерватизм – интеллектуальная традиция, имеющая собственную историю и философию.

В сущности, консерватизм немислим вне философского дискурса, вне философского обоснования основополагающих принципов, поскольку вызван к жизни осмыслением духовной сущности человеческого бытия, мира культуры и ценностей, представляя собой философски аргументированное следование ценностям и традициям.

О консерватизме можно говорить как об идеологии в контексте онтологического подхода к идеологии, но вне парадигмы деидеологизации и марксистской теории идеологии.

Следует отметить тот факт, что ограниченность марксистского понимания идеологии, определяющего идеологию как инструментальное использование разума в эгоистических целях и имеющего романтические истоки, а также кризис теории деидеологизации приводят сегодня к развитию теорий идеологии, видящих в ней значимый фактор общественно-политической жизни.

Отказ от редуционистского прочтения идеологии как ложного сознания в границах марксизма и теории деидеологизации способствует распространению перспективного онтологического подхода при интерпретации идеологии, усматривающего в ней систему идей, реально отражающих социальное бытие и способных его преобразовывать. Как социально значимая система идей идеология играет важную роль в процессах воспроизводства общества, его ценностно-идентификационных стратегиях.

1.2 ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Актуализация традиции отечественного консерватизма представляется чрезвычайно важной. Традиция отечественного консерватизма может быть рассмотрена в качестве идейного основания стратегии развития России в XXI столетии.

Глубокое изучение и творческое развитие российской консервативной мысли позволит адекватно рационализировать современные политические процессы, приступить к конструированию российской идеологии, учитывая преемственность историко-культурного бытия.

Включение консервативных идей в стратегию развития России предполагает раскрытие консервативной идеологии в концептуализированной форме, выявление фундаментальных мировоззренческих оснований консервативной модели развития России.

В XIX веке под влиянием православных ценностей в отечественном славянофильстве формируются принципы персоналистической философской антропологии. В наследии славянофилов разрабатывался персоналистический подход к анализу человеческого существования, персоналистическая философская антропология стала основой анализа общественно-политических и историко-культурных процессов.

Славянофильская мысль сформулировала персоналистическую теорию целостной личности, дала персоналистическую трактовку культурному творчеству, выработала персоналистическую теорию культурно-исторических типов, создала персоналистическое учение о соборности, увидела цивилизационное начало как средство служения высшим идеалам культуры.

Славянофильство задает персоналистический вектор развития философии российского консерватизма. Его представителями были не только сформулированы принципы персоналистической философской антропологии, но и намечена парадигма превращения персоналистической философии в основание консервативной рефлексии. Славянофилы выступили основоположниками парадигмы соединения персонализма и консервативного осмысления проблем общественного развития.

Славянофильская парадигма соединения персонализма и консервативной рефлексии нашла свое глубокое раскрытие в творчестве отечественных мыслителей XX века. Речь идет о веховском философском проекте. Веховство – идейное движение отечественной интеллигенции, тесно связанное с теоретическими разработками авторов сборников «Проблемы идеализма»(1902), «Вехи»(1909), «Из глубины»(1918).

Теоретики веховства делали акцент на выявлении связи между внутренним совершенствованием жизни личности и внешним устройством жизни общества, рассматривая формирование сообщества свободных и ответственных личностей в качестве конечной цели социального развития.

Для веховства характерно: установление зависимости политической трансформации общества от изменений в сфере ценностных ориентаций, утверждение теории естественного права, восприятие институциональных форм правового мышления в неразрывном единстве с ценностями культуры, взгляд на культуру как на источник политического и экономического возрождения России, разработка персоналистической модели экономической этики, определение духовных оснований модернизационных процессов и адекватных российской социокультурной почве векторов их развития, формирование целостного образа России как европейской державы, бытие которой формируется путем органичной взаимосвязи государства, национального развития, культуры и религии.

Творчески усвоив славянофильскую парадигму развития консерватизма на основе персоналистического понимания человеческого бытия, веховство связало отечественный консерватизм с самобытными традициями философии России.

Важно отметить, что в книге мы опираемся, прежде всего, на веховский проект консерватизма (творческое наследие П.И. Новгородцева, П.Б. Струве, С.Л. Франка, С.Н. Булгакова, а также Г.В. Флоровского, И.А. Ильина и Б.П. Вышеславцева как последователей социальной философии П.И. Новгородцева), учитывая, что его творческое формирование было продолжено в эмиграции.

Веховская линия консерватизма не является изолированным идейным направлением. Творчество отечественных интеллектуалов развивалась в непрестанном диалоге с различными течениями отечественной и западноевропейской мысли. Хотелось бы особо отметить, что творчество российских мыслителей может быть рассмотрено как значимое явление европейской и мировой культуры.

Веховская мысль представляет собой проект консервативного мышления, поскольку развитие цивилизационных форм подразумевает в контексте данной мировоззренческой системы ориентацию на их гармоничное соединение с культурой. Речь идет о целостном развитии общественной жизни на основе культурных ценностей. Развитие цивилизационных горизонталей рассматривается в связи с формированием ценностных вертикалей, что является неотъемлемой составляющей консервативного мышления.

Веховская мысль связана с развитием учения о правовом демократическом государстве. Данный тезис требует прояснения. Веховский проект представляет собой творческое раскрытие демократической идеи консервативным мышлением, творческое осмысление демократической идеи на основании принципов консервативной идеологии.

Русские мыслители глубоко осознали, что сущность демократической идеи может быть постигнута в консервативной перспективе, что именно при консервативном прочтении выявляется глубинное содержание демократических принципов и возможно их дальнейшее развитие, что демократическую идею способен воплощать в жизнь консервативно настроенный народ – народ, хранящий и развивающий свои традиции.

Действительно, успешно осуществить демократическую идею способен народ с историческим сознанием, сохраненными традициями, духовно-нравственными ценностями. Политический реализм состоит в том, что правовое демократическое государство можно созидать лишь на консервативной почве, поскольку жизненные силы правовая демократия черпает из культурной субстанции народного бытия.

Абстрактно-внеисторическая политическая философия либерализма не дает фундаментальной стратегии консолидации общества. Она неспособна придать обществу духовные силы для осуществления демократической идеи, а поэтому постижение и осуществление демократической идеи возможно лишь при опоре на принципы консервативной идеологии. Общество без представлений о нравственности и идентичности оказывается неспособным к реализации правовой демократической государственности. Общественную жизнь можно объединить на основе юридических начал, если она интегрируется на основе начал этических, что оборачивается утверждением связанности права с высшими нормативными системами.

Правовое демократическое государство не может быть обосновано вне детально разработанной аксиологии, предполагающей следование консервативной интеллектуальной традиции.

Выдающийся отечественный мыслитель И.А. Ильин справедливо предупреждал об опасности «фанатизма формальной демократии», который сводит правовую демократию к бессодержательным формам, упуская из вида духовное качество развития личности. И.А. Ильин указывал, что утрата демократией творческой силы губительна для государства. Фанатизму формальной демократии мыслитель противопоставлял демократию творческую.

Для творческой демократии характерно наполнение свободы духовно-творческой инициативой, высокий уровень правосознания, хозяйственная самостоятельность гражданина, как личная способность и общественная

возможность кормить свою семью честным трудом, определенный уровень образования граждан и наличие определенного опыта для осмысленного участия в политических процессах, глубокий патриотизм и солидарность граждан.

Учение о творческой демократии И.А. Ильина – образец консервативного осмысления теории и практики правового демократического государства.

Веховская линия консерватизма раскрывает культурно-исторические предпосылки демократической идеи. Именно эта идея утверждает права и свободы личности, наследуя понимание человека, выработанное в христианской культуре. Правовое демократическое государство сложилось на фундаменте определенной культурной традиции.

Ценность человеческой личности во всей полноте ее конкретных жизненных проявлений, в ее неповторимой индивидуальности утвердилась в Европе благодаря влиянию христианства. Историзация демократической идеи приводит к постановке проблемы о необходимости сохранения гуманистического культурного наследия Европы, имеющего христианские истоки, поскольку данный культурный контекст гарантирует жизнестойкость правовой демократии.

Говоря о правовой демократии, нельзя не затронуть проблемы рыночной экономики. Свободный рынок, тесно связанный с осуществлением правовой демократии, может развиваться лишь при наличии сильного государства.

Именно сильное государство способно обеспечить законность, рамочные условия рыночных процессов, конкуренцию при относительном равенстве возможностей.

Тотальная свобода рынка, подчинение логике рынка общественного развития оборачивается разрушением механизмов конкуренции, составляющих сущность рыночной экономики. Так, принципы рыночной экономики оказываются жизнеспособными только в контексте консервативной модели государства.

Хотелось бы особо отметить, что веховская линия консерватизма, конечно, формировалась при опоре на православную духовную традицию. Отечественные мыслители признавали огромное значение христианских ценностей в развитии России. Однако сегодня крайне важно избежать упрощенного подхода к толкованию их творчества.

Говоря о значении христианских ценностей в формировании культуры, государства и права, русские философы не выдвигали какого-либо теократического идеала общественного устройства, не выступали защитниками цензуры, противниками светского государства и светской культуры.

Веховский проект заявил о приверженности правовой демократии, принципам автономии личности и толерантности. Веховский проект говорил о путях интеграции идей религиозного гуманизма и гуманизма светского, указывая на христианские истоки последнего, а также на общий для светского и религиозного гуманизма тезис о невозможности редукции человеческой личности к обезличенным реалиям.

Вместе с тем, веховский проект выступил с критическим анализом антигуманистических тенденций в западноевропейской философии и жизни. Его творцы указали на теоретическую несостоятельность попыток обосновать гуманизм с помощью натуралистического детерминизма, увидели возможность негативных последствий воплощения подобных идей.

Важно подчеркнуть преемственность современного консерватизма России по отношению к веховской интеллектуальной традиции. Стратегия развития современного российского консерватизма может быть осмыслена как творческое продолжение отечественной консервативной мысли.

Базовые принципы современного российского консерватизма не создаются теоретиками с чистого листа, а органически вытекают из отечественного консервативного идейного наследия. Современный российский консерватизм, развивающийся на базе достижений отечественной консервативной интеллектуальной традиции, предполагает формирование идеологии на основании утверждения безусловной ценности личного бытия, что позволяет рассматривать российский консерватизм как консерватизм персоналистический, выдвигающий в качестве основополагающей ценности ценность персоны. Личность в ее творческой свободе выступает фундаментальной ценностью российского консерватизма.

В основе российского консерватизма лежит представление о человеке как целостной личности, наделенной не только материальным бытием, но и неразрывно связанным с ним бытием духовным, обладающей способностью к свободному духовно-нравственному выбору и творчеству, откуда происходит ответственность человека.

Ценность личности является подлинным фундаментом консервативной идеологии. Российский консерватизм указывает на глубинную связь между совершенствованием жизни личности и улучшением общественного устройства, рассматривая личное бытие в качестве цели социального развития.

Российский консерватизм предстает как консерватизм творчески ориентированный. Он направлен не на сохранение прошлого как такового, а на анализ прошлого с позиции духовных ценностей в целях творческого применения достижений прошлого в настоящем.

Традиции прошлого творчески претворяются в созидание настоящего, в духовные основания преображающей мир деятельности личности, выступая источником ее творческих сил. Российский консерватизм утверждает гармоничное сочетание личной творческой инициативы с воплощением духовных ценностей в общественной жизни. Он видит в культуре фундамент общественно-государственного развития.

Ценностные ориентации человеколюбия, милосердия, сострадания, служения, творческого подвига, соборности, духовно-нравственного совершенствования, являющиеся неизменной сердцевиной российской культуры, утверждаются в качестве фундамента оптимальной стратегии развития страны.

Культура видится системой ценностей, способной объединить граждан России. Культура выступает как интегративная сила правового демократического государства.

При этом подчеркивается культуросозидающее значение традиционных конфессий России, необходимость сохранения всей полноты традиций российского многонационального и многоконфессионального общества.

Российский консерватизм предстает как направление мысли, утверждающее незыблемую связь культуросозидающего творчества личности с ее свободой в правовом государстве. Он провозглашает права лица и ценность личной свободы, понятой как творческая автономия персоны.

При этом личность воспринимается как инициативное творческое начало, живая сила, преображающая посредством творческого подвига себя, общество и вселенную. Личность видится активным общественным строителем, реформатором социальной системы, инициатором модернизационных процессов, созидателем национальной культуры.

Российский консерватизм настаивает на необходимости развития демократических институтов, заявляет о важности соучастия граждан в управлении государством, предполагает развитие правового демократического государства с учетом традиций российской правоментальности и в неразрывной связи с ценностями национальной культуры.

В контексте консервативного проекта подлинное демократическое государство призвано выражать интересы народа. Субъектом правового демократического государства является свободный народ, объединенный ответственностью перед своим историческим наследием.

Консервативный проект модернизации России – проект, предполагающий модернизацию на базе отечественной культурной традиции. Он определяет векторы развития модернизационных процессов, адекватные российской социокультурной почве и предполагает поступательное

общественное развитие без катастрофических потрясений и революций. Отвергая опыт централизованно управляемого хозяйства в тоталитарных системах, российский консерватизм утверждает ценность свободного рыночного хозяйства.

Речь идет о развитии социально ориентированной рыночной экономики, соединяющей принцип свободы рынка с элементами управления, выполняющими корректирующую функцию.

Утверждение принципов рыночной экономики гармонично сочетается с отстаиванием ценности социальной справедливости, столь характерной для Российской цивилизации. Экономический рост немыслим без обеспечения равных стартовых возможностей в целях развития творческой конкуренции. Именно сильное государство может обеспечить благоприятную ситуацию для конкуренции, ориентацию экономических процессов на удовлетворение интересов всего общества, развитие социальной направленности рыночной экономики.

Важное значение имеет и развитие системы социального партнерства для преодоления общественных противоречий, а также всемерная поддержка незащищенных слоев общества, которые являются полноправными участниками экономической жизни. Российский консервативный проект утверждает принципы экономической демократии – свободного и творческого управления народом своей экономической жизнью в соответствии с собственными ценностными приоритетами.

В контексте российского консерватизма строительство гражданского общества должно быть теснейшим образом связано с развитием свободного и ответственного солидарного служения.

Развитие личных свобод означает и развитие личной ответственности. Консервативный идеологический проект утверждает модель развития свободного плюралистического общества, основанного на высокой коммуникативной культуре, выражающейся в уважении к базовым ценностным основаниям общественной жизни, создающим общественную солидарность.

Толерантность в плюралистическом обществе подразумевает уважение его ценностных оснований. Творческая вовлеченность в созидание духовных оснований общества (а не агрессивная колонизация социальной среды обитания), основанная на высокой коммуникативной культуре, рассматривается в качестве адекватной стратегии конструирования подлинного плюрализма.

С позиции российского консерватизма государство выступает выразителем интересов граждан, действующим во имя общественного блага. Государственная политика проистекает из базовых ценностных ориентаций общества.

Именно в ценностях общества государство черпает творческие силы для формирования социально-политической стратегии. В сильном государстве, проводящим политику в интересах большинства граждан, усматривается гарант личной свободы.

Российский консерватизм отстаивает суверенитет и территориальную целостность Отечества, идеи единения и сохранения Родины, подчеркивает значение консолидации общества.

Концепция многополярного мира, с позиции российского консерватизма, может быть раскрыта в перспективе развития солидарного единства в многообразии различных культурных миров при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения. В многополярном мире Россия предстает уникальным цивилизационным образованием, интегрированным в мировое сообщество на достойных для нее условиях.

1.3 ПРАВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Рассмотрим взаимоотношение права, гражданского общества и государства в контексте социальной философии отечественного консерватизма. Речь идет о творчестве таких выдающихся мыслителей, как П.Б. Струве, С.Л. Франк, П.И. Новгородцев, представляющем веховскую традицию отечественной культуры.

Российский консерватизм веховской линии направлен на преодоление серьезных ошибок европейского консервативного мышления. Под влиянием немецкого романтизма некоторые направления консервативной мысли Европы XIX-XX веков пошли по опасному пути обожествления природы, интерпретации общества как природной целостности не метафорически, а онтологически (органицистская социология), восприятия личности как великого элемента социоприродного организма.

Консервативная мысль Европы частично связала себя с идеализацией общинного менталитета, коллективизма, социального иерархизма, неэффективных политических и социально-экономических моделей, разработкой социальных утопий.

Российский консерватизм демонстрирует возможность развития консервативной идеологии на основании утверждения безусловной ценности личного бытия, являющейся базовой для цивилизационно-культурного строительства европейского мира.

Российский консерватизм – персоналистический, выдвигающий в качестве основополагающей ценности личное творчество. Он учитывает

сложнейшую динамику исторического процесса, необходимость творческих синтезов в культурном и цивилизационном строительстве, недопустимость сведения консервативного мышления к набору упрощенных подходов к социокультурной жизни (защите жесткого социального иерархизма, абстрактной ценности величия прошлого, коллективизма, абстрактно декларируемых нравственных ценностей и т. п.).

Обогащая традицию консервативной мысли, веховский проект предложил увидеть взаимодействие права, гражданского общества и государства в зеркале персоналистической социальной философии.

С позиции отечественного консерватизма, гражданское общество как форма общественной жизни есть выражение солидарности в стихии свободы. Единство гражданского общества является проявлением спонтанности общественной жизни.

Целостность гражданского общества является итогом свободного сотрудничества отдельных личностей, образующих цельную социальную ткань.

Гражданскому обществу присуще внутреннее единство. Общество свободных граждан может быть представлено как спонтанно складывающееся многоединство.

Уникальные человеческие персоны являются полноправными членами гражданского общества. Посредством свободного взаимодействия отдельных личностей гражданское общество становится формой служения.

Важно подчеркнуть, что свобода личности в гражданском обществе теснейшим образом связана с ее обязанностями. Именно интересы общественного служения ведут к появлению в общественной ткани множества защищенных правом центров свободной деятельности.

Разделение общества на множество субъектов права обусловлено функциональным значением личной свободы. Свободная независимость членов гражданского общества выступает условием их вольной служебной взаимосвязи, взаимного солидарного служения в свободном согласии воль. Свободное взаимодействие личностей в гражданском обществе, придающее ему гармоничную целостность, есть сотрудничество-служение. Личная свобода, оправданная началом служения, цементирует гражданское общество энергиями солидарности.

Индивидуалистическо-атомистические модели гражданского общества, рассматривающие последнее как механический агрегат эгоистических сил, комплекс обособленных индивидов, сотрудничество которых представляет лишь временное совпадение интересов и не способно претендовать на глубинную духовную связь, могут быть подвергнуты серьезному

критическому анализу. Уподобление индивидов взаимно отчужденным эгоистическим атомам несостоятельно.

Человеческая личность имеет свою общественную сторону, выражающуюся в коммуникативных процессах и определяющуюся формами социального служения.

Служение в свободе – путь самореализации личности, неотделимый от ее сущности. Теория гражданского общества как внешнего средства удовлетворения эгоистических интересов взаимно отчужденных людей-атомов может быть преодолена посредством видения гражданского общества гармоничным духовным единством, пронизанным энергиями солидарного служения.

Гражданское общество представляет собой единство благодаря скрепленности ценностно-смысловыми связями. Взаимодействие между его многообразными формами осуществляется в русле его базовых ценностных предпочтений, устойчивого ценностного консенсуса, обеспечивающего общественную солидарность.

Жизнь гражданского общества протекает в контексте своеобразных ценностных ориентаций, консолидирующих социальную ткань общими смыслами, обеспечивающими согласованный паттерн мышления и действия.

Институт частной собственности теснейшим образом связан с жизнью гражданского общества. Право частной собственности определяется ее служебным значением.

Институт частной собственности может быть рассмотрен как форма социального служения. Он позволяет личности развивать свою служебную деятельность, будучи реальным материальным условием осуществления служения в свободе.

Право частной собственности является одним из оснований жизнеспособного развития гражданского общества, поскольку личность – есть духовно-телесное существо, воплощающее свои духовные идеалы посредством материального бытия.

Частная собственность предстает как продолжение телесного воплощения духовной жизни личности, способствующее ее полноценной духовно-творческой самореализации.

Частная собственность может рассматриваться в качестве расширения человеческой телесности, своеобразного материального органа духовно-творческого самораскрытия личности. Личная творческая активность, соборный аспект персональной жизни находит свое выражение в служебно-творческом использовании частной собственности.

Утверждаемый на служебно-функциональном значении, институт частной собственности ограничен общественными интересами взаимного сотрудничества, ценностными основаниями социальной жизни, государственным регулированием. Верховный контроль над собственностью принадлежит обществу как целому.

Общество не может санкционировать использование частной собственности в целях эгоизма, нарушающего его гармоничное развитие. Игнорирование принципа социального сотрудничества собственником, уклонение собственника от социальных обязанностей, пренебрежение служебно-функциональным смыслом собственности, разрушающее гармонию гражданского общества, ставит вопрос о возможности отчуждения частной собственности.

Собственник не тождественен абсолютному самодержцу. Он – управитель достояния, вверенного ему обществом в интересах осуществления служения в свободе.

Государственное бытие находится в теснейшей связи с жизнью гражданского общества. Государство представляет собой орган, осуществляющий планомерное общественное строительство. Планомерное общественное строительство может быть рассмотрено в качестве сущности государственной деятельности. Как инициатор планомерного общественного строительства государство является носителем творческого начала.

Планомерное общественное строительство подразумевает целостное духовно-материальное развитие общественной ткани, ведущее к утверждению общественного благосостояния. Бытие государства имеет творческий смысл, выраженный в осуществлении стратегии планомерно-умышленного оформления духовной и материальной жизни общества.

Государственное оформление общественной жизни имеет свои пределы. Государственное творчество ограничено ценностным миром гражданского общества. Государственное созидание общественной ткани не должно выходить за границы ценностных ориентаций гражданского общества. Государственное творчество общественной жизни органично проистекает из ее базовых ценностных ориентаций, опирается на них. Разрушение ценностных принципов общественной жизни угрожает бытию как гражданского общества, так и государства, поскольку именно из них государство черпает творческие энергии для конструирования общественной ткани.

Бытие государства опирается на конкретный культурно-ценностный фундамент общественной жизни, созданный в итоге свободного творчества представителей гражданского общества. Когда же государство абсолютизируется само по себе и вдобавок пытается организовать все сферы жизни, исходя из искусственных для общества идей, то оно неминуемо подавляет свободу

личности и ее творческий дух, вырождаясь в тиранию, превращаясь в тоталитарного оборотня, разрушающего субстанциальные основы общественной ткани.

Государство обретает свое бытие лишь в определенном ценностном контексте. Посягая на свой ценностный фундамент, государство, в конечном итоге, включает механизм саморазрушения. Задачи государственного творчества общества находятся в теснейшей взаимосвязи с его ценностными основаниями. Универсально-творческие задачи государственной жизни обладают определенным смысловым вектором, заданным идейно-духовным фундаментом общественного бытия.

Произвольное изменение этого вектора губительно для гражданского общества и государства. Общество как ценностно-определенное единство не должно планомерно развиваться государством по искусственному проекту, несущему отчуждение от базовых ценностей социальной жизни. Государство немислимо без гражданского общества как своей непосредственной основы, поскольку именно из его ценностного мира оно получает духовно-ценностную стратегию для планомерно-организационного общественного строительства.

Планомерное оформление духовной и материальной жизни государственной властью должно протекать в неразрывной связи со свободно создаваемыми обществом ценностями.

Либерально-манчестерский взгляд на государство, следуя которому задача государства ограничена охранением безопасности граждан (взгляд на государство как на «ночного сторожа»), сугубо внешней упорядоченностью общественной жизни, может быть радикально оспорен. Государство имеет внутренне-органичное отношение к обществу, произрастает из свободно создаваемого им ценностного мира. Свободное взаимодействие членов гражданского общества порождает государственное единство. Государственная целостность является отражением свободного взаимодействия членов гражданского общества.

Вопреки либерально-манчестерскому взгляду возможно развитие государственных стратегий духовно-материального формирования общественной ткани.

Правовое государство призвано укреплять экономическое благосостояние граждан, учитывать социальные различия на уровне «жизненного старта», признавая законным притязания граждан на прожиточный минимум и образование.

Правовое государство призвано активно формировать общественную солидарность с позиции справедливости, поскольку само государство выступает формой солидарности членов гражданского общества.

Государство призвано к активному развитию программ, направленных на духовное развитие общества, строительство национальной культурной жизни.

С позиции российского консерватизма, система права, с одной стороны, конституируется государством. С другой стороны, нормы права уходят своими корнями в спонтанно слагающиеся социальные отношения.

Право не может всецело декретироваться государственным началом, являясь рефлексией государства по отношению к свободно развивающейся общественной жизни. Границы государственного правотворчества определяются ценностными ориентирами конкретного человеческого сообщества. Право гармонично соединяет планомерность государственного бытия и спонтанность бытия гражданского общества.

Посредством системы права гражданское общество изнутри пронизывается государственным началом. Государство также изнутри пронизывается базовыми ценностными ориентациями гражданского общества, вольным сотрудничеством его членов, предоставляя посредством системы права возможность участия в государственной жизни. Право представляет собой начало общественной жизни, придающее отношению государства и гражданского общества характер целостности.

Нельзя не отметить, что развитие веховского наследия связано с творчеством А.И. Солженицына. Так, сборник «Из-под глыб» был задуман им как продолжение веховской интеллектуальной традиции. Идею программы авторов сборника отечественный мыслитель характеризовал как «нравственная революция», указывая в веховском ключе на зависимость формирования справедливого общества от нравственного развития личности.

Говоря о формировании современного российского правового государства и гражданского общества, хочется указать на значимость размышлений А.И. Солженицына. Теория демократии малых пространств и сочетанной системы управления, сформулированная А.И. Солженицыным и сформированная под влиянием идей П.И. Новгородцева, П.А. Столыпина, Л.А. Тихомирова, Д.Н. Шипова, представляется чрезвычайно актуальной.

Теория демократии малых пространств – проект формирования российского гражданского общества. С позиции А.И. Солженицына, демократия малых пространств осуществляется на территории небольшого города, поселка, группы деревень, района. Речь идет о проявлении творческих сил нации посредством постепенного развития эффективной системы местного самоуправления, формировании институтов свободы снизу при поддержке сверху. Демократия малых пространств подразумевает наличие сочетанной системы управления, укорененной в отечественной истории.

Сочетанная система управления связывается мыслителем с таким соединением деятельности централизованной бюрократии и общественных сил, которое способствует расцвету самостоятельного творчества нации.

Сочетанная система управления представляет собой проект создания демократического государства одновременно снизу и сверху, сотрудничество местного самоуправления и правительственной вертикали, их взаимное просвечивание и контроль. Речь идет о сотворчестве общественной ткани правительством и местным самоуправлением, о гармоничном сотрудничестве государства и сил гражданского общества. При этом А.И. Солженицын аргументировано обосновывает необходимость сильной президентской власти. Концепция А.И. Солженицына выдержана в русле социальной философии российского консерватизма, делающей акцент на органичном взаимодействии гражданского общества и государства.

Подводя итоги, отметим, что в контексте консервативного подхода, личная свобода, связанная с началом служения, пронизывает гражданское общество энергиями солидарности. Свободная независимость членов гражданского общества выступает условием их вольной служебной взаимосвязи, солидарного служения в свободном согласии воле.

Посредством свободного взаимодействия личностей гражданское общество становится формой служения. Гражданское общество имеет ценностные основания своего бытия, объединяющие социальную ткань общими смыслами, обеспечивающими согласованный паттерн мышления и действия. Государство немислимо без гражданского общества как своей непосредственной основы, поскольку именно из его ценностного мира оно получает духовно-ценностную стратегию для планомерно-организационного общественного строительства.

Планомерное оформление духовной и материальной жизни общества государственной властью должно протекать в неразрывной связи со свободно создаваемыми обществом ценностями.

Право представляет собой начало общественной жизни, придающее отношению государства и гражданского общества характер гармоничного единства.

1.4 ТЕОРИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ПЕРСПЕКТИВЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Чрезвычайно важно рассмотреть теорию естественного права П.И. Новгородцева как возможную идейную основу развития российского плюралистического общества и правового государства.

Выдающийся русский мыслитель являлся ведущим теоретиком школы «возрожденного естественного права» в России. Он посвятил свои исследования выявлению глубинных духовных основ права, разработал философско-правовую теорию, в которой правопонимание базируется на принципе безусловного значения личности.

Естественное право, согласно П.И. Новгородцеву, предстает совокупностью нравственно окрашенных воззрений на должное развитие общества, нравственным критерием оценки социальной жизни, существующим независимо от фактических условий правообразования.

Основное свойство естественного права заключается в «этическом критицизме» – возможности оценки факта жизни общества с этической точки зрения. Подобное понимание естественного права позволяет осуществлять нравственную критику позитивного права, определять нормативные оценки правотворчества, утверждать наличие над государством ценностных императивов, которым оно должно подчиняться.

Естественное право – неизменная идеальная норма как явление духовной жизни личности, доступное метафизическому изучению. В качестве нравственного идеала принцип естественного права имеет абсолютное значение, выступая основой и прообразом формального права.

Следуя П.И. Новгородцеву, право само по себе не способно осуществить преобразование общественной жизни. Правовое государство выступает лишь как подчиненное средство, реализующее нравственные силы личности. Основой бытия правового государства является ценностный стержень национальной культуры, укорененный в религиозной традиции. Ценностный стержень национальной культуры представляет собой органичную основу правового государства, гарантирующую его жизнеспособность. Естественное право связывается мыслителем с традициями национальной культуры.

Философско-правовая теория П.И. Новгородцева направлена на выявление субстанциальных основ правовой демократии. Фундаментом правового государства в ней выступают ценности национальной культуры – национальные святыни. Правовая демократия имеет своим предельным основанием агиократию – власть святынь в человеческой душе.

Утверждение безусловного значения высших духовных ценностей для развития человеческой личности есть глубочайшая основа правового государства, фундамент правовой культуры.

Совершенствование личности посредством сопричастности высшим духовным ценностям, сопровождающееся укреплением межличностной солидарности, способно выступать культуросозидающим фактором, определяющим пути формирования норм права и векторы развития правового сознания.

Важно отметить, что П.И. Новгородцев настаивал на использовании понятия «солидарность» в философии права. Русский мыслитель указывал на необходимость употребления данного термина в юридической науке.

Следуя П.И. Новгородцеву, нравственное развитие личности приводит к духовному единению с другими персонами, что позволяет включить категорию «солидарность» в идеальную норму естественного права, регулирующую системы формального правотворчества. Выдвигая учение о солидарности как свойстве естественного права, русский мыслитель полагал, что государство может способствовать солидаризации жизни общества.

Теория естественного права П.И. Новгородцева была творчески усвоена российским консерватизмом первой половины XX века. Учение о взаимосвязи политических реформ и духовного обновления человеческой личности, идея синхронизации развития правовых учреждений с развитием нравственных сил общества, утверждение национальных духовных оснований программы построения правового государства, расширение содержания понятия «право», акцент на усиление социальной функции государства – фрагменты теории П.И. Новгородцева в дискурсе отечественного консерватизма первой половины XX века.

Особенно хотелось бы указать на близость программы восстановления святынь П.И. Новгородцева и программы развития России как правового государства П.Б. Струве. Для Струве характерно акцентирование национально-культурных истоков развития правовой культуры России. Он считал, что Великая Россия должна строиться на началах утверждения права. При этом ценности национальной культуры превращаются в глубинное основание правового порядка.

Идеал Святой Руси как идеи русской правды пронизывает его программу развития России как правового государства. П.Б. Струве полагал, что этот идеал мира справедливости и нравственности – духовный стержень, фундаментальное ценностное основание российского правосознания.

Видение путей созидания правового государства в контексте культурного развития личности являлось краеугольным камнем общественно-политической стратегии журнала П.Б. Струве «Русская мысль», а также его проекта Лиги русской культуры.

Как уже отмечалось, в XX столетии развитие веховского наследия связано с творчеством А.И. Солженицына. К несомненным достижениям творчества А.И. Солженицына можно отнести его теорию правового демократического государства.

Концепция правового демократического государства формировалась в его творчестве под сильным влиянием идей П.И. Новгородцева. В духе

П.И. Новгородцева А.И. Солженицын выступает критиком культа демократии. Современный российский мыслитель критически относился к превращению демократии в идол.

Отмечая, что внешняя свобода тесно связана с осуществлением высших задач человеческого бытия, что государственное устройство зависит от развития уровня нравственности человеческих отношений, он поднимает проблему этических основ правового демократического государства.

А.И. Солженицыным детально разрабатывается понятие чистоты общественных отношений.

Чистота общественных отношений выражает духовные силы нации. Ее невозможно сформировать юридическими законами. Нравственное начало рассматривается им как основа начала юридического, нравственное право как фундамент юридического права. Следуя мыслителю, правовое демократическое государство зиждется на нравственном фундаменте. Вне данного фундамента демократической идеи грозит искажение.

Устойчивое общественное развитие в рамках правового демократического государства связывается А.И. Солженицыным с духом самоограничения. Речь идет о самоограничении во имя справедливости, самоограничении во имя других персон, подчеркивании связи свободы и нравственной ответственности. Уважение к человеческой личности, наличие чувства ответственности и самодисциплины, составляющие чистоту общественных отношений – вот подлинное основание правового государства для А.И. Солженицына.

Анализируя экономическую жизнь правового демократического государства, А.И. Солженицын отмечает, что частная собственность включается в само понятие личности. По его словам, обладание частной собственностью дает устояние личному бытию.

Мыслитель выступает за развитие частной инициативы при ограничении законами монополизации экономической жизни. При этом успешность всех форм хозяйственной деятельности связывается им с высокой трудовой моралью. Учение о правовом государстве раскрывается А.И. Солженицыным в русле идей П.И. Новгородцева.

Чистота общественных отношений, тесно связанная с ценностным миром национальной культуры, рассматривается мыслителем как основа государственно-правового развития России.

Теория естественного права, сформулированная П.И. Новгородцевым, может быть рассмотрена в качестве инструмента формирования российского плюралистического общества и правового государства. Какие

выводы следуют из теории естественного права для современной российской действительности?

Чрезвычайно важно подчеркнуть необходимость государственной поддержки программ, нацеленных на сохранение национально-культурной идентичности, духовного потенциала национальной культуры, способного гарантировать жизнеспособность правового государства.

Сохранение и развитие национальной культуры – условие жизнестойкости правового государства. Недооценка национального культурного контекста развития правового государства неминуемо приведет к кризису правосознания, усилению тоталитарных тенденций общественной жизни, недопустимому попранию достоинства человеческой личности.

Правовое государство не может развиваться адекватно вне заботы об общественной солидарности, поскольку естественное право подразумевает солидарность персон. Уважение человеческого достоинства подразумевает не только уважение приватного самоопределения личности, но и уважение человека как личности общественной, обладающей свободой в своих коммуникативных связях. Правовое государство призвано гарантировать условия для социальной самореализации личности.

Обеспечение базовых материальных потребностей, забота о получении образования, ограничение информационного и экономического насилия со стороны СМИ и крупного капитала представляют собой формы заботы о человеческом достоинстве, способствующие свободной социальной реализации личности.

Сильная экономически и духовно развитая личность подразумевает сильное государство с ярко выраженной социальной функцией. Тезис о расширении социальной функции государства закономерно следует из проекции естественно-правовой нормы солидарности в мир формального правотворчества.

Теория естественного права П.И. Новгородцева подразумевает выбор в пользу регулируемой рыночной экономики. При этом речь не идет о государственно-бюрократической регламентации рынка, монопольной власти над рынком со стороны государства, директивных методах воздействия, подменяющих собой сложную систему рыночной координации.

Регулирование рынка не равнозначно его регламентации. Оно представляет собой координацию экономической жизни, ориентированную на макроэкономические цели, отражающие общенародные интересы, выполняя вспомогательную функцию при конститутивной роли рыночной системы.

Регулирование рынка подразумевает развитие социально ориентированной рыночной экономики, сочетающей свободу рынка с элементами государственного вмешательства в рыночные процессы, основанного на принципе солидарного участия, оптимальном сочетании социальной солидарности и экономической эффективности.

Важно отметить, что дерегулированное рыночное хозяйство не соответствует естественному праву как критерию подлинной человечности. Острая социальная конфронтация, хищническая конкуренция, коммерческие войны, ущемление социальных интересов различных слоев общества, преобладание личных эгоистических интересов над общественными, резкие диспропорции в распределении, бесконтрольная эксплуатация природных ресурсов, выступая в качестве атрибутов дерегулированного рыночного хозяйства, способны привести общество к саморазрушению.

Также надо заметить, что принципы существования рыночной экономики не тождественны природным законам. Рыночная система функционирует в контексте ритмов духовной жизни человеческой личности, которая инвестирует в рыночное хозяйство свои ценности и несет ответственность за последствия этого инвестирования.

Идеи социального дарвинизма, оборачивающиеся расцветом эгоистического индивидуализма, губительны для рыночного хозяйства. Теория естественного права подразумевает сопротивление тоталитарным тенденциям внутри плюралистического общества, нацеленным на разрушение целостности личности, на навязывание человеческой личности деформирующего ее духовную жизнь образа.

Плюралистическое общество, включающее плюралистические формы гражданских ассоциаций и дифференцированных подсистем общества (систематические формы, выполняющих базовые социальные функции) представляет собой образ высокоразвитой социокультурной жизни человечества. Оно являет собой многообразие нормативных и институциональных форм, обладающих как отличиями, так и глубокой солидарной связью.

Жизнеспособность плюралистического общества обеспечивается целостным пространством коммуникативной культуры. Плюралистическое общество зиждется на коммуникативной культуре, подразумевающей духовную дисциплину, умение выходить за границы собственной нормативности посредством диалога. Тоталитарные тенденции представляют угрозу развитию плюралистического общества. К ним можно отнести популистские движения в сфере политической жизни, стремящиеся к упразднению различий внутри плюралистического общества, экспансию массовой культуры с ее ориентацией на унификацию социальной жизни.

К тоталитарным тенденциям следует отнести антидуховную тиранию средств массовой информации, навязывающих обезличенные формы социальной жизни, искусственно селектирующих темы обсуждения, создающих иллюзию коммуникативных процессов, подчиняющих своей власти социальное пространство. Тоталитарные тенденции связаны и с деятельностью деструктивных культов, проводящих активную колонизацию социальной среды.

Государство при сотрудничестве с гражданскими ассоциациями должно вырабатывать меры, направленные на предотвращение разрушения плюралистического общества. В связи с этим необходимо развитие духовно-созидательной роли информационных систем, а также чрезвычайно важна всесторонняя поддержка социальных форм, отвечающих за сохранение культуры диалогического общения, духовного здоровья, обеспечивающих системное воспроизведение национально-культурной идентичности.

Чрезвычайно важно отметить и то, что естественно-правовой подход превращает концепцию многополярного мира в норму естественного права. Концепция многополярного мира, осмысленная как идеал всемирной солидарности при сохранении сообществами их уникального своеобразия, может быть рассмотрена как основа международного правотворчества, экономического сотрудничества и культурного диалога.

Подводя итоги, важно указать на то, что правопонимание может основываться на принципе безусловного значения нравственной жизни личности. Основное свойство естественного права заключается в возможности оценки факта жизни общества с этической точки зрения. Нравственное развитие личности приводит к духовному единению с другими персонами, что позволяет включить категорию «солидарность» в идеальную норму естественного права, регулирующую системы формального правотворчества.

Теория естественного права может быть рассмотрена в качестве инструмента формирования российского плюралистического общества и правового государства. Духовный мир национальной культуры – условие жизнестойкости правового государства. Правовое государство призвано гарантировать условия для социальной самореализации личности.

Теория естественного права подразумевает выбор в пользу регулируемой рыночной экономики. Теория естественного права означает сопротивление тоталитарным тенденциям внутри плюралистического общества, нацеленным на разрушение целостности личности. Концепция многополярного мира может быть органично включена в норму естественного права.

1.5 КОНСЕРВАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Европейская цивилизация XXI века находится в состоянии «прощания» с ценностными ориентациями эпохи постмодерна. Ценности постмодерна обернулись мировоззренческими установками, оказавшимися не в силах определить долгосрочную перспективу развития европейского мира.

Время продемонстрировало необоснованность претензий теоретиков постмодерна на целостное отражение европейского духа.

Сегодня является очевидным, что постмодернистский взгляд на человека как на машину, производящую обезличенные витальные желания является крайне неглубоким.

Европейскими интеллектуалами достаточно основательно раскрыта поверхностность ценностей массовой культуры нарциссизма, неудача радикального разрыва с историей в эру постмодерна, проблематичность постмодернистского игнорирования историчности как фундаментальной характеристики человеческого бытия.

Обнаружила свою несостоятельность постмодернистская утопия «постиндустриального рая», воплощение которой повлекло отрыв от физической экономики, ориентацию на «дозированный прогресс», искусственное сдерживание научно-технических революций и информационно-промышленного производства, привело к тупикам турбокапитализма. Очевидный кризис теории и практики постмодернистского проекта мультикультурализма ведет к необходимости выработки новой модели межкультурного диалога.

Период, идущий на смену недолговечному постмодерну, сегодня связывается с усилением значения традиционных ценностей. Его можно назвать «новой традиционной волной». Новая традиционная волна – целостное социокультурное явление, отражающее изменение духа Европы в новом столетии.

Речь идет о ценностных сдвигах в жизни европейского общества: повышенном внимании к национальным и этническим истокам идентичности, стремлении к развитию социальной солидарности, феномене религиозных ренессансов, ориентации на историзацию культуры, акцентировании культурной самобытности в противовес распространению «ирландскому рагу» мультикультурализма, о подчеркивании значимости консервативных ценностей в противовес маргинальной ситуации в культуре, об уходе от антитеологического пафоса в общественно-научной жизни.

Важно отметить, что, говоря о новой традиционной волне, можно использовать термин «новая консервативная волна». Однако существуют

некоторые проблемы с применением данного понятия. Под неоконсервативной волной можно понимать модели развития консервативной идеологии. В нашем же случае речь идет именно о ценностных изменениях в европейской культурно-общественной жизни, а не об эволюции консерватизма.

Во избежание путаницы следует использовать термин «новая традиционная волна», не допускающий отождествления с неоконсервативной идеологией.

Новая традиционная волна отчетливо диагностируется в России. Феномены православного ренессанса, развития консервативной системы ценностей в современной России – пути развития российской новой традиционной волны. Конечно, новая традиционная волна в российском обществе имеет свои специфические особенности, хотя и погруженные в общеевропейский контекст.

К ним можно отнести созидательную роль традиционных конфессий (с их претензиями на воспроизведение национальной идентичности), совместные усилия общества и государства в поисках путей восстановления исторической памяти, ориентацию на творческое синтезирование консервативных ценностей дореволюционной России и советской эры, осознание бесперспективности модели атеистического государства.

Нам предстоит ответить на вопрос: какова модель развития плюралистического общества в условиях новой традиционной волны?

Плюралистическое общество – образ высокоразвитой социокультурной жизни человечества. Плюралистическое общество представляет собой многообразие нормативных и институциональных форм, обладающих как отличиями, так и глубокой солидарной связью. Жизнестойкость плюралистического общества гарантируется целостным пространством коммуникативной культуры.

Такое общество базируется на коммуникативной культуре отличий, подразумевающей духовную дисциплину, умение преодолевать границы собственной нормативности посредством диалога, выстраивать ценностные консенсусы.

Важно отметить, что в наше время продемонстрировала свою несостоятельность постмодернистская теория плюралистического общества, основанная на специфическом понимании сингулярностей.

Следуя теоретикам постмодернизма, сингулярности – неперсонифицированные, доиндивидуальные поля, отражающие в своем существовании тенденцию смерти субъекта как суверенного личного сознания. В социуме сингулярности образуют «роевые» сообщества, являющиеся «множествами», противостоящими «жестким» стабильным социальным структурам, управляемым по иерархическим, авторитарным законам.

Сингулярности стремятся подорвать стабильные социальные структуры, обращаясь в «бегство» от их «порабощающей» власти. Они находятся в состоянии борьбы с общественной системой, которая всегда стремится к укреплению господства над индивидом.

При этом власть демонизируется, связывается с авторитарным порабощением сингулярных «желающих машин», зараженных тенденцией ниспровержения власти.

В целом, деятельность сингулярностей направлена на разрушение социальной целостности, сопротивление всем формам власти, обратившимся в «негативный императив».

Сингулярности не способны на достижение консенсуса и друг с другом, превращая социальное пространство в борьбу всех против всех. Постмодернистская трактовка сингулярностей связана с восприятием человека как безличной машины, производящей витальные желания.

С позиции постмодерна, речь идет о постчеловеческих и посткультурных «роевых» сообществах. Человека как свободное, разумное, творческое, целостное лицо постигла смерть. Творческая самореализация субъекта скомпрометирована подчинением природы, социальными утопиями, духовными претензиями на воплощение вечного в историческом процессе. Государство, культура, социальная система выступают олицетворением различных форм «насилия» над человеческим существованием.

Постмодернистское мышление утверждает необходимость отказа от идеи персонального субъекта во имя растворения в ценностном мире гедонистической массовой культуры нарциссизма (рассматриваемой в качестве эталона), раскрепощения подавленных желаний, пути освобождения от «культурной ортодоксии» в «передовой» посткультурной множественности «униженных и угнетенных» сингулярностей, ведущей общество к вседозволенности и цинизму.

«Умерщвление» персонального субъекта происходит во имя «ботанического» взгляда на личность. Люди рассматриваются как организмы, бессознательно и хаотически растущие в несоизмеримых желаниях, каждое из которых имеет право на существование и должно вызывать уважение. «Ботаническая» теория сингулярностей стала основанием концепции мультикультурализма.

Мультикультуралистский проект может быть рассмотрен как неотъемлемая составляющая философской программы постмодерна. Это проект создания глобальной посткультурной общности с множеством посткультурных сингулярностей, представляющих собой маргинальные субъекты с присущим им ценностным релятивизмом. Постмодернистские сингулярности узурпируют социальное пространство, активно борясь с «фашизоидны-

ми притеснителями» в лице национальной культуры, культурных традиций, подлинного межкультурного диалога, рассматривая при этом себя в качестве «жертв».

К чему привела теория мультикультурализма на практике? Последствиями постмодернистского проекта мультикультурализма стали межэтнические конфликты в Великобритании, Франции и Австралии, меры по ужесточению иммиграционной политики в Европе, борьба за освоение европейского пространства варварскими методами «угнетенными народами», акции гражданского сопротивления белого населения (расставшегося с постколониальным комплексом вины), теракты в Мадриде и Лондоне, карикатурные войны, откровенно репрессивные меры европейских правительств по отношению к выходцам из бывших колоний.

Распространение массовой культуры в США, Европе, Австралии обернулось забвением национальной самобытности, разрывом с исторической памятью. Идеалы потребительского общества и массовой культуры оказались слишком «слабыми», чтобы остановить агрессивную активность по наведению нового порядка в Европе представителями бывших колоний.

Европейские нации не стали «мозаичными культурами» посредством гедонистических идеалов культуры нарциссизма. Маргинальным группам не удалось превратить свои ценности в доминирующие, хотя попытки многих СМИ представить их как преобладающие можно назвать впечатляющими. Постмодернистская теория плюрализма открыла путь групповому и индивидуалистическому эгоизму, провоцирующему развитие хаотических социальных форм.

Но означает ли кризис постмодернистской теории плюрализма необходимость отказа от модели плюралистического общества? Чтобы адекватно ответить на данные вопросы представляется целесообразным обратиться к теоретическому наследию отечественного консерватизма.

В интеллектуальной лаборатории российского консерватизма была разработана программа развития плюралистического общества на основе персоналистической теории сингулярностей и концепта «соборности», столь характерного для российского философского мышления.

Обратимся к творческому наследию теоретиков российского консерватизма. Разработка концептуальных основ консерватизма П.Б. Струве теснейшим образом связана с плюралистическим пониманием жизни общества. Русский мыслитель утверждает многомерную целостность общественной жизни – наличие в ней многообразных, неповторимых явлений при сохранении внутреннего единства. Концепция плюрализма П.Б. Струве опирается на теорию сингуляризма. Мыслитель признает существование множества автономных духовных субстанций.

Речь идет о множестве неповторимых человеческих личностей, надежных творческой свободой. Свобода связывается мыслителем с личным творческим подвигом и личной ответственностью, творческой автономией личного бытия. Струве отстаивает значение персональной сингулярности.

Основанием общественно-политической жизни для него является личность. Концепция персоны становится стержневой в его социологии и политологии. Идея личности и ее естественных прав – базовый принцип консервативного мирозерцания П.Б. Струве.

Струве считает, что общество – множественность персонифицированных сингулярностей. Он утверждает плюрализм и полифоничность форм социальной жизни, обосновывая данный тезис посредством идеи абсолютной ценности уникальной личности. При этом он стремится органично сочетать универсализм (делающий акцент на реальности общего) и сингуляризм (делающий акцент на реальности единичного). Органический синтез достигается посредством утверждения творческого плюрализма – учения о неповторимых личностях, свободно созидающих общество как единое целое, выступающих творческим порождающим началом. Опираясь на плюралистическое мировидение, русский мыслитель призывал к свободному творчеству национального духа и государства как соборной целостности.

Концепции П.Б. Струве глубоко дополнил его последователь – С.Л. Франк. Выдающийся русский философ подчеркивал неотделимость личности и общества. Общество, с его точки зрения, есть целостная реальность. Для характеристики социальной жизни С.Л. Франк использует термин «соборность».

При этом он применяет это понятие для всестороннего анализа социальной жизни. Соборное единство, соборно-духовное бытие – внутренние свободные духовные связи между личностями, превращающие общество в целостность. Соборность – процесс нераздельно-неслиянного сотрудничества человеческих персон, отражающий их духовное самоопределение.

Соборность – единство разнородного личного бытия. Но это не единство биологического организма, а духовная связь между членами общества, связь между сознаниями людей, глубинные смысловые нити, соединяющие отдельных людей в духовную общность. Понятие «соборность» раскрывает духовные основания общества, определяющие смысловой вектор социальной солидарности.

Русский мыслитель утверждает, что человеческое общество существует благодаря претворению в жизнь не природно-органических связей, а ценностно-смысловых. Именно идейные, смысловые, ценностно-культурные начала созидают человеческое общество. При этом они реализуются посредством творческой свободы личности.

На наш взгляд, важно указать на то, что плюралистическое общество в условиях новой традиционной волны может адекватно развиваться на основании теоретических моделей отечественного консерватизма.

Как уже отмечалось, «ботаническая» теория сингулярностей, ставшая фундаментом теории мультикультурализма, не выдержала проверки временем. Однако нет оснований отказываться от модели плюралистического общества. Подобное общество может быть осмыслено в контексте теории свободного соборного единства персонифицированных сингулярных форм. Многомерность общественной жизни не противоречит ее соборной целостности.

Плюрализм творческих форм социальной жизни согласуется с ее целостностью, которая цементируется смысловыми связями. Именно ценностно-смысловые связи являются интегрирующей силой, выступая контекстом творческого многообразия плюралистического общества. Творческий диалог между многообразными социальными формами ведется в горизонте базовых ценностных оснований конкретного сообщества, устойчивого ценностного консенсуса, обеспечивающего общественную солидарность.

Очевидно, что человеческие сообщества развиваются в горизонте самобытных ценностных оснований. Они обладают своеобразными этосами – взаимосвязью преобладающих представлений о наиболее существенных вопросах, ориентирующих развитие человеческого сообщества на модель целостности. Формы этоса – исторически обусловленные общепринятые представления о жизни. Можно говорить и о наличии ментальных границ общества, в пределах которых взаимодействуют разнообразные социальные формы. Иными словами, устойчивые соборно-духовные связи конституируют плюралистическое сообщество, оказывая непрерывное воздействие на социальную нормативность. Плюралистическая «необозримость» не означает вседозволенности, поскольку она обладает «естественными» ценностными границами.

В связи с этим, процессы агрессивной колонизации плюралистического общества со стороны социальных форм, расположенных внутри него, но воплощающих стратегию разрушения его соборных оснований, невозможно отождествить с коммуникативной культурой плюрализма.

Разработка стратегий, нацеленных на агрессивное упразднение преобладающего в данном сообществе этоса, направленных на испытание прочности его ценностного ядра, категорически недопустима и может быть рассмотрена как несоответствующая культуре диалогической коммуникации плюралистического общества. Сингулярности, стремящиеся к разрушению базового ценностного консенсуса, оказываются за пределами плюралистической культуры.

Социальные формы, расположенные внутри плюралистического общества и обладающие яркой ценностной спецификой, должны сконцентрировать свои усилия на поддержании такого этоса, который бы не блокировал диалог с преобладающим этосом, а способствовал его творческому развитию. Подобные социальные образования должны участвовать в творческом диалоге, будучи проникнутыми уважением к ментальным границам социальной среды их обитания.

Установка на толерантность внутри плюралистического общества подразумевает уважение базового этоса сообщества, его соборно-духовных оснований. При этом творческая вовлеченность в созидание соборно-духовных оснований сообщества (а не агрессивная колонизация социальной среды обитания), основанная на высокой коммуникативной культуре, может стать адекватной стратегией конструирования действительного плюрализма.

Подведем итоги. Консервативный идеологический проект утверждает модель развития свободного плюралистического общества, основанного на высокой коммуникативной культуре, выраженной в уважении к базовым ценностным основаниям общественной жизни, созидающим общественную солидарность. Толерантность в плюралистическом обществе подразумевает уважение его ценностных оснований.

Творческая вовлеченность в созидание духовных оснований общества (а не агрессивная колонизация социальной среды обитания), основанная на высокой коммуникативной культуре, рассматривается в качестве адекватной стратегии конструирования подлинного плюрализма.

ГЛАВА 2

КОНСЕРВАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

ГЛАВА 2. КОНСЕРВАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

2.1 ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Рассмотрим ценностные основания европейской модернизации, попытаемся исследовать содержание экономической этики, во многом определяющей исторические трансформации европейского капитализма, раскрыть логику влияния аксиологического фактора на систему капиталистического производства, а также проанализировать внутреннюю динамику ценностных оснований европейского капитализма, учитывая разные возможности его развития.

При этом в качестве методологической базы нашего исследования выбрана философия хозяйства Сергея Булгакова – выдающегося русского мыслителя двадцатого столетия. Именно его экономическая теория легла в основу размышлений о путях развития капитализма и трансформации его ценностного ядра, а также о путях развития модернизационных процессов в Европе.

Веберовская модель происхождения и развития капитализма прочитывается нами через философию хозяйства С.Н. Булгакова. Развивая идейное наследие российского консерватизма, Булгаков предлагал использовать теорию естественного права в целях обоснования абсолютной ценности человеческой личности. Эта теория противопоставлялась мыслителем радикальным социалистическим учениям, игнорирующим свободу личности в различных версиях «идеального» общества.

Важно отметить, что С.Н. Булгаков подвергал критике «стихийно-капиталистическую» теорию и практику. Русский мыслитель считал, что развитие свободы личности в экономической сфере возможно органично сочетать с элементами государственного вмешательства в экономическую жизнь. Подчеркивая значимость естественноправовой доктрины, С.Н. Булгаков указывал на необходимость борьбы государства с бедностью и несправедливостью, отвергая при этом тотальную регламентацию рыночной экономики. Булгаковский подход предполагает соединение апологии неприкосновенных прав личности с элементами государственного вмешательства в экономику.

Говоря о христианском социализме, мыслитель имел ввиду совокупность мер социальной политики, соответствующих христианской морали. Для него христианский социализм – совокупность мер к защите слабейшего от сильнейшего.

Важно отметить, что С.Н. Булгаков не предлагал какого-то теократического или социалистического проекта социального переустройства.

Сочетание свободы личности с элементами государственного вмешательства в экономику в границах правового государства, в котором процветает рыночная экономика при распространении в обществе консервативных ценностей – социально-политическая парадигма русского мыслителя.

Философия хозяйства Булгакова формировалась под непосредственным влиянием В. Зомбарта, Р. Штамллера и М. Вебера. Сближаясь с Р. Штаммлером, Сергей Булгаков обосновывал важность ценностного подхода при анализе экономической жизни, определяющую роль правовых и этических норм в развитии экономики. В работах В. Зомбарта С. Булгакову оказались близки идеи влияния религиозно-культурного фактора на пути социально-экономического развития. Идейная близость с М. Вебером обуславливается констатацией связи христианской этики труда и модернизации Европы. С.Н. Булгаков творчески использовал идеи западных ученых. Ему удалось осуществить синтез западных теорий с принципами отечественной философии, а также с патристическими воззрениями. Булгаковская философия хозяйства связана с персоналистическим постижением экономической деятельности, поскольку персонализм выступает как целостная перспектива мировидения, фундаментальная система координат для оценки реальности.

Следует отметить, что С.Н. Булгаков испытал серьезное воздействие персоналистической концепции хозяйственной деятельности Григория Паламы. В сущности, булгаковскую философию хозяйства можно рассматривать как творческое развитие паламистского философского синтеза.

Григорий Палама истолковывал человеческое бытие как самое совершенное среди всех видов тварного бытия. Человеческое бытие обладает большим совершенством, чем бытие ангельское, что обусловлено наличием у человека телесности, воплощенностью человеческого существования. Способность к хозяйственной деятельности, как способность к разумному творчеству, является привилегией человеческой жизни и отражает в человеке божественный образ.

Следуя Григорию Паламе, посредством присутствия в человеке Бог становится управителем природы, поскольку человек призван к творческо-попечительской миссии по отношению к тварному миру. Задача человеческой персоны состоит в том, чтобы достичь единства с Богом и, тем самым, объединить Бога и мир, поскольку бытие человека несет в себе все уровни тварной вселенной. Григорий Палама видел человеческое бытие как микрокосм и рассматривал природу в качестве продолжения человеческой телесности. Солунский, митрополит, усматривал в хозяйственном владении землей тесную связь с духовным самодержавием человека – подчинением чувственного начала человеческой природы разумному.

В философии хозяйства С.Н. Булгаков творчески следует персоналистическому паламистскому видению хозяйственной деятельности. В его интерпретации человечество посредством экономической деятельности созидает свою историю как историю собственного тела, потому что потенциальное тело для человека – весь мир. Разумно преобразовывая природу хозяйственной деятельностью, человечество созидает универсальное естественное тело, изображая в своей деятельности божественный образ бытия.

Веберовскую теорию происхождения и развития капитализма можно увидеть через философию хозяйства С.Н. Булгакова. Остановимся вкратце на веберовской трактовке происхождения капитализма.

Макс Вебер в своем анализе капитализма применил идиографический метод Г. Риккерта – метод описания историко-культурных реалий в их неповторимом ценностном своеобразии.

С позиции М. Вебера, происхождение европейского капитализма, развитие экономической рациональности в Европе теснейшим образом связано с рациональным характером христианской аскезы.

Христианская трудовая этика определила появление капитализма. Мирская аскеза протестантизма, призывавшая к осуществлению аскетических идеалов в рамках профессиональной деятельности, оказала большое влияние на развитие капитализма в Европе. Ценностный мир Реформации способствовал выработке капиталистического духа, вызвавшего к жизни экспансию целерационального действия. Развивающееся капиталистическое общество оказывается во власти формальной рациональности. В нем целерациональное действие превалирует над всеми остальными типами социального действия. При целерациональном действии критерием рациональности является успех.

Однако речь идет не о роскошном потреблении как цели жизни, а о восприятии хозяйственной деятельности как божественного призвания, вдохновении хозяйственной деятельности религиозной энергией. Развитие формальной рациональности для Макса Вебера является движением всего исторического процесса. Мировая экспансия целерационального действия означает триумф капитализма. Концепция Макса Вебера может быть осмыслена в рамках булгаковского подхода. Для С.Н. Булгакова хозяйственное действие опирается на духовный опыт. Стиль хозяйства соответствует духовному стилю эпохи. Формы экономической рациональности имеют в качестве основания духовный идеал.

С точки зрения булгаковского «религиозного материализма» (термин мыслителя, акцентирующий глубинную связь духовных и материальных процессов), любой тип экономики является материальным

отражением духовного мира человека. Рациональное экономическое действие homo economicus находится в зависимости от духовных поисков личности. Основой капитализма является хозяйственное действие, связанное с христианской трудовой этикой, успехом, понятым как разумно-творческая реализация персоны.

Для Сергея Булгакова христианская трудовая этика способствовала превращению Европы в очаг модернизации мира. Развитие рыночной экономики и промышленности, науки и техники, творческое преобразование человеком природы органично взаимосвязано с христианской духовностью. Так, православная этика труда, гармонично сочетающая принцип личного творчества с общественным служением, повлияла на возникновение русской промышленности и определила образ отечественного капитализма.

Характерное для всех христианских конфессий восприятие хозяйственной деятельности как экономического творчества, направленного на преобразование природы и отражающего в хозяйственной власти над природой духовное самодержавие личности, превратило Европу в центр модернизационных процессов.

Христианская этика труда определила появление эталона современности и образцов задержанного развития, связывая первый с эффективным подчинением природы человеком посредством разумного творчества. В контексте христианской этики труда вступление в современность теснейшим образом связано с творческим преображением вселенной.

Для С.Н. Булгакова дух капитализма является порождением христианского духа Европы. При этом С.Н. Булгаков справедливо указывает на близость протестантского мирского аскетизма и православного видения хозяйственной деятельности как подвижничества. Взгляд на хозяйственную деятельность как на подвиг духовного творчества, форму подвижничества, глубоко связанную с общественным служением, исполнением нравственного долга и разумным самоограничением, при распространении которого возникают наиболее благоприятные условия для развития производства и экономического прогресса, характерен для православной этики труда.

Философия хозяйства Сергея Булгакова может быть интерпретирована как персоналистическая экономическая этика. Ценность личности, привнесенная в европейский мир христианством, видится русскому мыслителю аутентичным основанием модернизации, способным обеспечить бурное развитие модернизационных процессов.

Сергей Булгаков предлагает программу модернизации России. Речь идет о консервативном проекте обновления, означающем модернизацию на базе национальной традиции. Русский мыслитель считает важным обрести

ее ценности в традиции отечественной культуры. Он призывает обратиться к прошлому как к источнику будущего, увидеть в прошлом источник обновления, творчески открыть традицию. Модернизация России не означает отрыв от истории, отчуждение от исторических корней. Основы историчности Европы и России связаны с ценностью персонального бытия.

Ценность персоны благоприятна для модернизации. Ценность личности составляет жизненно важную часть национальной традиции. Необходимо раскрытие творческого потенциала национальной традиции в целях эффективной модернизации российского общества. Ценность личного творческого подвига может быть увидена духовной основой модернизационных процессов в России. Хотелось бы отметить, что консерватизм усматривает в исторически сформированных ценностях общества источник его устойчивого движения вперед. При этом консервативный модернизационный проект основан на органическом сочетании инновационных изменений с сохранением общественного единства и идентичности в ходе модернизационных преобразований.

Консерваторы склонны рассматривать общественную солидарность, сохранение обществом самобытности как неотъемлемую составляющую развития. Они озабочены культурной легитимизацией модернизационных процессов, обнаружением в культурной традиции ценностных мотивов и стимулов для развития современных форм социально-экономической деятельности. Отстаивая модель устойчивого модернизационного движения общества, консерватизм предостерегает от невнимания к эндогенным культурным формам как факторам развития.

Инновационные изменения, не имеющие ценностного оправдания в обществе, не являющиеся легитимными с точки зрения его ценностей, подрывающие устойчивые системы социокультурных связей, разрушающие общественную солидарность и социальную справедливость, дестабилизирующие общественную жизнь подвергаются консерваторами критическому рассмотрению. Подобные изменения способны привести к срывам модернизационных процессов, усилению регрессивных тенденций общественной жизни.

Модернизация, с точки зрения консервативного мышления, связана с синтезом традиций и инноваций, с их оптимальным сочетанием. Антитеза традиционного и современного не характерна для подлинно консервативного мышления, поскольку консерваторы видят традиционное начало как способное к творческому динамическому развитию, осовремениванию, синтезированию новых цивилизационных форм. При этом игнорирование традиции ведет к утрате обществом подлинных предпосылок модернизационного движения.

Важно отметить и то, что с позиции консервативного подхода модернизация тесно связана с институциональными изменениями. Она подразумевает формирование современных государственных и общественных институтов, определяющих условия функционирования экономики. Модернизация предполагает формирование институциональной среды функционирования экономической системы, влияющей на направление ее трансформации. В то же время консерватизм озабочен соотношением институциональных изменений с самобытными ценностями культуры, менталитетом, рассматривает их в контексте социокультурного подхода, связывает гармоничный характер институциональных изменений с их интеграцией в социокультурное пространство.

Идеи, близкие персоналистической экономической этике С.Н. Булгакова, можно обнаружить в творческом наследии П.Б. Струве. Видный представитель отечественного консерватизма создал персоналистическую теорию экономической этики, где ценность личности выступает духовным основанием модернизации экономической жизни.

П.Б. Струве считал, что принцип творческой автономии личности может быть рассмотрен в качестве ценностного стержня европейских модернизационных процессов. Мыслитель стремился вернуть модернизации ее духовные основания, указывая на бесперспективность модернизации вне признания ценности творческой свободы лица. П.Б. Струве проектирует на экономическую жизнь идею творческой свободы личности, выраженную в принципе личной годности. С позиции мыслителя, в основе экономического прогресса лежит вытеснение менее производительных общественно-экономических систем более производительными. Более производительная система всегда опирается на более высокую личную годность.

Личная годность – совокупность определенных духовных свойств личности (выдержки, самообладания, добросовестности, самоограничения). Для отечественного философа экономически прогрессирующее общество может оптимально развиваться, исходя из принципа личной годности, который выступает основой и мерилем общественно-экономических отношений.

П.Б. Струве верно отмечает, что развитие экономики неотделимо от творчества основ культуры, представляет собой культурное дело. Развитие производительных сил России интерпретируется им как национальный идеал и национальное служение, имеющее фундаментом идею личной годности.

Экономическое оздоровление России отечественный мыслитель понимает как в высшей степени идеалистическую задачу, поскольку оно немислимо вне формирования «личной годности» как духовного развития

личности. Раскрывая духовные корни модернизации экономики, П.Б. Струве указывает на ценность личности как ее оптимальное основание.

Анализируя пути развития капитализма и модернизации, С.Н. Булгаков приходит к выводу, что их духовные основания могут существенно трансформироваться. Согласно его позиции, в капиталистическом мире созревает дух экономизма. Дух экономизма состоит в восприятии экономической жизни как религии. Экономическая деятельность перестает восприниматься как осуществление творческого призвания, утрачивается восприятие хозяйства в качестве выражения творческой самореализации личности, роскошное потребление превращается в религиозный идеал.

С.Н. Булгаков считает, что формальная рациональность, отчужденная от ценности духовного творчества, является отражением духа экономизма. Если критерием рациональности является успех, понятый эгоистически, в границах восприятия роскошного материального благополучия как религиозного идеала, то экономическая рациональность является рациональностью потребительской экономики, экономики потребительского и мещанского капитализма. Данный тип экономики основывается на псевдорелигиозной психологии – восприятию человека как раба природы, пассивной функции всевластной экономической жизни. Из активного субъекта экономических процессов человек трансформирует себя в пассивную вещь-объект, управляемую безличной логикой хозяйственных отношений. В итоге, капитализм утрачивает капиталистический дух. Капиталистический дух может развиваться в сторону духа экономизма и общества потребления, что приведет к трансформации капитализма. Развитие формальной рациональности, которое будет опираться на гедонистические псевдоценности, способно изменить облик капитализма. История продемонстрировала правоту Сергея Булгакова. Капитализм способен к трансформации. Творческая этика труда может модифицироваться в «этику» эгоистического самосохранения. Самоограничение трансформироваться в гедонизм.

Личная творческая инициатива способна видоизменяться в обезличенный патернализм – зависимость личности от бюрократической власти промышленных корпораций и государства.

Во второй половине XX века в США стал распространяться турбокапитализм, ориентированный на идеалы роскошного потребления, выстраивание виртуального сектора экономики и имеющий в качестве духовного основания массовую посткультуру. В конце прошлого века США осуществили экспорт модели турбокапитализма в глобальном масштабе.

История продемонстрировала и значимость прогнозов Макса Вебера. Немецкий мыслитель считал, что целерациональное действие,

являющееся атрибутом капитализма, может автономизироваться от духовных процессов, что приведет к деперсонализации человека в бюрократических механизмах власти, а также усилит тенденцию декультурации.

Прогнозы Макса Вебера осуществились не только в пределах тоталитарных систем, но и в границах турбокапитализма, где на человеческую жизнь влияет бюрократическая регуляция, а власть массовой посткультуры над умами людей похоже начинает граничить с универсальной.

Сергей Булгаков критиковал психологию экономизма как психологию мещанского духа в истории. Фактически, он говорил о массовом обществе потребления, где хозяйственные потребности и процесс их удовлетворения заменяет религиозную картину мира, где религиозная энергия передвигается в сторону неадекватного восприятия хозяйственной жизни.

Вобществе, пронизанном мещанским духом, человек возвращается к обезличенному мировидению. Он видит себя пассивной функцией экономики, которая отражает мир имперсональных биологических импульсов. Перед нами возвращение к психологии раба природы и отказа от персоналистического понимания творческой миссии человека. Развитие модернизации в обществе, пронизанном мещанским духом, отождествляется Булгаковым с черной магией, потому что имперсоналистический дух экономизма способен блокировать процессы модернизации, подменяя подлинный технический и экономический прогресс товарным фетишизмом. Из духовного самодержца, разумно управляющего своим телом и веществом всего мира, человек превращается в раба природы и собственных страстей.

Макс Вебер говорил о том, что формирование целерационального действия вызвано к жизни христианской трудовой этикой.

Однако Макс Вебер не дал детально разработанного прогноза относительно возможной инволюции капитализма в обезличенно потребительский, где над реальным сектором экономики выстраивается виртуальный, связанный со стимулированием искусственных потребностей человека. И тут веберовский подход нуждается в восполнении булгаковским, демонстрирующим возможность трансформаций духовных оснований капитализма. Опираясь на булгаковский подход, можно дать адекватную оценку современным тенденциям развития капитализма, когда складывается капитализм потребительского общества, турбокапитализм, имеющий в качестве духовного стержня массовую культуру нарциссизма.

Булгаковская интерпретация человечества как целостного субъекта, который через экономическую деятельность создает свою историю как историю универсального тела, чрезвычайно важна для истолкования турбокапитализма.

Разделение человечества на хороших и плохих потребителей, адаптированных к рынку и неадаптированных, последовательно проведенное с позиции «экономического расизма», при котором интересы неадаптированных игнорируются, является путем к социальному конфликту.

Субъектом хозяйственной деятельности выступает все человечество, а не его привилегированное меньшинство. Булгаковское видение человечества как единого субъекта хозяйственной деятельности может помочь в преодолении теорий капитализма, основанных на разделении общей человеческой природы, поставив проблемы взаимной ответственности и солидарности.

Различие в экономической жизни, наличие успешных и неуспешных субъектов хозяйственной деятельности, не может быть поводом для фундаментального разделения человечества на избранных и отвергнутых, между которыми лежит пропасть взаимоотноуждения.

Такой взгляд нельзя обосновать с точки зрения персоналистической экономической этики, так как ее принципы призывают увидеть человеческое достоинство во всех людях, утверждая независимость достоинства человеческой персоны от экономического благосостояния.

Капитализм, модернизация, развитие научной рациональности, безусловно, могут быть рассмотрены как порождение христианского духа Европы.

Отмеченные формы цивилизационного развития гармонично существуют в контексте ценности персоны. При выпадении из данного контекста, отрыве от персоналистической духовной оси, поглощении обезличенной религией консюмеризма цивилизационное развитие способно провоцировать глобальные конфликты, усиление экономического неравенства, экологические проблемы.

Черная магия консюмеризма в версии турбокапитализма должна быть осознана как одна из глобальных проблем человечества XXI столетия, как вызов для стран христианского наследия.

Преодоление религиозной психологии консюмеризма, несущей отчуждение между людьми, дискриминацию экономически неадаптированных, нежелание видеть образ Божий в ближнем и деятельно соучаствовать в его судьбе, утверждающей взгляд на человека как на животное, замыкающей поиск смысла жизни горизонтом примитивных материальных потребностей, может быть увидено как важная задача развития европейского мира.

Преодоление консюмеристского отношения к жизни возможно через возвращение к пониманию хозяйственной деятельности как духовного подвига экономического творчества, способствующего утверждению единства между людьми.

Важно отметить, что искать источник истощения экосистем в природе капиталистической цивилизации представляется противоречивым путем. Экспансия капиталистического хозяйства, трансформирующая природные системы, совсем не обязательно вызывает необратимую деградацию природной среды.

Подлинным источником проблемы является не капитализм, а консюмеризм. Функционирование капиталистического хозяйства не предполагает необходимого превращения в самоцель роскошного потребления. Именно консюмеризм подчиняет технологический прогресс иррациональной цели непрестанно возрастающего потребления.

В таком случае, действительно, люди способны «покорять» природу, не обращая внимания на последствия хозяйственной экспансии. Консюмеризм не дает оснований для принятия экологически целесообразных решений. Консюмеризм не является обязательным спутником капитализма и модернизации.

Консюмеристская тенденция может присутствовать в капиталистическом мире, но может его и не охватывать.

Важно понять, что капитализм многолик, что возможны его модификации в зависимости от изменения ценностных оснований. Консюмеристски ориентированный капитализм не в состоянии указать путь решения экологических проблем, предполагает упорное сопротивление планам реализации экологических проектов. В конечном итоге, консюмеризм не способен дать и серьезных стимулов для развития модернизационных процессов, поощряя товарный фетишизм, а не развитие сущностной рациональности научно-технического прогресса.

С точки зрения булгаковской экономической этики следует анализировать и советский опыт модернизации. Ее первые опыты опирались на эксплуатацию ценностного потенциала служебно-домашней цивилизации, которой исторически была Россия. И временами они носили довольно успешный характер. Важно отметить, что не ценностный мир служебно-домашней цивилизации стал преградой для вступления советской России в современность, но именно утопическая идеология.

Служебно-домашняя цивилизация – цивилизация в которой доминирует альтердеятельность (служебная, подвижническая деятельность, направленная на другого). Ее ценностный потенциал может быть органично претворен в духовные основания модернизации, чего нельзя сказать о советских идеологических мифах.

Со второй половины XX века Советский Союз нуждался в новом этапе модернизации. Однако иррациональная идеология советского государства игнорировала ценностные основания модернизации. Сама идеологическая

конструкция становилась тормозом процессов обновления, не оставляя обществу шансов стать современным.

Идеологические императивы не позволяли увидеть значение ценности персонального творчества. В итоге, советское общество утратило этот модернизации.

Выработка ценностного стержня модернизации не могла состояться в границах утопической идеологии, игнорирующей ценностный дискурс в сущности. Инерционная эксплуатация традиционной российской ценности служения блокировалась идеологией, отчуждающей человека от ценности личного бытия.

Привлекательный образ материального рая для всех затмевал осознание важности духовно-ценностной мотивации труда. Советское общество нуждалось в модернизации на основе традиционных для России ценностей, что не было осознано как стратегия развития. Необходимо было найти ценности модернизации в российской традиции. Это было легко осуществить, признавая значимость для России европейского ценностного мира, прочитав бытие страны в европейском историческом контексте.

Однако советские мифы враждовали с историей. Они не позволяли увидеть Россию как самобытный проект европейской истории, старались нивелировать ее европейскую самобытность.

В советском обществе не нашлось духовных сил для модернизационного движения. Их парализовала советская идеология.

На определенном историческом этапе в границах советской системы удалось эффективно решить задачу мобилизации ресурсов для модернизации, осуществить догоняющую индустриализацию, направить социальное развитие от раннеиндустриальной фазы к эре зрелого индустриализма. Основываясь на государственном интервенционизме, советский модернизационный проект на первоначальном этапе инерционно использовал традиционные ценности России в целях мобилизации населения. Он бессознательно опирался на идеалистический энтузиазм народа, ценности альтруистического служения и солидарной взаимопомощи. Именно благодаря народной поддержке удалось осуществить модернизационный рывок.

Однако советская система быстро исчерпала возможности использования традиционного ценностного ресурса. Она не обладала способностью создать условия для формирования механизмов его воспроизводства и творческого развития. Материалистическая идеология блокировала ценностные энергии. Стагнация 1970-1980-х годов в СССР не сопровождалась попытками формирования нового модернизационного проекта. Бюрократическая элита потеряла заинтересованность в нем и трансформировалась в социальную группу с эгоистическими интересами. В итоге, в

обществе восторжествовала антимодернизационная парадигма, что привело к экономическому регрессу.

Хочется предостеречь от упрощенного понимания принципов персоналистической экономической этики.

Утверждение, что ценность личного творческого подвига, имеющая православные истоки, может быть увидена основой модернизационных процессов в России, не подразумевает некоего теократического проекта «православной модернизации». Речь идет, прежде всего, о нравственных основаниях модернизации. Указание на православные истоки данной ценности не означает формулирования некоей религиозной парадигмы модернизации или заявления, что ценность личного творческого подвига наиболее последовательно воплощалась в отечественной истории исключительно в эпоху Средневековья и сегодня требуется возрождение средневековых социокультурных моделей.

Данная ценность обеспечивает преемственность развития всего отечественного историко-культурного процесса. Разве не было творческим подвигом народа России осуществление модернизации в эру Петра Великого? Разве не была творческим подвигом народа России индустриализация в прошлом столетии?

Разве не было творческим подвигом народа России развитие науки и техники в советскую эру? А разве не творческий подвиг, когда после крушения советской системы тысячи ученых и специалистов, несмотря на тяжелейшие условия и благоприятные возможности уехать зарубеж, остались творить на благо своей страны, понимая свою миссию как бескорыстное служение?

Сегодня, когда страна нуждается в новом этапе модернизации важно помнить, что гражданин России предстает не только как человек, обладающий высокими профессиональными и интеллектуальными данными, но и как инициативный, свободный и ответственный творец, способный к альтруистическому служению своей Родине.

Важно отметить и другое. Указывая на капитализм, модернизацию, развитие научной рациональности как раскрытие христианского духа Европы, П.Б. Струве и С.Н. Булгаков всесторонне поощряли развитие капитализма в современном им светском обществе. При этом они указывали на важность соединения развития капитализма с нравственными нормами.

Критическое отношение у мыслителей вызывали экономические теории и практики, видящие в человеке эгоиста-потребителя. Признание христианских оснований капитализма и модернизации никоим образом не умаляло значения секулярных моделей экономической этики и капитализма. Хочется особо отметить, что для отечественных мыслителей европейские

народы не обладают некой «монополией» на ценность персоны. Отечественные философы видели историю в свете ценностного универсализма. С данной точки зрения, ценность личности тем или иным образом может быть отражена во всех культурах.

Другое дело, что христианство способствовало глубочайшему раскрытию ценности персоны в мировой истории и европейские народы творчески усвоили это раскрытие, в том числе, и в форме гуманистической традиции культуры.

Когда речь идет о России, то очевидно, что русская культура в ходе длительного взаимодействия с культурами народов России передавала им ценность персоны, творческого подвига и служения, способствовала глубокому раскрытию ценности личности в других культурах, что превратило эту ценность в неотъемлемую составляющую культур народов России, ценность общероссийскую.

И особенно важно подчеркнуть, что русская культура, в свою очередь, обогатилась ценностными мирами культур народов России. Сказанное означает, что модернизация на основе ценности творческого и подвига и служения может быть понята именно как общероссийское явление.

Подведем итоги. Хотелось бы отметить, что консерватизм усматривает в исторически сформированных ценностях общества источник его устойчивого модернизационного развития. Консервативный модернизационный проект основан на органическом сочетании инновационных изменений с сохранением общественного единства и идентичности в ходе модернизационных преобразований. Консерваторы склонны рассматривать общественную солидарность, сохранение обществом культурной самобытности как неотъемлемую составляющую модернизационного развития.

Консервативный проект подразумевает осуществление модернизации на базе ценностей национальной традиции, обретение ценностей модернизации в традиции отечественной культуры. Ценность личного творческого подвига, связанного с общественным служением, может быть увидена духовной основой российских модернизационных процессов.

2.2 СТРАТЕГИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация промышленных систем является важным условием современного развития.

Модернизация промышленности невозможна без учета экологического фактора. Сегодня необходимо решать одновременно экономические и экологические задачи: развивать промышленность и заботиться об

экологической безопасности населения. Экономический рост важно сочетать с рациональным развитием промышленности с точки зрения экологического императива. Развитие промышленности сегодня подразумевает экологически ориентированную структурно-технологическую модернизацию. Экологическая модернизация может быть рассмотрена как преобразование индустриального общества на основе принципов экологической этики в целях предотвращения экологического кризиса. Экологическая модернизация также может быть определена и как видоизменение индустриального общества на базе экологической этики посредством гипериндустриализации.

Экомодернизация означает экологизацию промышленности, ориентированную на увеличение эффективности производства в сочетании с минимализацией экологических рисков.

Важно отметить, что достаточно сложно искать ценностные основания экологической модернизации в современных теориях постиндустриального развития, которые опираются на принципы технологического детерминизма.

Убежденность во всецелой определенности социального развития технологиями превращает теории постиндустриального общества в уязвимые по причине их неспособности воспринимать важнейшую роль ценностного фактора в модернизационных процессах.

Теории постиндустриального общества не нацелены на фиксирование ценностных трансформаций, задающих вектор развития модернизационных процессов. Это придает противоречивый характер их использованию недальновидными политическими элитами, переоценивающими значимость технического фактора и недооценивающими важность ценностных изменений. Именно ценностные ориентации являются двигателем модернизационных процессов, инициируя технологический прогресс, изменения в государственных структурах и жизни гражданского общества.

Двигателем модернизационных процессов является ценностное восприятие социальной реальности, рефлексия по поводу жизни общества в горизонте ценностного мира. Общество склоняется к изменению своей технологической формы в зависимости от преобразований нормативных оснований.

Экологическая модернизация может быть осуществлена в контексте принципов экологической этики, определяющих необходимость перехода от экстенсивного к интенсивному природопользованию в границах индустриального общества.

Важно констатировать, что разработка глобальной экологической этики столкнулась с серьезными затруднениями. Дело в том, что ее

онтологическими основаниями выступают различные концептуальные модели, определяющие глубоко отличные этико-экологические дискурсы. Речь идет о различных моделях экологической онтологии, формирующих во многом отличные пространства рефлексии.

Один из основных вариантов экоэтики можно охарактеризовать как биоцентристский. Биоцентристская экоэтика соединена с утверждением взгляда на экосистемы как суверенные этические формации. Она констатирует, что нравственные обязательства равны по отношению ко всем элементам природного мира.

С данной позиции отвергается онтологически мотивированная иерархия ценностей. Все части природы видятся ценными в равной степени. Принципы биоцентристской экоэтики связаны с идиллической, аркадской традицией восприятия природы в эру Модерна, наиболее ярко выраженной в пантеистических интенциях романтизма, воспринимающего человека как часть божественно-натуралистической данности и опирающегося на традиции античного пантеизма.

В качестве онтологических оснований биоцентристская экоэтика опирается на принципы романтическо-спинозистской натурфилософии.

Из данной модели экологической онтологии следует редукционизм в трактовке человеческого существования, утверждение, что соотносить все ценности с человеком концептуально несостоятельно, что целостность форм природной жизни в состоянии привести к осознанию норм деятельности, т. е. нормы деятельности можно вывести из органической целостности.

Критикуя разрушительный характер антропогенных воздействий, представители биоцентристской экоэтики определяют критерий нравственного действия через благо, целостность и устойчивость всей экосистемы. Благополучие экосистемы и есть высшая ценность. Данная экоэтика не хочет считаться с различием ценности и факта, выводя должное из сущего, растворяя ценности в природном мире.

Принцип биосферного равенства биоцентристской экоэтики, утверждающий радикальный отказ от антропоцентризма и подчиняющий жизнь человека гармонии экосистемы, открывает путь тоталитаризму, манипулированию людьми с антигуманных позиций биоцентризма, благополучия организмически истолкованных экосистем. При опоре на биоцентристскую экоэтику возможно обоснование принципа стационарного состояния, невозможности экспоненциального роста населения и промышленности, развитие утопических моделей антитехнологического общества.

Пантеистическая онтологическая модель, выбранная в качестве концептуального базиса экоэтики, превращает человека в пленника идолатрии природной жизни, провоцирует тотальную критику

технологического общества, эмансипацию витальных импульсов личности вне их сублимации, ценностный нигилизм.

Биоцентристская экоэтика стала звеном посткультурной программы постмодерна, провозгласившей смерть субъекта и этический релятивизм. Важно отметить, что биоцентристская экоэтика посредством релятивизма открывает путь гедонизму, а также использованию экологического дискурса во имя потребительских интересов финансовых элит.

В качестве альтернативы биоцентристскому подходу в экологии выступает антропоцентристская экоэтика. С позиции антропоцентристской экоэтики именно забота о человеке есть оправдание заботы о природе. От природы зависит эстетическое удовольствие человека, преодоление стрессов мира урбанизации, биологическое и экономическое благополучие. Поскольку воздействие технологий имеет кумулятивный характер, то возмещение для будущих поколений противоречивых последствий использования природных ресурсов есть моральный долг.

В свете антропоцентристской экоэтики разрушение биосферы есть путь к саморазрушению человека. В контексте антропоцентристского подхода рассмотрение единства в многообразии как целостности взаимодействующих уникальных природных субстанций связано с осознанием, что каждая субстанция ценна сама по себе. Однако все живое обладает ценностью не в равной степени, что обусловлено различием в сложности опыта живых существ.

Антропоцентристская экоэтика имеет христианские истоки, связанные с христианским пониманием человеческой миссии как попечительского управления природой. Она не должна быть отождествлена с модерно-имперской традицией господства над природой во имя эгоистических целей.

Антропоцентризм не может быть сведен к мании господства над природой посредством инструментальной рациональности. Верно, что эпоха Модерна сформировалась во многом под влиянием христианских ценностей. Однако в Модерне была сильна и эгоистическая прометеанская иллюзия человеческого всемогущества. Образ Модерна связанный с эгоистическим самообожествлением человека, забвением духовных ценностей, развитием эгоистической инструментальной рациональности повинен в инспирировании экологического кризиса.

Антропоцентристская экоэтика подразумевает контекстуалистскую интерпретацию технологии. Создание, развитие и использование технологии зависит от социального контекста. Технологию нельзя осмыслять вне человеческого контекста.

Ценности «встроены» в нее саму. В сущности, контекстуалистское понимание технологии связано с интерпретацией ее как продолжения человеческого бытия.

Данное осмысление избавляет как от мессианского взгляда на технологию, рассматривающего ее в виде источника освобождения человеческого духа, так и от демонизации, противопоставления технологии и человеческой природы.

В целом, антропоцентристская экоэтика ориентирована на качественный и избирательный экономический рост (рост, учитывающий дефицит ресурсов), переориентацию технологии на восстановление экологического равновесия, ориентацию рыночной экономики на реализацию экологических ценностей, технологическое преодоление негативных последствий технологии (создание промышленных экосистем), устойчиво развивающееся технологическое общество.

Антропоцентристская экоэтика может быть плодотворно развита посредством философского наследия отечественного консерватизма. В первую очередь, речь идет о философии хозяйства С.Н. Булгакова. Булгаковская интерпретация человечества как целостного субъекта, который через экономическую деятельность формирует свое универсальное тело, чрезвычайно важна для истолкования экологической этики.

Русский мыслитель рассматривал человеческое бытие как микрокосм и видел природный мир в качестве продолжения человеческой телесности. В его интерпретации человечество посредством экономической деятельности созидает собственную телесность, потому что потенциальное тело для человека – весь мир. Разумно преобразовывая природу хозяйственной деятельностью, человечество творит свое универсальное тело.

Соборное творчество человеческих лиц, связанное с творческим солидарным соучастием в жизни природы, творчески-освобождающим вмешательством человечества в природные системы, исключающим отношения между человеком и окружающей природой по модели насилия, может быть увидено как парадигма антропоцентристской экоэтики. Разрушение природы означает при таком подходе саморазрушение человека, его самоубийство, планомерное уничтожение собственной телесности, отражающее духовный распад личности.

Развитие булгаковского подхода ведет к стиранию грани между человеком, технологиями и природой. Жизнь природы неотделима от духовной жизни личности, которая может быть направлена как на духоносное преображение природы, так и на эгоистическую ее эксплуатацию. Природа может быть понята как часть общества. Нанесение природе ущерба приводит к угрозам для человеческого существования.

Надо сказать, что природа, интегрированная в цивилизацию и индустриально преобразованная, представляет собой неоспоримую реальность нынешнего века. Сегодня природу нельзя воспринимать автономной от общества. Экологические проблемы становятся проблемами общественными. Безусловно, крайне важно и булгаковское восприятие хозяйственной деятельности как подвига экономического творчества, направленного на преобразование природы и отражающего в хозяйственной власти над природой духовное самодержавие личности.

Понятие подвига позволяет критически оценить теории и практику консюмеристского капитализма, системно разрушающего природный мир. Представление о нем предполагает самоограничение, разумное регулирование потребностей, внутреннюю духовную дисциплину. Подвиг экономического творчества включает уважение к природе, тождественное самоуважению.

Булгаковское восприятие хозяйственной деятельности как подвига экономического творчества может быть органично дополнено концепцией П.Б. Струве. Для него человек – носитель в космосе личного творческого подвига.

Струвистская идея свободы лица, понимаемая как творческая автономия, персональный творческий подвиг, имеющий космическое измерение, безусловно, должна послужить дальнейшему формированию антропоцентристской экоэтики.

Следуя идеям отечественных мыслителей, состояние природного мира зависит от нахождения оптимального пути гармонизации внутреннего мира личности. Адекватное регулирование социоприродного развития возможно на пути экологической этики, ориентированной на персоноцентристскую парадигму. Речь идет об углублении антропоцентристской экоэтики, осмыслении ее как этики персоналистической. Личностное начало должно быть внесено в природу.

При этом именно персональное начало (вопреки биоцентристской экологической этики) может рассматриваться как наиболее совершенное и разумное. Романтическое наделение природы духовностью и разумом проблематично. Сохранение динамического равновесия экосистем – призвание человеческой личности, которая не может быть сведена к пассивной функции экосистемы.

Само устойчивое развитие важно определять в терминах персоналистической экологической этики как социоприродное развитие, являющееся отражением устойчивого духовного развития личности.

В границах персоналистической экологической этики возможно сформировать представление об эчеловеке. Эчеловек – творческая личность,

активно преобразующая себя и природу. Если использовать категории отечественной культуры, то речь идет о целостной личности, сочетающей вертикали духовно-ценностного развития и горизонтали развития цивилизационного, созидание себя и преображение космоса.

Российский проект экологической модернизации может и должен опираться на ценности отечественной культуры. Такая основополагающая ценность российской культуры как ценность творческого подвига и служения, связанная с самосовершенствованием и неотделимым от него преобразованием природы, может быть осознана в качестве духовного основания российской экологической модернизации.

Имеющая своим ценностным стержнем принципы экологической этики, экологическая модернизация может быть определена как супериндустриализация, ориентированная на высокие технологии.

Экологическая модернизация не противоречит росту экономики. Он может и должен быть синхронизирован с улучшением природных условий жизни личности. Рост экономики и рост экологического благосостояния выступают в качестве ее неотъемлемых свойств.

Эффективно проведенная экологическая модернизация обеспечивает синтез экологической и экономической рациональности. Бурно растущая экономика представляет собой спутник экологически эффективного капитализма.

Безусловно, для проведения экологической модернизации необходимо интенсивное взаимодействие государства, промышленности, науки, сил гражданского общества. Государство, предприятия, научное сообщество, различные силы гражданского общества – акторы экологической модернизации. При этом именно государство может выступать в качестве ведущего актора.

Обосновывая ведущую роль государства в процессе экологической модернизации, следует апеллировать к творческому наследию С.Л. Франка – выдающегося представителя отечественного консерватизма. Мыслитель рассматривал роль государства как творчески созидательную.

Государство призвано к воплощению универсальных целей творческого характера. Его ограниченность касается не выбора целей общественного развития, но путей и средств их достижения.

Духовно-творческая деятельность государства предполагает органичную связь с гражданским обществом, его ценностными основаниями. Эта связь питает государственную жизнь творческой энергией для активного общественного строительства.

С позиции С.Л. Франка, государство призвано служить духовно-материальному развитию общества, черпая силы из его ценностных

энергий. Для проведения экологической модернизации государство становится инициатором стратегического планирования, действий по структурным макроэкономическим изменениям, макроэкономической реструктуризации национальной экономики, осуществляет институциональные изменения.

Государство разрабатывает и запускает программу экологической политики для развития страны.

Экополитика тесно связана с культурной политикой, предполагая распространение национальных духовных ценностей, соответствующих экологической модернизации. В этом смысле экологическая модернизация неотделима от развития национальной культуры. Экологическая политика подразумевает разработку механизмов профилактики конфликта между процессом охраны окружающей среды и бизнесом. Государство должно задавать вектор развития рыночной экономики в целях синхронизации экономического роста и улучшения окружающей среды.

При этом речь не идет о командно-административном планировании, а об экономике, корректируемой правительством во имя преодоления непродуктивного краткосрочного использования природных ресурсов бизнесом.

Экологическая политика связана с поощрением развития новых промышленных технологий, а также находит свое выражение в справедливом распределении природных благ.

Предприятия частного бизнеса – негосударственные акторы экологической модернизации. Они обладают возможностью свободно развивать экологизацию промышленности, ориентироваться на увеличение эффективности производства в сочетании с минимализацией экологических рисков, превращение экономического процесса в процесс, свободно направленный на улучшение окружающей среды. И, тем не менее, экологическая переориентация индустриального общества не может обойтись без серьезного государственного воздействия.

Подведем итоги. В контексте консервативного подхода экологическая модернизация может быть определена как супериндустриализация, основанная на принципах персоналистической экологической этики. Их важно раскрыть в ценностях отечественной культуры.

Такие основополагающие культурные ценности как творческий подвиг и служение, связанные с самосовершенствованием и неотделимым от него преобразованием природы, ценность целостной личности могут быть осознаны в качестве духовного основания российской экологической модернизации. Она сопровождается восстановлением экологического равновесия, экономическим ростом, формированием устойчиво развивающегося технологического общества.

Экологическая модернизация представляет собой целостную стратегию научно-технического, социально-экономического и культурного развития, призванную обеспечить стабильно высокую динамику и качество экономического роста в сочетании с бережным отношением к природным богатствам страны, сохранением и приумножением ее культурного наследия. Безусловно, для ее реализации необходимо интенсивное взаимодействие государства, промышленности, бизнеса, науки, различных сил гражданского общества.

2.3 ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Необходимо соотнести теорию экологической модернизации с теориями постиндустриального и информационного общества.

Теории постиндустриального и информационного общества претендуют на объяснение современных социальных реалий, что делает целесообразным постановку проблемы: возможно ли поместить теорию экологической модернизации в контекст обозначенных теоретических конструкций? Теория постиндустриального общества формировалась как концепция, претендующая на «замену» социалистической идеологии СССР. Она была призвана создать привлекательный образ будущего, альтернативный марксистскому, но разработанный на основе методологических позиций близких марксизму. Концепция постиндустриального общества была задумана как футурологическая теория, описывающая идеализированное будущее.

С позиции данной теории возникает принципиально новая стадия общественного прогресса – постиндустриальная. Данная стадия приходит на смену индустриальной (капиталистической) стадии развития общества. Фактически, место социалистической формации занимает постиндустриальная.

Эра постиндустриализма связана с появлением принципиально нового типа общества. Речь идет о кардинальной трансформации социальной жизни. Новый общественный уклад характеризуется сокращением рабочих в промышленности (их заменяют «заводы-роботы»), ростом сектора услуг, увеличением роли теоретического знания, ограничением стихии рынка посредством возрастания роли планирования, гуманизацией отношений между людьми.

Постиндустриальное общество основано на развитии сферы услуг. Для него характерна сервисная экономика. Структура управления производством в постиндустриальном обществе принципиально отлична от управления производством в индустриальном.

Вертикальные иерархии индустриальной эры сменяются горизонтальными сетевыми структурами, предоставляющими возможность для творческой реализации участников производства. Постиндустриальное общество является бесклассовым. Основополагающим принципом социального деления становится принадлежность к профессиональной группе. Управляющей обществом элитой являются интеллектуалы.

Для постиндустриального общества характерно развитие системы постматериалистических ценностей. Мотивация трудовой деятельности человека приобретает творческий характер.

Постиндустриальное общество – общество коммунитарного типа. В нем люди перестают ориентироваться на удовлетворение своих эгоистических интересов, гармонизируют интересы общественные и личные (отход от экономизирующего образа жизни к социологизированному).

В контексте теории постиндустриального общества была сформулирована одна из версий концепции общества информационного. Речь идет о концепции, опирающейся на принципы теории постиндустриального развития.

Ее основы заложили Д. Белл и О. Тоффлер. Эти ученые, а также их последователи (Т. Стоуньер, Дж. Лихтхайм, Р. Дарендорф, А. Этциони, К. Боулдинг, Г. Кан, С. Алстром, Р. Сейденберг, Р. Барнет и др.) разработали теорию информационного общества (оно может быть определено и как «постбуржуазное», «посткапиталистическое», «пострыночное», «постсовременное», «постэкономическое», «постпротестантское», «постисторическое») как постиндустриального.

С такой точки зрения, информационное общество является социальным укладом, появившимся в ходе телекоммуникационной революции, развернувшейся одновременно со становлением постиндустриального общества.

В нем доминирует информационный сектор экономики, связанный с ведущей ролью информации и знания. Данное общество является бесклассовым. Большие корпорации сменяются в нем малыми экономическими формами, а безработица приобретает характер обеспеченного досуга.

Важно также отметить, что философы постмодернистской ориентации (Ж.-Ф. Лиотар, З. Бауман, М. Постер, Ж. Бодрийяр, М. Маффесоли и др.) внесли свой вклад в развитие теории информационного общества, основанной на принципах постиндустриализма. Этот подход отождествляет информационную эру с эпохой завершения Модерна.

Постмодернистская мысль связана с абсолютизацией ценностного релятивизма. Постмодернистские мыслители связали развитие медийной сферы информационного общества с освобождением человека от «тирании» истины.

Теория постиндустриального общества получила признание в Европе и США у интеллектуалов, которые пожелали остаться верными принципам экономического детерминизма, концепции идеального общества грядущего, но для которых марксизм был скомпрометирован практическим воплощением в СССР.

Концепция постиндустриального общества напоминает марксистский подход к анализу социальной реальности. Аграрная и индустриальные стадии выделяются на основании производственных отношений. Постиндустриальная формация приходит на смену капиталистической, фактически, заменяя эру социализма. Безусловно, ее уязвимой позицией является технологический детерминизм. Конечно, технологические революции оказывают влияние на изменения в социальной жизни. Однако технологии не выступают в качестве базиса по отношению к миру ценностей как надстройке в марксистском смысле. Базис и надстройка входят в единую систему социокультурной жизни. Изолированных от ценностей технологий не существует.

В технологическом процессе присутствуют ценностные формы. Так, огромное значение имели и имеют христианские ценности для развития капитализма и модернизационных процессов. Ценностные ориентации включены в технологии – их применение зависит от ценностно-социальных контекстов.

Развитие технологий само по себе не гарантирует большей свободы и творческого самовыражения личности, поскольку возможно переориентировать технологии на негативные цели. Сами по себе технологические революции не способны определить развитие ценностей в сторону гуманизации отношений между людьми, формирования творческого характера мотивации трудовой деятельности, укрепления духовной солидарности, что утверждает теоретиками постиндустриального общества.

Важно также отметить, что в границах теории постиндустриального общества сложно говорить о новом технологическом укладе. Термин «постиндустриальный» не претендует на его определение, не дает сущностных характеристик, позволяющих говорить о новом типе общества. Преимущественное развитие сектора услуг не характеризует новый технологический уклад.

Подразумевая серьезный модернизационный прорыв, теория постиндустриального общества не выявляет его сути. Она выдвигает некую абстрактную норму постиндустриальной модернизации. С позиции данной нормы реальные модернизационные процессы всегда могут быть

подвергнуты критике за гипертрофированную роль государства, экстенсивный характер и т. п.

Возможно использование теории постиндустриального развития в целях критики «невыгодных» модернизационных процессов, которые могут объявляться архаичными и несовременными, поскольку сдать экзамен на современность с позиции норм постиндустриальной модернизации весьма проблематично. Постиндустриальные параметры модернизации в силу их неопределенности не могут выступать критерием оценки реальных модернизационных процессов. Теоретики постиндустриального общества необоснованно склонны рассматривать некоторые современные социальные изменения в качестве кардинальных трансформаций общественной жизни.

Так, развитие гуманизации труда, призванное обеспечить повышение творческой активности участников производства, видится в ракурсе исчезновения вертикально-иерархической структуры управления производством.

Развитие профессионализации в общественной жизни видится в ракурсе ликвидации классового деления с присущими ему возможными конфликтами (отметим, что мы придерживаемся теории классов М. Вебера).

Возрастающее значение роли ученых-экспертов рассматривается как экспертократия, превращение интеллектуалов в правящую элиту. Прогресс в развитии ресурсосберегающих технологий отождествляется с решением экологических проблем. Развитие сектора услуг связывается с появлением сервисного общества.

Серьезные вопросы вызывает и определение постиндустриального общества как сервисного. Тенденция развития сферы услуг при формировании малосерийного высокотехнологического производства не является основанием для метаморфозы экономики в сервисную. Автономизация сферы услуг от технологий остается необъясненной в теории. Сегодня технологии пронизывают сферу услуг, но никак не изолируются от сервисного сектора.

Сама идея доминирования служебного сектора вызывает вопрос: не приведет ли практическое воплощение теории постиндустриального общества к снижению темпов экономического развития? Утрата четкой стратегии развития аграрно-индустриальной сферы экономики при повышенном интересе к потреблению товаров может обернуться превращением страны в рынок сбыта продукции других стран, бурно развивающих индустрию.

Теория постиндустриального общества была модифицирована в теорию информационного общества для преодоления ее недостатков. Она была призвана «спасти» идею постиндустриальной эры.

Новый технологический уклад был связан с микроэлектронной революцией. Было заявлено, что компьютерная революция привела к появлению отличного от индустриального типа общественного развития. Информационное общество стало отождествляться с эрой постиндустриализма.

Насколько правомерно говорить о том, что компьютерная революция породила принципиально новую форму общественного развития? Волна индустриальной рационализации, основанной на микроэлектронике, усилила процесс индустриализации, но не остановила его. Благодаря развитию информатики метод индустриальной рационализации стал эффективно применяться во всех секторах экономики. Более верно говорить об информационном обществе как обществе гипериндустриальном.

Гипериндустриальное общество – модернизированная и рационализированная форма индустриального общества, порожденная гиперразвитием индустрии. В гипериндустриальном обществе можно говорить о гипериндустриализации как развитии промышленности на основе информационных технологий. Данная форма общественного развития не является принципиально новой стадией общественного прогресса, ликвидирующей социальные и духовные противоречия.

Социально-экономические структуры гипериндустриального типа во многом наследуют противоречия индустриального общества. Бурное развитие информационных технологий не превращает общество в постиндустриально-информационное.

Информационные технологии пронизывают аграрно-индустриальные экономические процессы (при этом аграрные немыслимы вне индустриальных). Теория же постиндустриально-информационного общества необоснованно постулирует отрыв информационного сектора экономики от аграрно-индустриальных процессов экономического развития. В реальности изменение технологических оснований промышленного производства не означает автономизации информационного сектора, который органично включен в промышленные системы. Противоречия индустриального общества остаются присущими и гипериндустриальному информационному обществу.

Важно отметить, что в европейской науке существует направление, трактующее информационное общество как фазу развития индустриального. Согласно таким ученым как Ю. Хабермас, Э. Гидденс, Ф. Ферраротти, А. Рих, Г. Шиллер, К. Кумар, Р. Хейлбронер информационное общество рассматривается как этап развития индустриального.

В европейской науке можно выделить и неомодернистскую (Ю. Хабермас, Э. Гидденс и др.) теорию информационного общества, которая определяет информационную эру как продолжение и радикализацию

Модерна, более интенсивную фазу реализации проекта Модерна. Следуя данным интеллектуальным направлениям, информационное общество появилось в итоге рационализации западных индустриальных обществ и является стадией индустриального развития.

Стоит особо упомянуть о построениях Г. Шиллера, аргументировано указавшего на то, что в информационном обществе продолжают действовать принципы рынка. Действительно, информация превращается в товар, функционирующий в соответствии с принципами рыночной экономики. Рыночные критерии в информационном обществе превращаются во всепроникающие.

Конечно, телекоммуникационно-информационная революция привела к преобразованию инвестиционной и управленческой политики частного бизнеса, но не отменила механизмов рыночной экономики.

Г. Шиллер верно отметил, что социальное неравенство в информационном обществе не только сохраняется, но может и углубляться. Цифровое (информационное) неравенство способно углублять имущественное. Он верно указал на присутствующую в информационном обществе тенденцию развития корпоративного капитализма – капитализма корпораций с огромной концентрацией капитала, которые способны диктовать свои интересы государствам и международному сообществу.

Экологическая модернизация – преобразование индустриального общества на основании принципов экологической этики и посредством развития высоких технологий. Имеющая своим ценностным стержнем принципы экологической этики, экологическая модернизация может быть определена как супериндустриализация, сопровождающаяся качественным и избирательным экономическим ростом (ростом, учитывающим дефицит ресурсов), переориентацией технологий на восстановление экологического равновесия, технологическим преодолением негативных последствий технологий (создание промышленных экосистем), формированием устойчиво развивающегося технологического общества.

На наш взгляд целесообразно рассматривать теорию экологической модернизации в контексте теории информационного общества как этапа развития индустриального, в перспективе неомодернистского похода к анализу информационного общества, а также в смысловом горизонте теории гипериндустриального общества.

При этом данные теории должны быть глубоко связаны с принципами социокультурного подхода, указывающего на связь мира ценностей и технологий. Гипериндустриальное общество наследует экологические проблемы индустриального. Микроэлектронная революция сама по себе не гарантирует решение экологических проблем.

Безусловно, развитие инновационных технологий делает возможным восстановление экологического равновесия посредством экологизации технологических процессов. Однако само желание использовать технологии в экологических целях определяется ценностным фактором, принципами экологической этики, уровнем духовного развития общества.

Постиндустриальные стандарты развития представляют собой идеологически противоречивые постулаты. Подобные теоретические ориентиры социального развития не целесообразно делать контекстом экологической модернизации.

Для реализации проекта экологической модернизации России нет необходимости стремиться в клуб постиндустриальных стран. Необходимо занять прочное место среди гипериндустриальных держав и затем трансформироваться в гипериндустриальную сверхдержаву.

Подведем итоги. Теория постиндустриального общества не способна дать объяснение современным социальным реалиям.

Теоретики постиндустриального общества склонны необоснованно рассматривать некоторые изменения в жизни общества в качестве принципиального изменения социального уклада. Постиндустриальные параметры модернизации в силу их неопределенности не могут выступать критерием оценки реальных модернизационных процессов.

Информационное общество представляет собой форму общества гипериндустриального. Гипериндустриальное общество – модернизированная и рационализированная форма индустриального общества.

В контексте консервативного подхода экологическая модернизация осуществима под влиянием ценностного фактора, принципов экологической этики, духовного уровня развития общества.

2.4 ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Сегодня каждая страна располагает собственной моделью информатизации – планом развития своего информационного пространства в глобальном информационном обществе.

Воплощение модели информатизации становится успешным при наличии развитой технологической базы. Модель информатизации должна опираться и на особенности культурных традиций. Важным элементом модели информатизации является понятие культурного самоопределения, культурной идентичности того или иного сообщества.

Говоря о моделях информатизации, нельзя не говорить о культурном своеобразии различных сообществ, их неповторимых ценностных

основаниях. Безусловно, формирование информационного пространства страны становится важным культурным, экономическим и политическим фактором развития в XXI веке.

Формирование информационного пространства может быть рассмотрено в качестве долгосрочной стратегии социально-экономического, политического и культурного развития России. Очевидно, что только в случае интенсивного развития информационного пространства возможно рассчитывать на равноправное участие в формирующейся мировой экономике, основанной на цифровых технологиях, а также в мировых политических и культурных процессах.

Детально продуманная стратегия формирования информационного пространства страны представляет собой не только эффективный путь повышения качества жизни ее населения за счет вступления на путь высокотехнологического развития, перевода экономики на наукоемкие, ресурсосберегающие производства, организации информационного сектора экономики, но и способ распространения собственных культурных ценностей в мире, способ укрепления внутреннего единства общества, а также метод усиления международного влияния.

Развитие информационного общества невозможно без создания прочной технологической и экономической базы, серьезных преобразований в социальной сфере, поскольку технологическая модернизация связана с обновлением институциональной структуры экономики.

Однако, говоря об информационном обществе, недопустимо брать за точку отсчета его анализа только технологическую составляющую. Определение моделей развития информационного общества в той или иной стране не может быть отождествлено с созданием программ развития информационной техносферы.

Понятие информационного общества включает как технологический аспект, так и те принципы, которые формируют его смысловую структуру. Вместе с технологической составляющей информационное общество характеризуется составляющей ценностно-смысловой. Ценностная составляющая – это система духовных смыслов, активно формирующая информационное пространство, регулирующая информационные отношения и обеспечивающая их развитие. Ценностная составляющая является необходимым условием жизни информационного общества.

Информационная среда – это не только совокупность технологическо-информационных условий существования субъекта (наличие информационных ресурсов и их качество, развитость информационной инфраструктуры). Информационная среда предоставляет условия для развития субъекта информационного пространства и в силу

наличия ценностно-смысловых компонентов. Она включает в себе и ценностно-духовный потенциал, формирующий ментальность потребителя информации, его ценностный мир.

Государственная стратегия развития информационного общества должна быть ориентирована и на разработку его технологической базы, и на ценностно-смысловые основы, то есть и на предметы материальные, и на теснейшим образом связанные с ними духовные смыслы. Ценности, как и технологии, также должны быть осознаны как важный ресурс развития. Этапам развития информационного общества в России соответствовал и соответствует сегодня определенный уровень развития государственной политики. Речь идет о государственной политике информатизации.

Для дальнейшего развития государственной политики информатизации мы считаем целесообразным рассмотреть теоретическое наследие отечественного консерватизма XX столетия.

Речь идет о работах П.Б. Струве. Выдающийся философ и политолог видел в свободной личности высший критерий развития общества, рассматривал теорию естественного права в качестве инструмента развития Российской цивилизации, усматривал в правовом государстве гарант неприкосновенности личных прав.

Для этого философа Великая Россия – правовое государство с самобытной национальной культурой. Именно он является создателем концепции Национальной Идеи России. Следуя взглядам Струве, Национальной Идеей России должна стать идея единения государства (государственной власти) и нации. Нацию он предлагает рассматривать как соборную культурную индивидуальность, являющуюся результатом свободного соединения человеческих личностей посредством духовно-смысловых связей. С данной точки зрения, Россия как многонациональное государство представляет собой многообразие соборных культурных индивидуальностей, собранных под единым государственным покровом и скрепленных глубинными духовно-смысловыми связями.

П.Б. Струве выдвигает тезис о взаимной обусловленности государства и национальной культуры. С одной стороны, национальная культура не может быть сведена к политическим формам. Она возвышается над ними и даже должна подчинять их себе, выступая ценностным регулятором жизни государственной системы.

Философ категорически отвергает поклонение эмпирическим формам государства как идолопоклонство, утверждая взгляд на государство как на продукт культурного развития. С другой стороны, мыслитель констатирует, что бытие государства не может быть сведено к социальной технике. Его жизнь теснейшим образом связана с существованием нации и ее

культуры. Государство может обладать культуротворческой миссией, выступать в качестве культурной силы, способствующей развитию нации, активно участвующей в процессе национального строительства.

Исключительно внешним могуществом значение существования государственной системы не исчерпывается. Во имя культуры государство способно подчинять народную жизнь началу духовной дисциплины. В этом случае, следует говорить об одухотворении личности государственным началом. Государство, по мнению Струве, способно выступать инициатором не только политической стратегии развития нации, но и культурной, стимулировать творческое развитие культурного контекста своего бытия в соответствии с национальными ценностями. Он утверждает тесную связь государственного начала и национально-культурного. Государство – аспект существования нации, но аспект значение которого нельзя недооценивать.

Граждане способны подчиняться государственным целям, лежащим за пределами узкой сферы политических интересов (пример – преобразования Петра Великого в России). Подчинение таким целям истинно нравственный и патриотично настроенный гражданин не сопротивляется, а наоборот приветствует. Подобный «конформизм» обусловлен тем, что государство дает импульс для творческого развития национальной культуры при опоре на ее базовые ценности. Задача добиться спаянности государственного начала и национальной жизни, слитности государства с жизнью нации, их сращивания – проект Национальной Идеи России, выдвинутый П.Б. Струве.

Органичное соединение государственного начала и национальной жизни способно превратить российское общество в динамично развивающуюся социокультурную целостность, в жизни которого государство отражает бытие нации и в тоже время активно участвует в его формировании. Определение стратегических принципов развития российского информационного общества продуктивно в контексте консервативной концепции.

Российское информационное пространство может быть увидено как целостная соборная культурная индивидуальность, являющаяся результатом свободного соединения многообразных человеческих личностей посредством духовно-смысловых связей. Стратегическую цель государственной политики по отношению к информационному пространству можно определить как последовательное развитие его ценностно-технологического ядра.

Государство призвано к формированию информационного пространства на основе эффективного соединения технологических и культурно-ценностных ресурсов. Решение данной задачи в значительной степени будет зависеть от эффективности использования технологического и духовного потенциала российского общества в государственных целях.

Важно отметить, что евроамериканские (американская и западноевропейская) модели информатизации во многом не соответствуют российским реалиям. Европейский путь информатизации основан на поиске баланса между контролем со стороны государства и свободой рынка, на динамическом сочетании правительственных и рыночных сил с учетом того, что роль каждой из них может меняться во времени. Европейская модель связана с утверждением, что рынку нельзя позволить взять полный контроль над стратегией разработки информационных магистралей, однако эта стратегия должна учитывать возможности рыночных сил. Эта модель информатизации ориентирована в большей степени на функциональное информирование жителей стран Запада, а не на развлечения, как в США.

Англо-американский путь развития информационного общества подразумевает сведение функций государства к минимуму, а развитие деятельности частных лиц – к максимуму. Перевес частной инициативы во всех проявлениях развития информационного общества – американский путь информатизации (в то время как континентальная Европа характеризуется сильной ролью государства).

В Великобритании превалирует мнение о том, что государство должно как можно меньше вмешиваться в процесс развития информационного общества. Роль государства ограничивается созданием условий для расцвета рыночных сил. Путь, избираемый Великобританией, максимально близок к американскому, поэтому правомерно говорить об англо-американской модели информатизации.

Евроамериканские модели неадекватны российской ситуации. Речь при этом идет не о том, что нет надобности привлекать силы рынка к построению информационного общества. Подобное делать необходимо. Тем не менее, постсоветская Россия пережила глобальный ценностный кризис, кризис идентичности, вызванный крушением тоталитарной системы. Подобной ценностной катастрофы не испытал американский и западноевропейский мир.

Поэтому именно российскому государству в союзе с общественными силами, являющимися трансляторами традиционных духовных смыслов, важно стимулировать процесс облучения информационного общества духовными энергиями, создавать благоприятные условия для развития и непосредственно вмешиваться в процесс одухотворения информационного пространства. Без активной роли государства само развитие российского информационного общества становится весьма проблематичным. Как уже отмечалось, западноевропейская модель информатизации ориентирована в большей степени на функциональное, практическое информирование. Подобное информирование крайне необходимо России.

Но для российского общества еще более важно стратегическое ценностное информирование, творческая актуализация и освоение собственной духовной самобытности, возрождение духовного наследия, незаслуженно преданного забвению.

Стратегическое ценностное информирование может протекать при активном содействии государства в процессе формирования информационной среды. Государственное начало может выступать в качестве культурной силы, способствующей активному строительству национального информационного пространства. Калькирование американского образца, связанного с развитием сети домашних развлечений, недопустимо, ибо американская программа информатизации как цивилизации досуга отражает развитие массовой посткультуры.

Государство в России могло бы свести до минимума свое вмешательство в процесс развития информационного общества, ограничивая свою роль созданием условий для расцвета рыночных сил, при условии саморегулирования информационной среды традиционными ценностями. Однако такой данности нет.

Сравнительный анализ демонстрирует нетипичность российской ситуации, обусловленной серьезным постсоветским ценностным кризисом, предполагающим в качестве технологии преодоления опору на внутренние традиционные духовные ресурсы при активном содействии государства в процессе формирования информационной среды.

Путь информатизации России – путь синергетического сотрудничества государства и общественных сил, выступающих носителями традиционной российской духовности, совместно и ответственно распространяющих ценностные ориентиры в информационном пространстве.

В России для развития информационных супермагистралей и национальной информационной инфраструктуры необходим альянс государства и общественных сил, являющихся носителями традиционных духовных смыслов.

Для адекватного развития российского информационного пространства сегодня при активном государственном содействии необходимо синтезировать российскую духовность и информационные технологии. В смысловой архитектуре подобного синтеза будет отчетливо зафиксирован дух российского информационализма. Информационная среда станет вестником традиционных российских ценностей. Российская галактика коммуникаций гармонизирует технологическую форму и ценностное содержание, синтезирует ценности и технологии.

Открывается перспективный путь поглощения технологий символической средой российской культуры. Традиционные ценности усилят

свое влияние, избегая участи маргинальных субкультур, путем реального присутствия в информационной среде. Конструирование смыслового каркаса информационного общества на основе традиционной системы ценностей ведет к информационализму, выстроенному на базе исторически укорененной идентичности, что будет способствовать сохранению и развитию ценностно-идентификационного потенциала Российской цивилизации.

Последовательное воплощение в информационном пространстве России духовных смыслов, отражающих культурные традиции страны, использование технологических форм для передачи ценностной системы культуры России приведет к максимальному одухотворению российского пространства сетевого интеллекта, формированию не только цифровой экономики, но и цифровой духовности, отраженной в ясных смыслах и образах, превращению информационных ресурсов в духовно-материальные блага для населения страны. Актуализация в информационной вселенной ценностного потенциала страны, включающего ценностные ориентации русской культуры, а также всех культурных систем нашей Родины в их диалоге и взаимодействии, способна содействовать превращению России в одного из культурно-цивилизационных лидеров современности, информационную сверхдержаву.

Российское информационное пространство может быть увидено как соборная целостность, являющаяся результатом свободного взаимодействия человеческих личностей. С позиции консервативного идеологического проекта, государственная политика по отношению к информационному пространству может быть определена как последовательное формирование его ценностно-технологического ядра.

Государственное формирование информационного пространства призвано сочетать организацию его технологической базы с развитием ценностно-смысловых основ. Государство призвано к формированию информационного пространства на основе эффективного соединения технологических и культурно-ценностных ресурсов. Актуализация в информационной вселенной ценностного потенциала страны, включающего духовно-ценностный мир всего собора культур нашей Родины, способна содействовать превращению России в одного из культурно-цивилизационных лидеров современности, в информационную сверхдержаву.

ГЛАВА 3

КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ГЛАВА 3. КОНСЕРВАТИВНАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

3.1 СМЫСЛ КУЛЬТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Переходя к анализу философии культуры отечественного консерватизма, необходимо отметить, что теоретическое обоснование сущности культуры реализовано в данном интеллектуальном направлении на основе персоналистического мирозерцания, в осмыслении феномена культуры присутствуют все стержневые положения персоналистического дискурса.

Раскрывая принципы персоналистической культурфилософии, мы будем опираться на творческое наследие П.Б. Струве, С.Л. Франка, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, Г.В. Флоровского, Б.П. Вышеславцева, а также близкую веховскому проекту интерпретацию культуры в творчестве Л.А. Тихомирова.

Систематизируя основополагающие принципы персоналистической культурфилософии в контексте консервативного мирозерцания, отнесем к первой сущностной характеристике культуры ее сверхприродность. Отметим, что именно супранатуралистической трактовкой феномена культуры персонализм категорически отличается от различных версий культурорганицизма, которые обосновывают культурную реальность апелляцией к безличной природной самоактивности, использующей человека в виде пассивного объекта для реализации собственной творческой мощи.

Отрицая контроль культурных процессов со стороны безличной природной первоосновы, отказываясь трактовать универсум культуры как выражение природной необходимости, как всецело детерминированный природными регулярностями и закономерностями, совершенно независимыми от человека, но целиком задающими его сущность, персонализм постулирует культурную реальность в виде пространства человеческой свободы, утверждая индетерминированный характер культурогенеза в сравнении с преддетерминированностью космо- и биогенеза.

Раскрывая вторую сущностную характеристику культуры в ее свободе, персоналистическая философия наделяет культурный процесс атрибутами творческого динамизма. Она анализирует культуру в качестве целенаправленно организованной реальности, создаваемой в соответствии со свободно формируемыми смысловыми предпочтениями, обнаруживая определенное сходство свободной реализации креативной способности человека со свободной творческой самореализацией божественной Личности.

При этом, интерпретируя культуру как особый способ выражения специфической сущности человека, реализуемый в свободе, персонализм

не ограничивается абстрактной констатацией специфической сущности человека и производной от нее специфически человеческой сущности культуры, а обосновывает их через философскую антропологию.

Развивая пневматологическую философскую картину человека, в соответствии с которой человеческое бытие наделяется духовной способностью, находящей свое непосредственное выражение в трансцендирующем движении, персоналистический дискурс определяет сферу духа как характерную сферу культурного творчества, обнаруживает в качестве основания той реальности где находит свои истоки каждый единичный феномен культуры духовную деятельность, отождествляет креативное состояние человека с его духовным состоянием.

Именно утверждение духовных истоков культурного творчества, как третья сущностная характеристика культуры, становится отличительной чертой персоналистической культурфилософии.

Вместе с тем, постулируя духовный характер культурного творчества человека, персоналистический дискурс совсем не игнорирует роль физиологической конституции в культуросозидающем процессе. В своей антропологической концепции персонализм опирается на учение о духе как внутреннем ядре целостной человеческой личности, рассматривает культуру в форме творчества личного сингулярного духа, совершенно ирреального вне телесного начала в своем культуuroобразующем измерении.

Соединяя духовность культурного творчества с неперменным условием его материального воплощения, персонализм рассматривает человеческую телесность как реальность неспособную к творческому акту вне и помимо духовного импульса. Истолковывает ее как исполнителя волевых предрешений духа, представляет в виде иерархически субординированного духу проводника его изначальной культуросозидающей активности.

Однако и сам человеческий дух, в контексте персоналистического подхода, неспособен к культуросозидающей миссии вне своего телесного носителя, не может стать достоянием культуры в обособлении от телесных актов, элиминируется из культурного пространства, если не подлежит воплощению, утрачивает за пределами физиологической конституции человека свою культуuroобразующую значимость.

Подобный подход позволяет рассматривать культуру в контексте иерархически осуществленного нерасторжимого единства духовной и материальной сторон человеческого существования, отождествить ее с реализацией духовного содержания в материальной форме, манифестировать персональность культуры как ее существенную черту, отражающую вовлеченность всех уровней личного бытия человека в культуuroобразующие процессы.

Утверждая сверхприродный, свободный, духовный и личностный характер культуры, персоналистическая философия аксиологизирует культурный универсум человека, апологетирует ценностное понимание культуры, настаивает на интерпретации культуры как воплощении аксиологических систем и конфигураций, генерируемых работой человеческого духа.

Постулируя духовный характер ценностного универсума, персоналистическая философия избегает деонтологизации ценностей, преодолевает дуализм ценности и бытия, устраняет противоположность должного и сущего через апелляцию к божественной Личности, в которой ценность и бытие совпадают, а также через аксиологизацию человеческой личности, приобретающей абсолютную ценность.

В персоналистической аксиологизации личного бытия происходит непосредственное соединение личности и ценности, осуществляется синтез аксиосферы с персоносферой. В границах персоналистической антропологии ведущим культурообразующим началом становится личный человеческий дух, наделенный способностью к трансцендированию, воспроизводящий в ней свою свободу и сверхприродность. Способность к трансцендированию предполагает, что созидающее движение личности не замыкается в ней самой, а устремляется к другой персоне. Трансцендирование – творческий акт человека, выходящего за пределы своего замкнутого существования. Трансцендирование – основа творческого самовозрастания человека.

Персоналистическая культурфилософия отечественного консерватизма манифестирует сверхприродность, свободу, духовность, персональность, ценностный характер и трансцендирование в качестве существенных свойств культуры, усматривая единство ее атрибутивных характеристик в ее интерпретации как свободного воплощения ценностных ориентаций личного человеческого духа.

Интерпретируя культурную историю человечества как духовный и сверхприродный процесс, персонализм рассматривает ее в виде итога деятельности целостной человеческой личности, где доминирующая творческая роль принадлежит человеческому духу.

Утверждение, что в культурном процессе задействована целостная личность, а не один изолированный от психосоматической конституции абстрактный дух, приводит к признанию реальности культурного континуума в исторической жизни, в котором присутствует одухотворенная, преображенная работой духа материя. Анализ культурной истории в отечественном консерватизме связан с акцентированием значения христианской культуры во всемирно-историческом процессе.

Рассматривая социальное измерение культуросозидающей работы христианства в контексте отечественного консерватизма, необходимо

отметить, что претворение в жизнь стержневых целей человеческой личности и взаимных отношений между людьми сообразно ценностям христианской культуры способствует плодотворному формированию наиболее развитых социальных форм.

Устанавливая определенные обязанности человека по отношению к ближним, требуя укрощения своекорыстия и жадности, клеймя эксплуатацию человека человеком, предписывая людям взаимную помощь, концентрируя человеческие усилия на особенном внимании к слабому, христианская культура создает в высшей степени благоприятные условия для поднятия уровня общего благосостояния, воспитания в человеке созидательной социальной активности.

Христианское требование справедливости и заботы о всех дает непосредственный импульс усовершенствованию социальной организации. Христианское понятие о власти как учреждении, имеющем своей целью служение общему благу, формирует повышенные требования к государству как со стороны народа, так и со стороны самих носителей власти, воспитывая в них стремление соответствовать установленному идеалу.

Существенное влияние на социальное бытие христианская культура оказывает чрезвычайно высоким понятием о человеческой личности, поднимая достоинство человеческой личности до такой высокой степени, что с ним вынуждено считаться общество и государственная система.

Возвышая достоинство человеческой личности, христианство связывает его с представлениями о равном достоинстве людей в религиозном трансцендирующем акте – духовной способности к общению с личным Создателем. Утверждение же равенства всех людей в процессе богообщения обуславливает появление принципа равенства и в социальных отношениях, во многом неизвестного языческому миру.

Возвышая человеческую личность, христианство не остается безразличным к неповторимости сингулярного субъекта, стремится увидеть дифференциацию людей в их личных способностях и дарах, рассматривая подлинное социальное существование в виде существования интегрированного принципом солидарности – взаимным служением человеческих личностей, производным от их уникальных даров и способностей. К тому же сами властные структуры в контексте христианской интерпретации не могут быть объектом деификации и предметом религиозного отношения, воплощая принцип служения.

На этих христианских ценностных основаниях и строятся социальные формы, в которых развивается самостоятельная, полная внутреннего сознания прав и обязанностей личность, являющая собой прочный фундамент социального развития.

Сопоставляя пронизанную христианской солидарностью социальность и общественные отношения свойственные языческому миру, консервативное мышление фиксирует их серьезное отличие. Именно христианская культура принесла в Европу величайшие образцы социального развития, соединяющие государственную крепость со свободой личности.

Европейское гражданское общество, правовая культура, государственное строительство обязаны своему формированию ценности личности, имеющей христианские истоки. Это подтверждает и печальное доказательство от противного в европейской истории, когда упадок ценности личности привел к появлению тоталитарных диктатур.

Помимо своего плодотворного влияния на социальные отношения христианская культура стимулирует познавательную активность. Движение человеческой личности навстречу личному сверхприродному Абсолюту предполагает строгую дифференциацию тварного и сверхтварного бытия, последовательную демаркацию относительного природного и безусловного божественного начала.

Непоследовательность в подобной демаркации или ее совершенное игнорирование ведут к наделению атрибутами Абсолюта относительных природных явлений. Непременным условием христианского богопознания становится определенное знание об относительном природном мире, поскольку только при ясном познании природы человек способен отчетливо увидеть свой путь к Богу.

Вытекающая из смыслового ядра христианской культуры ультимативная дифференциация свободной духовной и необходимой природной жизни уполномочивает человека на исследование природы во всей полноте. Христианство утверждает несвойственное языческому миру отношение к природе, освобождает человека от натуралистической демонологии, воспрещает общение с природными духами. Языческая религиозная зависимость от природы ограничивала ее научное познание и техническое освоение. Распространение христианских ценностей открыло новую эру в развитии научного знания и техники. Христианские ценности повлияли на постоянно растущее научное познание в европейском мире, проявившееся в раскрытии сил природы, определении ее законов, в человеческом господстве над природным универсумом.

Таким образом, христианство способствовало организации высококультурной и цивилизационно развитой жизни со всеми ее атрибутами: наукой, искусством, техникой, формированием социальных отношений на основе соединения свободы и порядка.

Акцентирование значения христианской культуры в отечественном консерватизме связано с подчеркиванием ее связи с гуманистической

идеей. Христианство, с его глубоким проникновением в проблемы жизненного мира личности, раскрыло свой фундаментальный гуманистический потенциал. Введя в европейскую культуру ценности свободы, самоопределения, провозгласив творческую мощь человека, христианство определило гуманистический замысел европейского культурного универсума. Мироззренческая парадигма гуманизма обнаруживает свои христианские истоки.

Консервативный проект подразумевает творческое развитие гуманистической традиции, глубоко осознающей нередуцируемость ценности личности в мире. Речь идет о творческом развитии гуманистически ориентированной культуры в светском государстве.

Подводя итоги рассмотрению консервативной концепции культуры, зафиксируем в ней отражение всех сущностных характеристик персоналистического подхода к культурному творчеству. Отметим акцентирование духовности и ценностного начала в культурном творчестве, свободного сверхприродного характера культуры, а также воплощенности культурного бытия в материальном измерении человеческого существования. Анализ культурной истории в отечественном консерватизме связан с выделением значения христианской культуры во всемирно-историческом процессе. Христианство способствовало организации высококультурной и цивилизационно развитой жизни со всеми ее атрибутами: наукой, искусством, техникой, формированием социальных отношений на основе соединения свободы и порядка.

Выделение значения христианской культуры в отечественном консерватизме связано с подчеркиванием ее связи с гуманистической идеей. Распространяя в Европе ценности свободы, творческого самораскрытия, провозгласив творческую мощь человека, христианство определило гуманистический замысел европейского культурного мира.

Европейский гуманизм обнаруживает свои христианские истоки. Консервативный проект подразумевает творческое развитие гуманистической культуры в светском государстве.

3.2 ДВА ОБРАЗА МОДЕРНА: ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ VERSUS УТОПИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМ ЭПОХИ МОДЕРНА

Рассмотрим концепцию эпохи Модерна исходя из принципов консервативного мышления. Отметим, что марксистская интерпретация Модерна, а также близкие ей версии прогрессистско-детерминистских теорий данной эпохи, все более утрачивают свою привлекательность.

Раскрытие смысла Нового времени через прогрессистскую логику эмансипации индивида, ведущую его через секуляризацию к полному

«освобождению» в идеальном обществе, способно вызвать сомнение в цивилизационном проекте Модерна.

Если модерная эмансипация привела к отчуждению человека в тоталитарных государствах и индустриальном капитализме, то не есть ли сам Модерн лишь грандиозная неудача?

Если Модерн идентичен проекту прогресса, ведущему к доминированию репрессивного разума, то есть ли необходимость в «спасении» Модерна? Признание противоречивой трактовки сущности Модерна марксизмом, различными версиями историософского прогрессистского детерминизма приводит к противоречивой критике Модерна.

Если модерное освобождение индивида тождественно прогрессу в приближении идеальной будущности, исторически скомпрометированному тиранией репрессивного разума и прогрессистскими утопиями, то не целесообразно ли выйти за границы столь противоречивой эпохи? Если Модерн тождественен «прогрессу» в подавлении свободы, не представляются ли спорными любые попытки его реабилитации?

Трактовка Модерна с левых идеологических позиций не способствует выявлению его сути. Именно такая трактовка приводит к ошибочной дилемме левых интеллектуалов: Модерн надо либо целиком принять, либо целиком отвергнуть.

В данном случае принятие Модерна означает принятие его прогрессистской трактовки, чреватой утопическим пафосом. Отказ от Модерна означает разработку нигилистической картины мира, где нет места утопиям. Развитие современного консерватизма невозможно без его самоопределения по отношению к ценностным доминантам эпохи Модерна, поскольку сам консерватизм рождается в эту эру.

Современный консерватизм не может некритически следовать трактовкам Модерна, созданным в ключе левых идеологических концептуализаций. Принятие подобных трактовок делает консервативное мышление примитивным.

Действительно, принимая данную модель интерпретации Модерна, консервативное мышление оказывается неспособным воспринять утопический пафос Нового времени. Но тогда консерваторы должны встать по отношению к Модерну в непримиримую оппозицию, утверждать, что эпоха Нового времени и консерватизм в принципе исключают друг друга. В этом случае им не избежать острой критики. Консерватизму выносятся обвинения в реакционной попытке вернуть Европу в домодерные эпохи.

Для развития современного консерватизма требуется понимание, что схемы Модерна, разработанные в контексте левых идеологий, не выявляют его сути.

Сегодня можно говорить о двух образах Модерна. Один из них связан с развитием субъекта как свободы и творчества. Христианская культура обозначила свое присутствие в Модерне через ценность свободного разумного субъекта. Модерн творит образ человека, способного осуществлять духовный контроль над своими действиями и жизнью.

Субъект воспринимает свои действия как процесс ответственного созидания неповторимой индивидуальности. Триумф рационального преобразования природы, которое расколдовало природный мир, теснейшим образом связан с христианской теорией субъекта. Свободный персональный субъект, творчески преобразовывающий себя и космос, был неизвестен языческому миру с присущим ему космоцентризмом.

Идея свободного разумного субъекта, трансцендирующего порядок естественного мира, появившаяся как христианская теория отражения божественной Персоны в человеческой личности, воплощалась в истории в век Модерна. История этой эпохи – это история свободного разумного субъекта. Идея свободного разумного субъекта стала служить средством сопротивления угнетающей власти, подавляющим личностную свободу социальным аппаратам. Эта идея явилась источником научно-технического прогресса, социально-экономической модернизации мира, гуманистической рационализации общественной жизни, развития рациональных способов хозяйствования, правовой культуры.

Трагедия европейского Модерна заключается в том, что он развивался в противоречии с частью себя. В эпоху его расцвета происходит отвержение персонального субъекта, пренебрежение онтологией субъектности во имя обожествления природы, хилиастического проекта идеального общества. Модерн связан и с разрушением ценности субъекта во имя обожествления разума и природы, растворением субъекта в безличном порядке природы или натуралистически понятой истории. Этот образ Модерна соединен с тоталитаризмом.

«Разорванность» Модерна обусловлена его ориентацией как на ценность свободного разумного субъекта, так и на идею поглощения личности деифицированной природной необходимостью. В последнем случае субъект из творца самого себя, активного создателя общества становится безликим элементом социальной, политической, экономической и, в конечном итоге, природной системы. Ценность свободного разумного субъекта отвергается во имя обожествления природной тотальности.

Уместно говорить об утопическом векторе развития Модерна. В данном образе Модерна общество отождествлялось с естественным миропорядком, утверждалась вера в тотальное подчинение человечества законам

природы. Внутреннее духовное и внешнее социальное освобождение человека здесь не состоялось. Утопический Модерн жил мечтой создать идеальный естественный рациональный мир. В нем человек мнил себя богом, но в результате увидел себя пленником железной клетки, сконструированной тоталитарной властью. Речь идет о модерности без ценности персонального субъекта – модерности, осуществляющей теоретическое и практическое сопротивление (погружение Европы в эру «континентальной гражданской войны» тоталитарными режимами) ценности персонального бытия.

Утопический Модерн стремился к «естественной» модели общества и личности. Поиск такой модели развивался вместе с идеей освобождения от традиций, радикальной детрадиционализации. «Естественная» модель подразумевала устранение христианского образа человека, утверждение натуралистского видения человека и общества, игнорирование теории естественного права. Утопическая интеллектуальная мысль видела историю человечества как управляемую естественными законами, которые открывает разум и которым сам разум должен покориться. Происходит отождествление жизни общества с социальной материей, функционирующей в соответствии с принципами обожествленного детерминизма. Подобному социальному телу должно избавиться от неразумных и неестественных форм организации, устранение которых возможно и репрессивными методами.

Мысль утопического Модерна объявила идеалом человеческого существования возврат в природный коллективизм, растворение в безликой материи. Подобная философия через идеологическую трансформацию привела к появлению тоталитарных диктатур и массовых обществ, ставших проклятиями XX века. Истолкование человека частицей безликой природы, в конечном итоге, повлекло его деперсонализацию. Человек утратил свободу, превратился в орудие безличных механизмов власти, стал рабом и объектом манипуляций в тоталитарный век.

Обосновывающая бегство человека в пути социального отчуждения, нивелировку личности в тисках принудительного социального обезличивания, натуралистическая мысль Европы готовила практику подавления индивидуальности в тоталитарных режимах XX века. За идеями совершенного природного строя скрывалась возможность духовного отчуждения, попрания уникальной субъективности другого в анонимном коллективе людей-объектов.

Трактовка социума как обожествленного естественного порядка, универсального монолитного родового сознания, в котором индивидуально-личное бытие лишено независимости и реального содержания переросла в

апологетику тоталитаризма, концепцию манипулирования людьми-вещами от имени партий и государств. Органицистская концепция человеческого общества как совершенного единого природного целого обернулась формированием анонимного и всеобъективирующего «мы» в государствах тоталитарного типа.

Модерн сформулировал утопию «естественного» рационального общества, в котором разум не ограничивается сферой научной и технической деятельности, а становится сакральным принципом управления людьми. Через воплощение утопий абсолютной рационализации и натуралистической социологии Модерн обнаруживает себя как репрессивный проект тоталитарной интеграции.

Критика утопического проекта Модерна с позиции признания первостепенного значения ценности персонального субъекта – характерная черта отечественного консерватизма.

С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, П.И. Новгородцев отмечали, что европейская интеллектуальная история XVIII-XX веков оказалась под сильнейшим влиянием утопического духа, выраженного в созидании натуралистического мифа о человеке и разработке утопий грядущего на базе принципов антиперсоналистической философии. Для отечественных мыслителей натурализация человека утопична, поскольку человек в силу свободы, способности к творчеству, возможности полагать ценности выступает из мира природной необходимости.

Что же может быть противопоставлено утопическому вектору развития Модерна? В границах отечественного консерватизма последовательно альтернативу утопическому Модерну сформулировали П. Струве и С. Франк.

Речь идет о персоналистическом гуманизме, который понимается как утверждение творческих возможностей человечества. Персоналистический гуманизм, имеющий христианские истоки, лежит в основе всего культурного прогресса Европы. Как особая форма культуры персоналистический гуманизм развивался в эпоху Средневековья, Возрождения и Нового времени.

Персоналистический гуманизм и ценностные постулаты утопического Модерна представляют собой разнородные типы миропониманий. Гуманизм утверждает свободу в жизни человека, важность нравственного творчества в человеческом бытии, идеал неразрывного рационального развития и духовного совершенствования.

Гуманистическая персонология базируется на выделении личности в ее свободе, творчестве, этической деятельности, нравственной оценке мира из природной среды. Утопии Модерна призывают к отречению от личности

как от ложного эгоистического самообособления, разобщения, во имя подчинения высшей инстанции – природному целому.

Критика персонального субъекта во имя слияния с обожествленной природой не вписывается в гуманистическое понимание человека. Гуманистическая идея персональной свободы не может быть совмещена с натуралистической тенденцией Модерна. Гуманистическое видение ценности свободного творчества оказывается в противоречии с современным историософским и социологическим натуралистическим органицизмом и детерминизмом.

Безусловно, с позиции персоналистического гуманизма утопический Модерн может быть подвергнут радикальной критике. Персоналистический гуманизм основывается на серьезном повороте в философии и жизни, совершившимся под влиянием христианства. Человек не просто природное существо, но и автономный надприродный универсум, трансцендирующий в своем бытии природные иерархии. Обладая способностью свободно полагать свое бытие и бытие мира, различать добро и зло, человек выступает из природной среды. Сведение же человека к обезличенным формам материи игнорирует персоналистический поворот в европейской культуре.

В связи с анализом европейского Модерна требует освещения смысловая конструкция «западничество», прочно вошедшая в интеллектуальную традицию отечественного консерватизма. Западничество выступает в двух формах.

С одной стороны, западничество – совокупность утопических и гетерогенных персоналистическому гуманизму идей. С другой стороны, отечественный консерватизм никогда не отрицал западничества как творческого элемента культуры России, рассматривал западнические умонастроения в качестве творческого фактора русской интеллектуальной истории, не был противником всемирной экспансии западноевропейской культуры.

Очевидно, что отечественный консерватизм критически воспринимает западнический утопический интеллектуализм России – интеллектуализм, порвавший связи с ценностью личного бытия. Негативную оценку западничество получает, когда европейские утопии становятся в России практипиями.

Отечественный консерватизм противопоставляет западничество реально-историческое (плодотворные культурные контакты с Западом, освоение культурных достижений, направленное на развитие персоналистического гуманизма) – западничеству идолопоклонническому (поверхностное эпигонство, некритическое заимствование утопического интеллектуализма).

Оппозиция западничества реально-исторического и западничества идолопоклоннического блестяще представлена в творчестве С.Н. Булгакова.

П.Б. Струве утверждал, что натуралистический рационализм западноевропейского образца, социалистические теории, а также консерватизм Жозефа де Местра и Бональда, основанный на антиперсоналистической философии, являются проявлениями утопической линии западного интеллектуализма.

Отечественный мыслитель критиковал русскую интеллигенцию за то, что она не различает «добро» и «зло» западной цивилизации.

Заимствуя антиперсоналистические концепции, отечественная интеллигенция провоцировала примитивизацию интеллектуальной культуры России. К творческому наследию Запада, способствующему развитию Российской цивилизации и культуры, мыслитель относил концепцию прав личности, достижения рыночной экономики, великую гуманистическую традицию западной культуры, имеющую христианские истоки.

Таким образом, представители отечественного консерватизма критически воспринимали противоречивые «достижения» западной мысли. Их самих можно назвать западниками в лучшем смысле этого слова. Хотелось бы подчеркнуть, что западничество в смысле персоналистически ориентированного гуманизма несло ценностные доминанты, способствующие формированию духовного облика России.

Как уже отмечалось, у Модерна было две стратегии развития. Персоналистический гуманизм представляет собой форму Модерна, связанную с сохранением ценности личного бытия. Эпоха Модерна несла в себе гуманистический персоналистический императив. История Модерна представляет собой не только историю разработки и реализации утопий, но и историю развития личности. Модерн принес личности эмансипацию от внешнего природного принуждения и от репрессий, происходящих из общественной жизни. Он содействовал формированию процедуры рационального обсуждения социально-политических проблем свободными гражданами с целью выработки легитимных решений. Модерная рационализация нашла воплощение в развитии принципиально диалогичных форм межличностных коммуникаций, ориентированных на достижение взаимопонимания, становлении институтов правового демократического государства.

Европейская рациональность эпохи Модерна не может быть сведена к экстраполяции парадигмы овладения природой на сферу социальных отношений, оборачивающейся овеществлением социальной жизни.

Данная эпоха утверждала и субъект-субъектную модель коммуникативной рациональности, не предполагающую прагматическое

использование другого в качестве средства, воспринимающую другого в качестве автономной ценности.

Модерн принес не только стремительное развитие естественных наук, но и бурное развитие гуманитарных дисциплин. Глубокое изучение истории культуры стало фактором, повлиявшим на формирование европейского консерватизма. Чрезвычайно важно, чтобы современный консерватизм увидел персоналистический гуманизм целостной традицией, которую возможно творчески продолжить. О незавершенности проекта Модерна и его дальнейшем творческом формировании можно говорить в рамках консервативного миросозерцания.

Современный консерватизм призван способствовать преодолению де-гуманизированной версии Модерна. «Спасение» Модерна возможно лишь на путях персоналистического гуманизма. Речь идет о его спасении от самого себя, от собственной утопической ипостаси.

Модерн в ипостаси архетипной тоски по органической простоте, организмологических моделей онтологии, теории возврата к родовой сущности и судьбе, воскрешения натуралистического язычества в европейской мысли, рецидива языческого фундаментализма, обосновывающего рабство человека у природного мира, должен и может быть преодолен.

Современный кризис ценностей Модерна касается его утопического образа. Вслед за провозглашением смерти Бога, разрывом с культурой персоналистического гуманизма очевидной оказывается смерть человека вместе с его разумом, надеждами на будущее, этической жизнью.

Постмодернистское продолжение утопического Модерна обосновывает совершенное исчезновение представлений о субъекте, необходимость подчинения обезличивающей психологии консюмеризма, неизбежность господства массовой культуры с ее товарным фетишизмом и либертинистской сексуальностью. Постмодернистский выход из Модерна не удался, так как он обернулся радикализацией его нигилистических тенденций. Вместо нового пути проложен тупик.

Постмодерн заявил о смерти субъекта как источника творческой активности, противопоставил антропоцентрической картине мира виталистские схемы. Место творчески создающего себя субъекта заняла живущая по надличным принципам телесность. Антропология постмодерна склонна усматривать на месте персоны безличный мир витальных желаний, анонимные пульсации либидо, бессознательное как язык, бессубъектное архиписьмо на уровне телесности. «Неометафизика» постмодерна отказывается видеть в витальном бессознательном, управляющим человеком, какую-либо персонафицированную форму. Отмечается его несвязанность с принципом добра, нахождение по ту сторону ценностей или даже подчиненность принципу зла.

Постмодерн пытается избавиться от какой-либо аксиологии и вернуться к натуралистической неоязыческой архаике.

Постмодерну надлежит противопоставить идею персонального субъекта, этическая жизнь которого не связана с конформизмом, а соединена с призывом брать на себя ответственность за жизненное творчество, отстаивать свободу, нетождественную эгоистическому индивидуализму, открытому для всевозможных конфигураций социального принуждения.

Необходимо сочетание рационализации с развитием личности, социально-экономической эффективности и свободы, концептуальное оформление учения о персоналистической рациональности, в которой развитие рациональности тождественно ее одухотворению, человеческий разум не сливается с эгоистическим интересом, перестает быть инструментом воли к власти, субъект не сближается с органицистским «мы».

Неэгоистический одухотворенный разум, ненатуралистическая рациональность, ответственное социальное действие, персонцентризм, солидаристско-соборно-персоналистическая парадигма в социологии, персонцентричная экономическая этика, творческое соединение индивидуального и универсального в личной жизни, модернизация без утопических прометеанских иллюзий, творческая самореализация без самоутверждающегося титанизма – вот конструктивная альтернатива постмодерну.

В условиях новой традиционной волны в Европе, идущей на смену постмодерну, осмысление персоналистического гуманизма приобретает особое значение. Важно чтобы ренессанс консервативных ценностей осуществлялся при опоре на ценность персонального бытия, при сохранении верности гуманистической традиции европейской культуры.

Подведем итоги. Сегодня представляется чрезвычайно важным осмысление эпохи Модерна исходя из принципов консервативного мышления.

Модерн имеет две стратегии развития. Персоналистический гуманизм представляет собой форму Модерна, имеющую христианские истоки, основанную на утверждении ценности личного бытия и связанную с раскрытием творческих возможностей человечества.

Ценность личности явилась источником научно-технического прогресса, социально-экономической модернизации мира, гуманистической рационализации общественной жизни.

Трагедия европейского Модерна заключается в том, что он развивался в противоречии с частью себя.

С позиции консервативного мышления, можно говорить и об утопическом векторе развития Модерна, характеризующимся отвержением ценности личности и соединенным с тоталитаризмом.

Современный консерватизм призван способствовать преодолению де-гуманизированной версии Модерна. Он также призван к творческому продолжению традиции персоналистического гуманизма.

3.3 ЦЕННОСТНЫЙ МИР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Георгий Флоровский входит в плеяду выдающихся мыслителей русского зарубежья. Изучение творческого наследия всемирно известного русского философа XX столетия представляет серьезный интерес. Как представителю эмигрантской ветви русской философской культуры, творящему в атмосфере духовной свободы и опирающемуся на принципы персоналистической философии, Г.В. Флоровскому удалось наметить оригинальные подходы к целому комплексу фундаментальных культурологических и историко-философских проблем.

Труды Г.В. Флоровского являются ценным вкладом в осмысление российской ментальности, цивилизационно-культурной идентичности, анализ оптимальной стратегии национального развития, исследование роли православия в культурной жизни страны, объяснение своеобразия русской философии, изучение византийского культурного наследия, оказавшего важное влияние на культурное становление России.

Г.В. Флоровский рассматривал себя в качестве ученика П.И. Новгородцева – выдающегося представителя отечественного консерватизма, который разрабатывал консервативную концепцию философии права. Стержневым принципом его правового учения является принцип нравственной автономии человеческой личности. Личность как носитель абсолютного закона нравственности выступает для русского мыслителя основанием права и государства.

Отвергая любые модели построения идеального общества, связывая подобные модели с утопическим мышлением (в том числе и выступая противником фетишизма демократии), предостерегая от абсолютизации государственно-правовых форм, П.И. Новгородцев указывал на зависимость государства и права от духовной жизни личности.

Правовое государство для русского мыслителя способно интенсивно развиваться при доминировании в общественной жизни ценности персоны. Непосредственная связь между развитием правосознания и утверждением в жизни общества духовной жизни личности как наивысшей ценности была для него очевидной истиной.

С позиции П.И. Новгородцева, демократия может превратиться в свою прямую противоположность, что определяется качеством ее носителя, который способен утратить связь с духовными ценностями.

При игнорировании глубинных ценностных основ социальной жизни политический процесс в границах демократического общества способен привести к кризису государства, хаосу социального бытия.

П.И. Новгородцев был убежден в том, что абсолютная ценность личного бытия наиболее полно раскрывается в христианской культуре. Христианское понимание личности лежит в основе процесса формирования правового государства в Европе. Следуя славянофилам, он считал, что культурный мир России тесно связан с европейским, но имеет и свою яркую специфику. Для него наследие славянофилов и Ф.М. Достоевского может быть рассмотрено как идейный фундамент развития правового государства в России.

Славянофилы и Ф.М. Достоевский выделяли в качестве базовых ценностей культурного мира России ценность целостной личности и соборного единства (как глубокого духовного общения личностей, их духовной солидарности).

Соборная солидарность и целостный персональный субъект являлись для славянофилов и Ф.М. Достоевского основой устройства общественной жизни России. П.И. Новгородцев, опираясь на славянофильские идеи, рассматривал ценность личности и соборности в качестве духовного основания развития российского права и государства.

Георгий Флоровский испытал влияние идей П.И. Новгородцева. В своих исследованиях он выявил базовые ценности русской культуры, выступающие фундаментом развития Российской цивилизации. Отечественный мыслитель является создателем теории русского византизма, являющейся в его творчестве основой анализа отечественного историко-культурного процесса.

Для Г.В. Флоровского жизнь культурного космоса не мыслима вне исторической преемственности, вне творческого синтеза традиций, а поэтому проблема культурного влияния приобретает чрезвычайно важное значение. Культурный мир русского византизма представляет собой творческое преломление в русской душе ценностей христианской культуры Византии. Последняя, в свою очередь, возникла как итог напряженной творческой работы христианского мышления над античным культурным наследием. Христианский эллинизм Византии для Г.В. Флоровского является воплощением культурного синтеза – органичного соединения античной культуры с персоналистическим мировосприятием христианства. Культуру христианского эллинизма Византии русский мыслитель называет воцерковленным эллинизмом или новым эллинизмом, подчеркивая творческое преобразование античного культурного наследия христианской духовностью.

«Христианство, по существу, приняло вызов эллинистической и римской культуры, и в результате появилась христианская цивилизация», – пишет Г.В. Флоровский¹. «Или же, другими словами, христиане доказали, что возможно переориентировать культурный процесс, не впадая в пред-культурное состояние, придать иную форму самому строю культуры, в новом духе... Эллинизм был как бы рассечен мечом Духа, поляризован, разделен, и был создан «христианский эллинизм», – утверждает он².

«Новая культура была великим синтезом, в котором сплавлялись и включались все творческие традиции и движения прошлого», – считает мыслитель³.

Восприятие христианским миром античности не было пассивным копированием античного культурного наследия, но творческим обращением к нему христианского ума и сердца. «Из всех указов Юлиана христиане ненавидели больше всего тот, который воспрещал им преподавание художеств и наук», – подчеркивает отечественный философ творческий характер сложения христианского эллинизма⁴. Процесс образования данного культурного синтеза не был связан с прерыванием традиций античной культуры. «Традиции хранятся и даже с любовью, но они втягиваются в процесс христианского перетолкования», – пишет Г.В. Флоровский⁵. Следуя его мысли, развитие Византии связано с многовековым опытом формирования христианской культуры, впитавшей в себя античные традиции.

Поскольку мир культуры для Г.В. Флоровского определяется процессом создания и воплощения ценностей, то необходимо выделить базовые ценностные доминанты христианского эллинизма. Христианская культура Византии выступает для Г.В. Флоровского в качестве культуры основанной на ценности персоны.

Мировосприятие античного мира было связано с обожествлением безличного космоса и не смогло выработать учение о личности. Развитие византийской христианской культуры ознаменовалось проникновением в тайну персонального бытия. Культура христианского эллинизма Византии увидела персональное бытие в центре мироздания.

Античное мышление было космоцентрично. «Античный мир не знал тайны личного бытия. И в древних языках не было слова, которое точно обозначало бы личность. Греческое *prosopon* означало скорее личину, нежели лицо... И то же нужно сказать о латинском *persona*»⁶.

¹ Флоровский Г.В. Вера и культура. СПб., 2002. С.664.

² Там же. С. 665.

³ Там же. С. 642.

⁴ Там же. С. 643.

⁵ Там же. С. 643.

⁶ Там же. С. 22.

Разработка учения о личности стала величайшим вкладом христианства в развитие культуры. Христианский эллинизм увидел персональный образ бытия как духовно преображенную человеческую природу, возможность вмещения бесконечного в конечном, внеположенную всякой детерминации свободу духа. Персона была отождествлена с возможностью свободно-творческого целеполагания, позволяющего выходить за границы природного мира, преодолевать горизонты собственного существования, творчески соучаствовать в бытии другого.

«Русь приняла крещение от Византии. И это сразу определило ее историческую судьбу, ее культурно-исторический путь», – констатирует Г.В. Флоровский⁷. Русская культура – дочерняя по отношению к византийской.

Мыслитель считал, что культурный мир византизма оказал решающее влияние на формирование духовного облика России в силу обладания необходимыми для российского историко-культурного бытия ценностно-нормативными и идентификационными ресурсами. Ценностные ориентации русского византизма устойчиво присутствуют на всем протяжении отечественной истории, духовно связывая поколения.

Русский византизм представлял собой творческое развитие ценностей христианского эллинизма Византии. Речь идет о творческом восприятии ценности персоны.

В культуре русского византизма ценность персоны была воспринята в модусе жизнестроительного учения о соборности и целостной личности. Культура русского византизма связана с целостным восприятием персональной жизни.

Целостная личность представляет собой единство тела, души и духа при котором душевная и материальная жизнь подчинены духовной. Посредством подобного соединения достигается гармоничное сочетание красоты, добра и истины в неделимой человеческой персоне.

Оно выражается и в том, что рассудок (отвлеченное логическое мышление), чувства, волевые способности, разум достигают согласия с духовными способностями и сливаются в одно живое и цельное зрение ума. Именно благодаря согласованности всех способностей души возможен «зрячий разум», т. е. целостное познание мира, восприятие мира как целостное живознание.

С позиции учения о целостной персоне, при односторонней абсолютизации логических функций ума невозможно отразить всю полноту восприятия мира. Формально-логические операции важно совместить с нравственной оценкой и духовным созерцанием мироздания.

⁷ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 22.

Разум, деятельность которого синтезирует логику с духовно-нравственно развитием, формируется через нравственное преобразование способен к целостному восприятию.

Важно отметить, что учение о целостной персоне и целостном познании мира не является отвлеченной теорией. Оно укоренено в российском духовном опыте, теснейшим образом связано с православной духовной культурой исихазма. Разделение ума и сердца, логических способностей души и ее оценивающей способности рассматривалось в исихастской традиции как итог диссоциации персоны.

В православной духовной культуре познание связано со всей жизнью личности, с целостным духовно-творческим подвигом и не может быть сведено к деятельности логических функций ума, независимых от духовного развития.

Стоит указать на то, что концепция целостной личности интенсивно развивалась славянофилами, а также целой плеядой отечественных мыслителей XX столетия (С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков и др.) и служила одним из оснований для преодоления западноевропейского рационализма в России.

На наш взгляд, для современного развития Европы тема критики одностороннего рационализма и восстановления целостности познания, представляет особую актуальность.

Рассудочно-логическое мышление, с позиции учения о целостной личности, нужно рассматривать как помогающее упорядочить мир, но само по себе лишнее морального смысла, а потому способное принести как пользу, так и вред. Одностороннее развитие логического мышления при утрате его связи с нравственным формированием личности может привести к эгоистическо-инструментальному использованию интеллекта, сопровождающемуся отчуждением личности от мира духа, дисгармонизацией личной жизни.

Сегодня, когда социально-экономическое развитие Европы строится исходя из модели рыночной цивилизации, интенсивного развития цивилизационных достижений, важно избежать соблазна редукции рациональных способностей человека к прагматическим интересам рынка, односторонне понятой инструментальной цивилизационной миссии. Учение об одухотворенном разуме, раскрывающее познание как приобщение к реальности целостной личности, способно гармонизировать экономические отношения с высшими духовными смыслами, согласовать цивилизационную и духовную миссию человека. Ценностный принцип целостной персоны выступает основанием ценностной ориентации соборности. Соборная общность

человеческого существования отражается в духовно-творческом взаимодействии персон.

Соборность – это персоналистическое сообщество, противостоящее эгоистическому индивидуализму и безличному коллективизму как формам социального отчуждения.

Соборность означает свободное единство личностей, отражающих в индивидуальном своеобразии универсально-ценностные начала. Сопричастная ценности соборности человеческая личность предстает носителем объединяющего духовного начала во вселенной, хранящим уникальное своеобразие ее форм. Важно отметить, понятие «соборность», разработанное в русской философии славянофилами, имело связь с жизнью церкви. Но уже славянофилы вывели данную категорию за границы однозначного отождествления с церковной жизнью, обозначая ей специфическую модель социокультурных отношений в России.

Вслед за славянофилами и русской философией XX века соборность может быть отождествлена с ценностью русской культуры. Придерживаясь концепций отечественных мыслителей (С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, П.Б. Струве и др.), данное понятие можно отождествить и с духовно-творческой солидарностью персон в общественной жизни. Возможность подобного подхода обусловлена ценностным универсализмом славянофилов.

Соборность как образ коммуникации целостных персон глубочайшим образом выражена в русской культуре, что и дает основания говорить о соборности как ее базовой ценностной доминанте. Будучи универсальным ценностным принципом, соборность тем или иным образом может отражаться в различных социокультурных системах, что никак не отрицает исключительной глубины раскрытия соборности русской культурой.

Перспектива описания базовых ценностей русской культуры, предложенная Г.В. Флоровским, принципиально верна. Культуротворческая деятельность русской нации связана с общеевропейской ценностью личного бытия, что включает русскую культуру в мир европейских культур.

Русская культура – культура персоналистического самоопределения. Не идеал авторитарного государства или общинного коллективизма унаследовала Россия от Византии, а ценность личного бытия, которая превратила русскую культуру в одну из ведущих культур европейского мира. Ценность персоны, творчески воспринятая как жизнестроительное учение о целостной личности и соборности, позволяет говорить об особом российском культурно-историческом типе, самобытной Российской цивилизации.

Русская культура облучила народы России творчески воспринятой ценностью личного бытия, выступая в качестве связующего начала для

различных культурных миров, последовательно формируя российский культурно-цивилизационный синтез. Она обогатила ценностью целостной личности и соборности народы России, обогатившись, в свою очередь, их ценностными мирами. Жизнестроительное учение о целостной личности и соборности может быть рассмотрено в качестве духовного основания развития российской государственности и права, поскольку данные ценности стали ценностями общероссийскими.

Сегодня, когда наша страна определяет свое место в глобальном миропорядке, опираясь на свою культурно-историческую самобытность, важно помнить о ценности личности как фундаментальном основании русского проекта культуры и цивилизации. Именно ценность личности стала важнейшим фактором, организующим самобытное российское культурно-цивилизационное пространство.

Г.В. Флоровский указывает на христианские основания русской культуры. Важно отметить, что видение православия творческой силой в истории русской культуры не означает игнорирование светской модели культуры и ее достижений. Признание христианских оснований русской культуры позволяет увидеть гуманистический вектор культурной истории России, имеющий христианские корни.

Россия не пережила Ренессанс в западноевропейском смысле. Однако традиция гуманизма предстает как целостная в отечественной культуре. Речь может идти и о христианском гуманизме и гуманизме нерелигиозном. Гуманистические тенденции можно найти в отечественном Средневековье. Так, Д.С. Лихачев говорил о гуманизме Русского Предвозрождения.

Нельзя забывать о гуманистическом потенциале русской художественной культуры и философской мысли. Н.А. Бердяев справедливо указывал на человечность как характерную русскую черту, сформированную под влиянием культуры, а также верно говорил о переживании кризиса западного гуманизма как источнике развития гуманизма в России. Стоит отметить и то, что пути развития отечественного гуманизма не были обособлены от достижений гуманистической культуры Западной Европы, а были связаны с усваиванием этих достижений, их творческим развитием.

Безусловно, серьезным достижением отечественного гуманизма является глубокое осмысление отношений личности и общества. Отечественному гуманизму, в отличие от западного, удавалось избегать абстрактного индивидуализма, упрощающего образ человека. Ценность соборности, оказавшая влияние на развитие отечественного гуманизма, позволяла увидеть социальные отношения в форме глубинного взаимодействия «я» и «ты», ведущего к их единству.

Хотелось бы указать, что культура не может быть названа светской, если религиозные традиции искусственно изолируются от культурной жизни. Развитие светской культуры не исключает влияния религиозных ценностей. Принцип светского характера государства недопустимо отождествлять с его атеистической формой. Государство не является светским, если вульгарный атеизм претендует на государственную идеологию. Огосударствление атеизма как секуляризованной псевдорелигии – нарушение модели светского государства.

Также необходимо подчеркнуть, что соборность не тождественна марксистско-романтической трактовке коммуникации в границах «идеального общества». Жесткая марксистско-романтическая органицистская социология, с ее сведением человека к характеристикам природного бытия, к природному индивидууму с его лимитированностью, открывает перспективу перестройки социальных отношений на основе унитарного принципа, скопированного с природного образца.

Органицистская теория общества марксизма и романтизма поглощает индивидуальность родом, подчиняет личность космобиологической иерархии, определяет ее бытие бессознательными космотеллурическими стихиями, ставит общество над личностью, растворяет личность в природных целостностях, лишает персональное бытие онтологического статуса.

В результате возникает учение о натуралистической «соборности», упирающейся в безликое органицистское «оно» как первоисточник бытия и десубстанциализирующей человеческую личность. Соборность не может быть сведена к марксистско-романтической трактовке коллективизма.

Ошибочное отождествление соборности с принципами марксистско-романтической органицистской социологии приводит к крайне упрощенной трактовке советского периода отечественной истории. Советская эра всецело отождествляется с воплощением утопии обезличивающего коллективизма, который нередко идентифицируется с азиатским началом отечественной культуры.

Во-первых, марксистско-романтическая трактовка коллективизма имеет западные интеллектуальные истоки. Во-вторых, советская эра не тождественна ее идеологической маске. Редукция советского периода к советской идеологии представляет собой крайне упрощенный стиль мышления.

В период советской истории сохранилась преемственность исторического развития, несмотря на негативные условия тоталитаризма. Развивалась именно Российская цивилизация. При этом развивалась она на основе своих базовых ценностей, хотя, порой, и во внешне отчужденной идеологической форме. В советскую эру житель России оставался носителем традиций милосердия,

сострадания, самоотверженной помощи, глубокого уважения к другим народам, стремился к солидарности и братству с людьми всего мира. Не есть ли это проявление соборности? А как быть с убеждением советской эпохи в том, что научно-технический прогресс должен быть тесно связан с нравственным совершенствованием общества? Не идет ли речь о раскрытии ценности цельной личности?

Г.В. Флоровский, будучи последовательным критиком натуралистического органицизма марксизма и романтизма, указывал на ошибочность отождествления России с ее «коммунистической маской», считая, что Российская цивилизация не растворилась в этой маске. С его позиции, за идеологической маской развивается «творимая Россия», ориентированная на традиции своей тысячелетней духовности. И отождествиться в истинном патриотизме Г.В. Флоровский предлагал именно с «творимой Россией», продолжающей хранить абсолютные культурные ценности.

Актуализируя воззрения Г.В. Флоровского, необходимо остановиться на его анализе творческого наследия поздних славянофилов (Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова) и евразийства. Позднее славянофильство, которое Г.В. Флоровский определяет как неклассическое, некритически заимствовало из немецкого идеализма теорию культурно-исторических типов. Данная теория опиралась на принципы органицизма, что вело к рассматриванию различных культур на манер биологических видов. Истолкованные таким образом культурные типы нельзя сравнивать между собой с позиции общечеловеческой ценностной системы.

Своеобразие культурного типа определяется не свободным творчеством и воплощением ценностей, а диктуется природными закономерностями, что ведет к релятивизму, так как «нет общеобязательной культуры, не может быть абсолютно высшей культуры, «общечеловеческой» в точном смысле слова, стоящей превыше расовых, национальных и исторических разделений»⁸.

Несоизмеримость культур обусловлена предопределенностью творческой жизни «единственно «средюю» и «обстоятельствами», «случайной» принадлежностью именно к данному культурно-историческому типу, к данной «этнической группе народов»⁹.

Органицистская теория культурно-исторических типов была усвоена Н.Я. Данилевским, который обосновал отличие России от Европы исходя из того, что культурные достижения России «суть органические порождения славянского национального гения»¹⁰.

⁸ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 47.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 46.

В творчестве Н.Я. Данилевского четко вырисовывалась перспектива отказа от подходов классического славянофильства, разрабатывалась теория замкнутых, не способных к взаимодействию культурных космосов, не несущих никаких универсальных духовных ценностей.

Концепция Н.Я. Данилевского приводила к радикальному отделению русской культуры от европейской. Согласно Г.В. Флоровскому, основанием культурно-исторического типа является творящаяся свободно ценностная система не предопределенная природными законами.

«Все позабытые Данилевским и Страховым точки над «i» были старательно поставлены в самые недавние дни кн. Трубецким; в своей брошюре «Европа и человечество», суммирующей результаты длительного раздумья, кн. Трубецкой делает последний шаг в разрушении «общечеловеческих начал», – считает Г.В. Флоровский¹¹.

Для Н.С. Трубецкого культурное творчество неразрывно связано с чистотой этнического своеобразия в непроницаемом для других культур, неизмеримом с ними типе. Каждая культура должна идти своим путем, на который направляют ее биологические законы, и ни одна из них не обладает ценностями безусловными.

Евразийцы некритически калькировали романтическую теорию культурно-исторических типов. Данная теория основана на принципиально натуралистическом подходе к культуре. В конечном счете, культурные типы подчиняются непреодолимой природной необходимости, безликой органической стихии. Роковая ошибка евразийцев состояла в опоре на интеллектуальную парадигматику органицизма.

Принятие концептуально противоречивой натуралистической культурно-исторической типологии, следуя Г.В. Флоровскому, привело евразийцев к примитивной трактовке культурной самобытности России исключительно в плоскости географического положения. Евразийцы пошли по противоречивому пути решения историко-культурных проблем, подменяя действительный их анализ разбором территориальных, географических, этнических особенностей Евразии.

Подлинным субъектом культурных процессов у них оказывается географическая территория. История культуры делается историей «месторазвития», а человеческую персону как основную культуросозидающую силу затмевает территориальное единство и уникальность. Жизненные начала культуры в евразийских концепциях всецело подчинены естественной среде.

Г.В. Флоровский верно отмечает, что воспроизведение органицистской типологии культуры обернулась неверным пониманием проблемы «Россия и Запад» в евразийских доктринах. Россия и Запад

¹¹ Там же. С. 46-47.

имеют глубинную культурную связь. Это две части европейского культурного мира, укорененного в христианских ценностях. «Россия, как живая преемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла», – считает Г.В. Флоровский¹².

Ошибка евразийцев состояла в разработке концепции культурного изоляционизма России и Запада, в нечувствии связи отечественной культуры и западного культурного мира, что прекрасно осознавалось Ф.М. Достоевским и классическим славянофильством. Следуя Г.В. Флоровскому, невозможно отделить Россию и Европу «в духовно-исторической динамике; и вряд ли это нужно»¹³.

На наш взгляд, евразийцы верно отметили, что Россия является пространством интенсивных культурных контактов. Важно и нужно говорить о евразийских культурных связях, евразийском культурно-хозяйственном регионе.

Однако из подобных идей никоим образом не следует неизбежность принятия органицистской модели интерпретации культуры на евразийский манер, учения о замкнутом евразийском культурном типе, отчужденном от культуры европейского мира.

Оппонентом по отношению к евразийству выступал выдающийся отечественный мыслитель Д.С. Лихачев. Критически оценивая концепцию евразийского культурно-исторического типа, он предложил понимание евразийской идеи как взаимообогащающего общения культур Европы и Азии, выступающего основанием политического и экономического сотрудничества.

На наш взгляд чрезвычайно актуальным является осмысление творческого наследия мыслителя России в консервативном русле. Д.С. Лихачев был глубоким христианским интеллектуалом, творчески развившим идеи классического славянофильства, почвенничества Ф.М. Достоевского, веховской интеллектуальной традиции.

С позиции Д.С. Лихачева, культура «представляет главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств»¹⁴. Отечественный мыслитель убежден, что вне культурных традиций «самостоятельное существование их лишается смысла»¹⁵.

Культуроцентристская трактовка жизни государства, несомненно, роднит творчество Д.С. Лихачева с веховской интеллектуальной традицией.

¹² Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 333.

¹³ Там же. С. 333.

¹⁴ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб, 1999. С. 635.

¹⁵ Там же. С. 635.

С творчеством славянофилов и почвенников Д.С. Лихачева сближает ценностный универсализм, утверждение христианских оснований культуры Европы, идея ответственного отношения европейских народов к историческому прошлому. Опираясь на традицию отечественной консервативной мысли, Д.С. Лихачев дал глубокий анализ ценностных оснований европейской культуры.

С позиции мыслителя, европейская культура имеет три взаимосвязанных основания, которые не могут существовать изолированно друг от друга. Речь идет о личности, универсализме и свободе. Эти основания имеют христианские истоки. Воплощение одного из них неразрывно связано с воплощением других. Три основания европейской культуры придают ей определенные духовные границы. При этом христианство рассматривается Д.С. Лихачевым как религия, решившая проблему личности, как уникальная духовная традиция, в которой утверждается персональный образ бытия Бога и человека.

Д.С. Лихачев указывает на несомненный европейский характер русской культуры. Вслед за славянофилами он обращает внимание на соборность как специфическую черту русской культуры.

Соборность представляет собой самобытное претворение в жизнь трех начал европейской культурной жизни. «Соборность – это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу», – отмечает Д.С. Лихачев¹⁶. И далее: «С этим соседствует терпимость в национальных отношениях. Вспомним, что легендарное начало Руси было ознаменовано совместным призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские, и финно-угорские племена, а в дальнейшем государство Руси было всегда многонациональным. Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII-XX веков. Здесь снова вспомним Достоевского с его характеристикой русских в его знаменитой речи на Пушкинских торжествах»¹⁷.

С позиции Д.С. Лихачева, соборность проявилась в терпимости в национальных отношениях. Выражением соборности является характерная для русской культуры открытость к восприятию других культурных миров, к их сохранению и творческому освоению. Стремление к духовно-творческому единству с другими культурными мирами, являющееся выражением соборности, стало основанием развития России как многонационального государства. «И мы можем с

¹⁶ Там же. С. 32.

¹⁷ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб, 1999. С. 32

твердостью сказать, что русская культура на всем пути своего развития непричастна к человеконенавистническому национализму», – отмечает мыслитель¹⁸.

Воплощая в своих ценностях соборный универсализм, русская культура объединила культуры различных народов. Именно в этом объединении и состоит историческая миссия русской культуры. Русская культура, будучи одной из самых гуманных культур, инициировала универсальный культурный синтез, творчески способствовала формированию российского собора культур, став связующим началом между различными культурными мирами.

Д.С. Лихачев развивает учение об исторической миссии России. Историческая миссия России заключается в том, чтобы служить культурным мостом между народами.

Анализируя историю с позиции ценностного универсализма, мыслитель совершенно справедливо придает миссии русской культуры общероссийский смысл, так как в итоге длительного культурного взаимодействия ценность соборной открытости другим культурам стала ценностью общероссийского масштаба. Интегративная роль России позволяет ей сегодня выступить с инициативой бесконфликтного многополярного мира.

Подведем итоги. Важно отметить, что видение православия творческой силой в истории русской культуры не означает игнорирование светской модели культуры и ее достижений. Признание христианских оснований русской культуры позволяет раскрыть гуманистический вектор культурной истории России.

Культуротворческая деятельность русской нации связана с ценностью личного бытия, что включает русскую культуру в мир европейских культур. Россия унаследовала от Византии ценность личного бытия, которая превратила русскую культуру в одну из ведущих культур европейского мира. Ценность персоны, творчески воспринятая как жизнестроительное учение о целостной личности и соборности, позволяет говорить об особом российском культурно-историческом типе, самобытной Российской цивилизации.

Русская культура наполнила народы России творчески воспринятой ценностью личного бытия, выступая в качестве связующего начала для различных культурных миров, последовательно формируя российский культурно-цивилизационный синтез. Она обогатила ценностью целостной личности и соборности народы России, обогатившись, в свою очередь, их ценностными мирами. Объединительная миссия русской культуры приобрела общероссийский смысл, так как в итоге длительного

¹⁸ Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб, 1999. С. 55

культурного взаимодействия ценность соборной открытости другим культурам стала ценностью общероссийского масштаба. Интегративная роль России позволяет ей выступить с инициативой бесконфликтного многополярного мира.

3.4 ТЕОРИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА И ИДЕЯ КУЛЬТУРНОГО СОЛИДАРИЗМА

Теория многополярного мира – официальная внешнеполитическая доктрина Российской Федерации.

Концепция многополярного мира может получить обоснование в отечественной философской традиции. Представляется целесообразным рассмотреть теорию многополярного мира в контексте отечественной мысли, что позволит более глубоко раскрыть ее смысл, увидеть в качестве детально продуманной концептуальной системы.

На основе византийской патристики отечественной мыслью развивалось учение о соборности. Теория соборности интерпретирует человека проводником духовно-объединяющего начала социальной жизни. Синтезирование учения о соборности, разработанного русской мыслью (концепция соборности славянофилов, теория симфонической персоны как культуроличности Л.П. Карсавина в ее персоналистической рецепции, концепция соборности Н.А. Бердяева, С.А. Левицкого, Н.О. Лосского, П.Б. Струве, П.И. Новгородцева), с отечественной теорией культурно-исторических типов (в версии классического славянофильства) позволяет увидеть историю мультиполярным культурным пространством.

Наши размышления о культурном солидаризме сформировались под определяющим влиянием выдающегося представителя отечественного консерватизма С.Л. Франка, его теории соборности как духовной солидарности общественной жизни, его персоналистической философии культуры.

Анализ философских воззрений С.Л. Франка приводит к мысли о необходимости развития и актуализации его наследия. Идеи этого философа могут быть применены при рассмотрении культурно-исторических типов в их единстве и неслиянности. Различные полюса мира можно трактовать как уникальные культурно-исторические типы, пронизанные энергией солидарности. Концепция многополярного мира может быть истолкована как теория культурного солидаризма.

Культурный солидаризм развивает панкультурную теорию исторического процесса. Средоточием истории видится свободно существующая культура, творчески формирующая свою сущность. Исторический

универсум состоит из множества культурных миров, каждый из которых является единственной, неповторимой духовно-материальной сущностью, обладающей творческой силой и осуществляющей себя в соответствии с выбранной ценностной системой.

Культурные миры – своеобразные субстанциальные деятели, во многом определяющие характер биоорганических процессов. Культурный солидаризм инициирует монадологический анализ культурных миров, усматривающий в отдельной культуре неповторимый субъект исторического процесса.

Однако культура не есть замкнутая и обособленная монада, трансцендентная другим культурам, непроницаемая для них. Ей присущ выход за свои пределы, направленность на другое культурное измерение. Опыт межкультурного общения приводит к отрицанию культурного солипсизма посредством признания глубинного бытийного сродства, сопряженности, соразмерности различных культур, создающих все необходимые предпосылки для их глубокого общения и взаимопроникновения.

Трактуя культуру как духовную индивидуальность, необходимо преодолеть подход, состоящий в партикуляристском видении культурных космосов.

Всемирная история может быть рассмотрена как творческое взаимодействие индивидуальных культурных микрокосмов, отражающих в себе универсальный всечеловеческий культурный макрокосм. Неповторимая индивидуальность культурных типов гармонично включена во всечеловеческий культурный мир, поскольку несет в себе ценностно-универсальное бытие, которое и есть бытие всечеловеческое. Существование уникальных культурных типов вне подобной вовлеченности невозможно. Необходимо отметить, что всечеловеческая культура есть модус жизни культурной индивидуальности, которая обладает соборным аспектом существования. Важно указать, что культурная индивидуальность немислима вне отношения к другой. Ей дано внутренне видение самой себя, однако, также восприятие извне иными культурными вселенными.

Теория культурного солидаризма нацелена на преодоление партикуляристского подхода. Она обосновывает духовный путь от индивидуального к универсальному.

Возведение непреодолимых барьеров между культурными традициями также несостоятельно, как и подчинение их обезличивающим, абстрактным реалиям, маскирующим доминирование одной культуры над другой, поглощение одной культурой другой или процессы декультурации.

В последнем случае речь идет о принудительной сборности коммунизма, фашизма, мультикультурализма, приносящей культурную самобытность в жертву фиктивным реальностям общего. Единству как подавлению и поглощению входящих в него элементов культурный солидаризм может противопоставить истинное единство, осуществляемое в пользу всех.

Теория культурного солидаризма раскрывается через понятие культурной солидарности. Культурная солидарность есть подлинное общение между культурами, обретение ими общности через глубинное, онтологически реальное взаимопроникновение.

Культура немислима вне реализации принципов солидарной общности, так как она несет духовность, которая не бытийствует вне линий общения, без передачи себя другому. Солидарность являет одухотворенное взаимораскрытие и соприкосновение различных культурных миров. Обретение солидарности тождественно прорыву к свободе как предельной глубине культурной реальности.

Следуя принципу солидарности, обретение единства внутри конкретного культурного универсума теснейшим образом связано с органичной вовлеченностью в бытие общечеловеческого культурного мира. Культурная солидарность выступает как антипод по отношению к эгоистическому национализму, этноцентризму, культурному империализму.

Солидарности глубоко чужд дух эгоизма и нарциссизма, утверждения примата одного культурного универсума над другим. Культурсолидаризм видит в культурном типе основу исторического бытия и основную его ценность, постулирует, что взаимопроникновение, взаимопонимание и взаимопомощь осуществимы лишь между равными по статусу культурными мирами, при их гармоничном равноправии.

Выражением культурной солидарности является культурная полифония. Она отражает единство множественности неслиянных культурных космосов, наделенных неповторимым духовным измерением. Подобная полифония не означает релятивизма, поскольку реализуется в едином духовно-ценностном горизонте.

Идея всечеловеческой гармонизированной свободной общности культур как содружества, глубинного симфонического единства культурных индивидуальностей есть квинтэссенция культурного солидаризма.

В сущности, можно говорить и о культурной соборности – соборном единстве уникальных культурных миров.

Поскольку культуры несут в себе способность к аутентичному проникновению в сущность друг друга, обладают возможностью выходить за свои границы и находить свое самораскрытие в общении с другими культурами,

то возможно увидеть единство субъектов культуры в ракурсе их соборного взаимопроникновения.

Важным принципом культурного солидаризма является утверждение, что аутентичная форма культурного бытия достигается лишь в служении другим культурным мирам. Если культурная ментальность становится инструментом эгоистического самоутверждения, то превращается в орудие самоотрицания.

Культурный солидаризм призывает к претворению в жизнь свободного этоса служения. «Доминировать» в солидаристской системе может лишь культура, рассматривающая себя в качестве служебного инструмента, максимально способствующая регулированию межкультурных противоречий.

Солидаристская общность культур основывается на асимметричной этике служения, провозглашающей принцип: все культуры ответственны за судьбы истории, но наша более всех.

Асимметричная этика видит в любой культуре неповторимую индивидуальность, носителя уникальных ценностных начал, констатирует незаменимость любого культурного универсума.

Асимметричная этика категорически отвергает эгоистическое мышление, прагматически подходящее к иному культурному миру, нацеленное на имманентизацию иной культуры нашему «знанию», идентичную практике подчинения.

К сожалению, необходимо констатировать, что харизма служения сегодня все более и более утрачивается в мире. Идолатрия и фетиш материальных ценностей, ценностный релятивизм, этнический, национальный, цивилизационный мегаэгоизм и меганарциссизм способствуют забвению этики служения.

Солидаристский межкультурный консенсус, основанный на асимметричной этике служения, должен и может быть противопоставлен нарциссическому диссенсусу. Культурный солидаризм есть как теоретическая конструкция, так и образ действий, устремленный к поиску межкультурного единства.

Он обращен к нахождению общих для культурных космосов ценностей и соподчинению межкультурных противоречий этим ценностям. Цельность солидаристской жизненной архитектоники базируется на взаимном служении и ценностно-смысловых консенсусах.

Концепция культурного солидаризма может быть осуществлена в стратегическом партнерстве различных народов и государств. Речь идет о культурном солидаризме как содружестве культурных сообществ, союзе культурных и политических элит, формировании политической мировой оси, способной быть гарантом глобальной стабильности, а также основой для

экономического партнерства. Культурный солидаризм – это плюрализм в границах духовных образований культуры.

Культурный солидаризм – это многоугольник сообществ в основе партнерства которых лежат не только геополитические и экономические интересы, а, прежде всего, сверхприродные духовные ценности. Культурный солидаризм может быть понят как развитие традиций культурного плюрализма при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения, открывающего всеохватывающую, «экуменическую» перспективу единства человечества.

Теория культурного солидаризма базируется на концептуальном разведении культуры и цивилизации.

Если культура связана с ценностным измерением человеческого бытия, то цивилизация – с адаптацией человека к природным реалиям, т. е. научно-техническим прогрессом, развитием государства и права, рационализацией экономического и политического пространства человеческой жизнедеятельности. В идеале развитие культуры и цивилизации протекает синхронно. Культура выступает духовным стержнем цивилизационного развития. Однако сегодня духовно-энергетическое начало культуры явно оттесняется цивилизационным развитием на периферию. Актуальной становится проблема синтеза культурной ментальности с цивилизационными достижениями, проблема воссоединения культурно-ценностных вертикалей и цивилизационных горизонталей.

В США и Западной Европе сегодня цивилизационная составляющая отрывается от культурной оси, что задает проблему ценностной регуляции цивилизационного пространства, формирует потребность преодоления гедонистического автаркизма американских цивилизационных элит в культурно-плюралистической современности.

Культурный солидаризм связан с освоением великого культурно-ценностного ресурса европейского мира. Вместе с тем он представляет собой попытку ценностного сопротивления распространению массовой псевдокультуры, провоцирующей процесс декультурации. Концепция культурного солидаризма должна быть дистанцирована от проекта мультикультурализма, являющегося звеном идеологии глобализации и интеллектуальной программы постмодерна.

Мультикультуралистский проект – проект создания глобальной посткультурной общности с множеством «точек кипения», множеством посткультурных субтрадиций, сосуществующих в однородном пространстве постмодерна.

Мультикультуралистский проект может быть рассмотрен как идея создания мировой посткультурной империи на основе опыта США как

идеальной модели посткультуры. Подобный проект не отражает духовного разнообразия планетарной культурной жизни, ибо основывается на мысли постмодерна, которая заявила о смерти субъекта как источника творческой активности. Вполне закономерно, что плюралистическая вселенная, мультиверсум мультикультуралистов, ставит под сомнение понятие национальной культуры, утверждая принцип децентрированности, делает акцент на явлениях традиционно оценивавшихся как маргинальные.

Мультикультуралистская личность совмещает в себе различные текущие идентичности, находясь в состоянии фундаментального кризиса культурной идентификации. Ее жизнь – жизнь маргинального субъекта, человека-кочевника с ценностно-аномальным сознанием.

Мультикультуралистский проект видит претензию на уникальность не со стороны различных культур и систем ценностей, а со стороны различных «жертв», сопротивляющихся духовно-ценностному «империализму».

Мультикультурное пространство узурпируется приверженцами посткультурной универсальности, а постоянно обыгрываемая оппозиция «жертва/притеснитель» отражает оппозицию «посткультурное состояние/культура».

Теория мультикультурализма отражает опыт ассимиляции различных культурных традиций массовой посткультурой, нивелирующей их сущность.

Подводя итоги, необходимо отметить, что с позиции консервативного идеологического проекта идея многополярного мира может быть раскрыта в перспективе развития солидарного единства в многообразии различных культурных миров при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения. Различные полюса мира следует трактовать как уникальные культурно-исторические типы, пронизанные энергией солидарности. Концепция многополярного мира может быть истолкована как теория культурного солидаризма.

Солидаристская общность культур основывается на этике служения, понимании культуры как неповторимой индивидуальности, средоточия ценностных начал.

Концепция культурного солидаризма может быть осуществлена в стратегическом партнерстве различных народов и государств. Культурный солидаризм – это многоугольник сообществ в основе партнерства которых лежат, прежде всего, духовные ценности.

ГЛАВА 4

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

ГЛАВА 4. ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

4.1 ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Нам представляется чрезвычайно важным проанализировать теорию экономической демократии Б.П. Вышеславцева.

Борис Петрович Вышеславцев – выдающийся русский философ. Являясь последователем П.И. Новгородцева и Б.Н. Чичерина, отечественный мыслитель продолжил творческое развитие российского консерватизма. Б.П. Вышеславцев дал глубокий анализ духовных истоков современной демократии, а также выступил творцом оригинальной теории экономической демократии, не утратившей значения сегодня. Актуализация наследия русского философа, несомненно, может способствовать определению оптимальной стратегии развития России в нынешнем веке.

С позиции отечественного мыслителя, демократия «имеет свою веру и свою философию: философия свободы не есть свобода от философии; идея свободы не есть свобода от идей»¹⁹. «Идея свободы отрицает только тиранию идей, насаждение идей насилем и террором. Отрицается тоталитарное государство, диктующее свою «идеологию»; утверждаются идеи и верования, вырабатываемые свободной личностью и свободным народом...», – считает Б.П. Вышеславцев²⁰.

Развитие демократического правового государства XIX-XX веков теснейшим образом связано с развитием свободной христианской культуры в Европе. Именно влияние христианской культуры было решающим для формирования правовой демократии в Европе, поскольку принцип морально-правовой автономии личности выработался на базе христианских ценностей.

Философия демократии подразумевает философское раскрытие принципа автономии личности. Утверждение ценности неотчуждаемых прав личности возможно понять лишь в контексте распространения христианства в Европе.

Современное правовое государство стало возможным именно после христианской проповеди, после длительного развития христианской культуры, которая утвердила ценность персонального бытия в европейской жизни.

Правовое государство имеет в качестве своего глубинного духовного основания христианскую этику, утвердившую в европейском мире ценность индивидуальной и всеобщей свободы, идею солидарности и

¹⁹ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 539.

²⁰ Там же. С. 539.

соборности. «Следует помнить, что христианская идея справедливости – иная, чем идея справедливости до-христианская и вне-христианская. Первая утверждает порядок равноценности индивидуума и общины; вторая утверждает, что личное благо всегда приносится в жертву общему благу: общее благо есть высшая ценность», – считает мыслитель²¹. Именно в границах христианской культуры получил глубокое развитие взгляд на человека как на равноправный и равносильный субъект по отношению к обществу и государству.

С позиции мыслителя, естественные права личности имеют сверхприродные основания. Личность требует оправдания власти и закона в силу того, что поднимается над природными явлениями, превосходит природный опыт, «всякое фактическое отношение, «редуцирует» все это до степени явлений и только явлений, и этой редукцией освобождает себя от всякого фактопоклонства»²².

Христианская культура распространила среди европейских народов взгляд, согласно которому личность является образом Бога и поэтому в своей свободе «возвышается над всем, все может подвергаться сомнению (de omnibus dubito) – сомнению научному и сомнению нравственному, сомнению в смысле реальности того, что представляется, и сомнению в смысле ценности»²³.

Из персонального суверенного права оценивать неизбежно вытекает право действовать. Персональная этическая оценка приводит к непосредственному решению практических задач. Законодательная система может и должна предстать на суд свободной личности и на суд свободного народа (являющегося соборным отражением индивидуальных волей).

Великая идея персональной автономии состоит в том, что личная самость выше закона. «И только, если я сам признаю закон и склоняюсь пред ним, только тогда закон начинает действовать для меня и налагать обязанности. Всякий приказ опирается в конце концов на мое согласие повиноваться; всякая гетерономия опирается на автономию...», – утверждает Б.П. Вышеславцев²⁴.

Принцип автономии личности теснейшим образом связан с возможностью оценки закона с позиции правды и справедливости. В возможности дать такую оценку заключается сверхприродность личной свободы. «Каждый действующий «положительный» закон может оказаться несправедливым и нецелесообразным. Так возникает идея «естественного», идеального, справедливого права, иначе говоря, бесконечная задача

²¹ Там же. С. 538-539.

²² Там же. С. 531.

²³ Там же. С. 531.

²⁴ Там же. С. 531.

усовершенствования правопорядка, социальной организации», – пишет Б.П. Вышеславцев²⁵. Отечественный мыслитель развивает концепцию идеального права как основы системы законодотворчества.

Правовая теория Б.П. Вышеславцева развивается в границах теоретических разработок российской школы «возрожденного естественного права». Несомненно, отечественный мыслитель испытал воздействие правовых взглядов П.И. Новгородцева.

Для русских философов правопонимание базируется на принципе безусловного значения личности, имеющем христианские духовные основания. Естественное право представляет собой совокупность нравственных представлений о должном развитии общества, нравственный критерий оценки социальной жизни, определяющий фактические условия правообразования.

Сущность естественного права заключатся в возможности оценки факта жизни общества с этической точки зрения. Естественное право представляет собой идеальную норму как явление духовной жизни личности, доступное метафизическому изучению. В качестве нравственного идеала принцип естественного права имеет абсолютное значение, выступая основой и прообразом формального права.

Разделение права на идеальное и формальное стало возможным благодаря развитию христианской культуры в Европе. Христианская культура «вырвала» человеческую личность из природной необходимости, поставила ее над природными процессами, утвердила ее абсолютную ценность, предоставила ей возможность оценивать явления социальной и природной жизни. Безусловное значение человеческой личности, имеющее истоки в христианской духовности, есть глубочайшая основа правового государства.

С позиции Б.П. Вышеславцева, правовое демократическое государство содействует наиболее полному раскрытию личности в системе государственной жизни, поскольку отражает реальное самоуправление личности и народа. Философ особо подчеркивает, что личность никогда не существует в отрыве от общества, проявляясь в нераздельно и неслиянно существующих аспектах: «я» и «мы».

Равноправие и равноценность личности и общества реализуется в правовом демократическом государстве, «ибо только оно признает самоуправление в двух его моментах: самоуправление лица и самоуправление общины, автономию личности и автономию народа, из которых ни одна не должна подавлять другую»²⁶.

²⁵ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 538.

²⁶ Там же. С. 533.

Общество, в котором личность и коллектив вместе определяют власть и право, суверенитет личной самости соединяется с суверенитетом народным, могло появиться в Европе под влиянием христианской проповеди. Христианство утвердило ценность индивидуальной личности, бытие которой раскрывается в жизни другой персоны. В этом смысле демократия имеет соборные духовные основания, соборную природу.

Демократическое государство опирается на свободное сотворчество персон, в котором «я» и «мы» равноценны. Принцип автономии личности теснейшим образом связан с принципом народного суверенитета, когда свободный народ имеет право и обязанность подчиняться только тому закону и той власти, который установил сам.

Принцип автономии личности и народа означает раскрытие в личной жизни морального долга, который видится внутренней правдой. «Но свободный выбор добра, а не зла не есть потеря свободы, – наоборот, он есть обретение высшей свободы: свободы в истине и добре («Я научу вас Истине, и истина сделает вас свободными»). Таково философское значение «автономии», она отнюдь не означает ... «формальной» свободы абсолютного произвола», – отмечает философ²⁷.

Для отечественного мыслителя система внешней власти становится неотъемлемой составляющей личной автономии посредством ее преобразования, сублимации правом. Власть нуждается в оправдании перед личной автономией. Это оправдание состоит в том, что она служит праву и действует в формах права, организуя и поддерживая свободу. Оправданную правом власть отечественный мыслитель определяет как служебную, неоправданную правом власть, как господскую.

Он констатирует, что «служебная власть служит установлению правопорядка, организации, она есть только средство и никогда не цель в себе; напротив, господская власть есть самоцель, и если она создает порядок и даже мощную организацию, то это для нее лишь средство властвования, аппарат власти»²⁸.

Сублимация власти при помощи права представляет собой путь облагораживания власти. Посредством права власть перестает быть произволом и становится общеобязательной нормой. Власть сублимируется правом и тогда отношения власти превращаются в правоотношения. «Целью власти будет свободная правовая организация, а власть является только средством. Власть служит осуществлению правовой организации», – пишет Б.П. Вышеславцев²⁹. Отечественный мыслитель считает, что социальная

²⁷ Там же. С. 538.

²⁸ Там же. С. 534.

²⁹ Там же. С. 528.

организация должна созидаться правом с помощью власти, организованной правовым образом.

Если социальная организация созидается абсолютной властью посредством властно продиктованного права, то социальная система превращается в тоталитарную идеократию Платона. «Неправда идеократии состоит в том, что в числе идей, сублимирующих власть, облагораживающих ее и делающих мудрой (т. е. властью философов), – нет идеи личности и свободы, нет идеи субъективного права, нет идеи свободной гармонии», – уверен он³⁰.

В тоталитарном государстве Платона власть понимается как господствующая. В его государстве власть непосредственно насаждает в обществе высшие идеи. Она ведет человека к добру насильно, через принуждение, не учитывая фактор личной свободы. Подобный подход не признает формальной свободы воли и хочет путем принуждения распространить свободу в истине и добре.

Это точка зрения всех тоталитарных диктатур. «Конечно, право ограничивает своеволие чужой свободой и возможностью гармонического взаимодействия, но право никогда не доводит это ограничение до уничтожения самости и ее свободы. Иначе оно уничтожило бы субъективное право, т. е. настоящую и подлинную сущность права», – поясняет свою позицию Вышеславцев³¹.

Субъективное право – принцип автономии лица. Тоталитарные же режимы умаляют автономию личной самости, что характеризуется мыслителем как несомненное зло. Истинным же является добро, которое неизменно связано с развитием персональной самости, органично вырастает из ее глубины.

Теория субъективного права сформировалась у Б.П. Вышеславцева под влиянием Б.Н. Чичерина – выдающегося представителя отечественного консерватизма, который, как известно, рассматривал право в двух значениях: субъективном и объективном.

Субъективное право состоит в законной свободе что-либо делать или требовать. Объективное право суть сам закон.

Б.П. Вышеславцев интерпретирует концепцию Б.Н. Чичерина в русле теории «возрожденного естественного права».

Для отечественного философа субъективное право представляет собой принцип автономии личности, позволяющий оценивать позитивное право и лежащий в его основании.

³⁰ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 528.

³¹ Там же. С. 529.

Развитие сублимирующей силы права для Б.П. Вышеславцева есть путь созидания правового государства, подразумевающий личное и народное самоуправление.

При этом личное и общественное самоуправление неразрывно связаны. «Кто говорит со всей полнотою личного самочувствия: «я с а м» и « м ы сами», тот признает правовое государство и демократию», – отмечает Б.П. Вышеславцев³². Правовое государство – государство справедливое. Справедливость заключается в свободном участии в созидании закона, которому человек будет подчиняться, в свободном установлении власти и ее контроле. Именно поэтому правовое государство органично связано с демократической формой самоуправления.

«Демократия есть непрерывная право-организация народов, правовым образом организованный народ, автономный народ, самоуправление, солидарность, соборность – в этом ее сущность и оправдание. И эта сущность есть самоцель и самоценность и вовсе не должна служить никакой утилитарной цели», – вот определение демократии, которое закономерно вытекает из его философско-культурологических размышлений³³. С его позиции, правовая демократия консервативна в значении сохранения ценности свободы и автономии личности. Сохранение же ценности свободы и автономии личности означает сохранение возможности свободного творчества. Именно поэтому «правовая демократия смотрит в будущее и освобождает горизонт для творчества»³⁴. Сохранение ценности персональной автономии подразумевает сохранение культуры, поскольку творческий потенциал личности находит свое выражение в культурном творчестве. Развитие правового демократического государства подразумевает сохранение и приумножение культурного наследия.

Важно также отметить, что Б.П. Вышеславцев творчески развивает славнофильскую теорию соборности, что дает ему возможность говорить о соборной природе демократии. Соборность, с точки зрения отечественного мыслителя, представляет собой творческую солидарность личностей, достигаемую через совместное служение ценностям.

Итак, современная европейская демократия формировалась под влиянием мощного социокультурного фактора – распространения христианства в Европе. Христианство, с его мировоззренческой целостностью, утвердило ценность персоны в европейском культурном мире. Категории философии правовой демократии проникнуты духом христианской культуры. Можно

³² Там же. С. 530.

³³ Там же. С. 517.

³⁴ Там же. С. 541.

сказать, что духовные истоки современной демократии связаны с развитием христианской культуры.

Конечно, важно помнить и о влиянии античной культуры на формирование современных европейских демократий. Однако для античной культуры был характерен космоцентризм. Личное начало было выражено в ней крайне слабо. Античный культурный тип не обладал целостным представлением об автономном суверенном субъекте. Рождение суверенного субъекта в культуре связано с иудеохристианской традицией, освободившей человека от космического детерминизма и обязывающей соотносить поступки индивида с безусловными велениями морального закона, воплощение которого в личной жизни тождественно свободе.

Говоря об античной ментальности, нельзя забывать о ее языческой ограниченности, не позволявшей увидеть человеческий статус во всех людях и проявившейся в расистских предрассудках и рабовладении.

Достижения античной демократии были восприняты постантичной Европой в горизонте ценности автономного суверенного субъекта. Именно ценность автономного суверенного субъекта легла в основу современной демократии.

Ценность персонального субъекта стала основанием великой традиции европейского гуманизма. Важно отметить, что утверждение христианских истоков гуманизма не означает игнорирование принципа светскости, игнорирование великих достижений светского гуманизма Европы.

Европейский гуманизм может рассматриваться как целостная персоналистическая традиция европейской культуры, имеющая христианские основания. Раскрытие христианских истоков рождения персонального субъекта в культуре может служить напоминанием, что европейская правовая демократия появилась в итоге напряженного культурного творчества, теснейшим образом связана с гуманистической традицией европейской культуры, что именно европейский гуманизм является подлинным основанием правовой демократии, что отказ от великого гуманистического наследия лишает современную демократию духовных оснований.

Представляется целесообразным погружение европейской демократии в определенный культурный контекст, раскрытие ее глубинных ценностных оснований. Современная демократия обнаруживает свою укорененность в великой культурной традиции, сохранение которой становится условием ее жизнеспособности. Отказ от ценности персонального субъекта, «смерть субъекта» может повлечь за собой «смерть демократии», поскольку развитие правового демократического государства находится в зависимости от укорененности в человеческом мировосприятии ценности персонального бытия.

Демократическая идея может быть органично включена в консервативный идеологический проект. Консервативная идеология предполагает культуросцентристское прочтение демократии, взгляд на демократию как социокультурную реальность.

Данное прочтение оказывается более глубоким, чем абстрактно-надисторическая трактовка демократии в либерализме. Тезис о человеке как творце социально-политических форм оказывается связанным с тезисом о человеке как творце культуры.

Современная демократия как способ проектирования социально-политической реальности имеет своим основанием европейский гуманизм как способ проектирования реальности культурной.

Современная демократия несет в себе гуманистический персоналистический тезис, имеющий христианские истоки. Развивая современный российский консерватизм важно отказаться от конструирования утопий «истинной Европы» в романтическом органицистском ключе. Вместо органицистских теорий (растворяющих личность в социальных целостностях, истолкованных по образцу органической жизни), к которым был склонен европейский консерватизм XIX века, консервативная идеология должна обрести незыблемую опору в ценности свободной творческой персоны.

Необходимо также указать и на значимость интерпретации демократической идеи с позиции консервативной идеологии. Данная интерпретация приводит к постижению ее сути. Можно сказать, что именно в контексте консервативного подхода демократическая идея выявляет свою сущность и достижения правовой демократии получают возможность для аутентичного развития.

Правовую демократию, с ее утверждением прав лица, утверждением личной свободы можно видеть в плоскости ее культурных оснований. Консервативная историзация правовой демократии приводит к выявлению связи утверждения незыблемых прав лица с культурной традицией. Консерватизм связывает свободу лица не только с правами человека, но и видит в ней ценность культуры, выступающей духовным основанием демократического правового государства.

Ценность свободы лица является основой европейского культурного предания, драгоценного наследия великой гуманистической традиции. Сохранение прав человека теснейшим образом связано с сохранением культуры. Без свободы лица немыслима правовая демократия. Свобода лица лежит и в основе творчества духовных смыслов, предающих крепость правовому государству и обеспечивающих всенародное единство.

Подводя итоги, важно отметить, что консервативная идеология предполагает раскрытие глубинных ценностных оснований демократии. Следуя

консервативной позиции, европейская правовая демократия появилась в итоге напряженного культурного творчества. Она теснейшим образом связана с гуманистической традицией европейской культуры.

Именно европейский гуманизм, утверждающий творческую свободу личности и имеющий христианские истоки, является подлинным фундаментом европейской правовой демократии. Консервативная идеология связывает европейскую правовую демократию с целостным культурным преданием, драгоценным наследием великой гуманистической традиции.

4.2 СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Б.П. Вышеславцев детально анализирует противоречия индустриального общества. В правовом государстве индустриальный аппарат может развиваться в сторону тоталитарной технократии. Технократическая тенденция видится русскому мыслителю имманентным злом индустриализма. Сущность этого зла состоит «не в технике, а в «технократии», т. е. в абсолютной власти индустриально-технического аппарата над всей жизнью человека»³⁵. «Тот, кто обрушивается на технику и индустрию, не попадает в цель и не угадывает сущности зла; оно заключается в потере свободы, в потере самого себя, своего духа и души; в рабском служении технократическому аппарату виновата не техника, виноваты мы сами.

«Технократия» противоположна «демократии»: или индустриально-технический аппарат подчиняет себе свободный народ или свободный народ подчиняет себе индустриально-технический аппарат. В этом смысле всякая подлинная демократия требует хозяйственной демократии, ибо сущность демократии есть автономия, и не существует подлинной автономии личности без хозяйственной автономии», – считает Б.П. Вышеславцев³⁶.

С позиции отечественного мыслителя, кризис индустриального общества заключается в наличии ярко выраженной технократической тенденции. В случае торжества технократической тенденции индустриальное общество способно превратиться в тоталитарное государство. Б.П. Вышеславцев настаивает на том, что технократическая тенденция интенсивно развивается «в демократических странах, существует во Франции, в Италии, даже в Америке: стремление захватить всю власть и все богатство страны»³⁷.

³⁵ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006 С. 551.

³⁶ Там же. С. 552.

³⁷ Там же. С. 554.

Итак, индустриальное общество содержит технократическую тенденцию. Данная тенденция несет в себе опасность захвата политической и экономической власти техно-бюрократической группой, стремящейся стать олигархией. Технократическая тенденция индустриализма связана с непрерывной угрозой развития тоталитарной технократии. «В индустриальную эпоху тоталитарная власть невозможна без захвата индустриального техно-бюрократического аппарата, он именно и дает экономическую власть, а в сущности и политическую власть», – отмечает мыслитель³⁸. Тоталитарная технократия «есть техника власти и власть техники»³⁹. Технократическая элита может стремиться соединить в своих руках экономическую и политическую власть, установить тотальный контроль над общественной жизнью.

Стремление техно-бюрократического аппарата к абсолютной власти может сопровождаться развитием технократической идеологии. Технократическая идеология может склоняться к грубому материализму, «ибо задача техники есть овладение материей»⁴⁰. С позиции подобной технократической идеологии, человек в своей жизни преследует исключительно экономические интересы, является вещью, которой можно манипулировать.

Технократическая идеология, сформулированная в грубом материалистическом ключе, демонстрирует, что освобождение человека от власти природы через власть над природой посредством одной лишь техники, без освобождения духовного через власть над собой, через духовное самозидание, через право и мораль несостоятельно.

Техническое овладение природой без духовного самообладания не есть подлинное освобождение человека. Человеческая личность, утратившая духовное самодержавие, трансформируется в обезличенную вещь, которой можно манипулировать.

Если научно-технический прогресс не соответствует морально-правовому развитию человека, то он трансформируется в регресс, отражает духовную инволюцию личности.

Технократическая тенденция, сопровождающаяся угрозой тоталитарной технократии, отражает кризис индустриальной культуры. С позиции Б.П. Вышеславцева экономическая жизнь определяется культурными факторами. Экономический фундамент общества есть продолжение его культурной (религия, право, этика, искусство) надстройки. Он немислим вне культурного развития общества. Именно кризис культуры индустриального общества породил технократическую тенденцию, а кризис этот состоит в отходе европейской культуры от ценности творческой личности, в

³⁸ Там же. С. 557-558.

³⁹ Там же. С. 558.

⁴⁰ Там же. С. 561.

утверждении взгляда на человека как пассивную вещь, открытую для всякого рода манипуляций.

Хозяйственная демократия связана с развитием демократической тенденции индустриальной культуры – борьбой за автономию личности. Мыслитель уверен, что подчинить себе индустриально-бюрократический аппарат способен только свободный народ. Демократическая тенденция индустриальной культуры связана с пониманием демократии как непрестанного самозидания, направленного на превращение человека в свободную индивидуальную и национальную личность, автономно решающую свою судьбу.

Созидание хозяйственной демократии связано с преобразованием структуры индустриального аппарата. «Массивный индустриальный аппарат строго «технократичен», построен иерархически, на принципах власти и подчинения, на строгой дисциплине. Такова его внутренняя логика и таков он на опыте. Этот аппарат одинаково принимается частным капитализмом, государственным капитализмом и коллективизмом всех видов», – указывает отечественный мыслитель⁴¹.

Хозяйственная демократия связана с преодолением технократической тенденции индустриализма путем развития автономии личности внутри индустриального аппарата. Отражая демократическую тенденцию развития индустриального общества, строительство хозяйственной демократии подразумевает превращение индустриального аппарата из хозяйственной автократии в хозяйственную демократию, что возможно, если «свобода и автономия признана и гарантирована политической демократией»⁴². «Необходимо осознать эту глубокую связь между государственно-правовой демократией и хозяйственной демократией: совершенно очевидно, что с уничтожением первой исчезает возможность второй; но если не реализуется вторая, то угасает и первая»⁴³.

Политическая демократия для сохранения своих свобод требует реализации демократии экономической. «Хозяйственная демократия требует изменения внутренней правовой структуры каждого индустриального предприятия, изменения правоотношений дирекции и подчиненного персонала (перехода от абсолютной власти к автономным правам), которое осуществимо при помощи правотворчества...», – считает Б. Вышеславцев⁴⁴.

Хозяйственная демократия реализуется посредством изменения правоотношений подчинения и власти внутри индустриальных, административных, торговых и бюрократических учреждений и предприятий,

⁴¹ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 555-556.

⁴² Там же. С. 564.

⁴³ Там же. С. 570.

⁴⁴ Там же. С. 575.

которые могут быть и частными и государственными. Хозяйственная демократия представляет собой борьбу против технократической тенденции в индустриальном обществе государства и трудящихся в границах закона. Созидание хозяйственной демократии идет синхронно «сверху» и «снизу».

Реализация хозяйственной демократии немыслима без определенных мер демократического правительства в частных и государственных предприятиях. «В частной индустрии правительство обязано помогать рабочим отстаивать справедливую заработную плату, оно обязано ограничивать число часов работы и устанавливать меры ее защиты и безопасности. Оно должно защищать производителей и потребителей от опасности монополии и обмана»⁴⁵.

Данные меры не означают ликвидации свободного рынка, но только правовое регулирование свободного и честного обмена, который может разрушаться монополиями и обманом. Отечественный мыслитель особо подчеркивает, что государственные предприятия также нуждаются в демократизации, как и частные.

Демократизация индустриального аппарата связана с ограничением самодержавия дирекции. «Дирекция должна управлять, но «конституционно», т. е. так, чтобы ее власть была понятна, приемлема, авторитетна, оправданна для рабочих и персонала вообще. Только тогда основной принцип демократии – автономия личности – не будет нарушен в сфере индустрии»⁴⁶.

Чрезвычайно важно внутри предприятий создавать организации, дающие возможность рабочим обладать всей информацией относительно условий их работы и размера заработной платы, предоставляющие исчерпывающую информацию о том «при каком увеличении заработной платы и сокращении рабочего дня индустриальное предприятие может или не может функционировать»⁴⁷.

Для демократизации индустриального аппарата необходимо развитие организаций, выражающих автономную волю трудящихся. Данные организации способны контролировать деятельность дирекции, оценивать устройство предприятия, организацию труда.

Справедливое распределение по свободному договору возможно в границах правового демократического государства, когда интересы трудящихся защищены мощными союзами, с которыми считаются предприниматели и правительство.

⁴⁵ Там же. С. 564.

⁴⁶ Там же. С. 570.

⁴⁷ Там же. С. 575.

Принцип хозяйственной демократии требует, чтобы персоналу предприятия был доступен план производства и распределения, что должно привести к отсутствию «железного занавеса» между дирекцией и персоналом. Важно также, чтобы рабочий мог воздействовать на формы производства и распределения в целях выражения его хозяйственной воли.

Для демократизации хозяйства необходимо скорректировать работу индустриального аппарата социальным законодательством, предоставляющим трудящимся права, ограничивающие абсолютную власть дирекции. Созидание хозяйственной демократии связано с социальным правом.

Социальное право – «автономный правопорядок, создаваемый свободными союзами и объединениями, а не государственным законодательством»⁴⁸. Социальное право «никогда не предписывается гетерономно, а всегда устанавливается автономно, никогда не предписывается свыше, но устанавливается снизу, имманентно, заинтересованными автономными лицами»⁴⁹.

Речь идет о правах самоорганизации, правах автономных объединений трудящихся, основанных на праве личности создавать свободные союзы, но не о законодательных инициативах самого государства. «Примерами таких объединений могут служить, прежде всего, рабочие синдикаты и потребительские кооперативы и, наконец, интернациональная организация союза объединенных наций, имеющая собственный автономный договорно-уставный правопорядок»⁵⁰. При этом правопорядок автономных объединений предполагает государственный принудительно-обязательный правопорядок в качестве контекста.

Общеобязательные законы государства обеспечивают возможность существования автономных союзов внутри государства, что возможно лишь в государстве демократическом и правовом. «В этом высшая ценность всеохватывающего и общеобязательного права, принципиально отличающегося от конвенциональных норм всяких частных союзов и объединений, которые обязательны для человека и гражданина лишь постольку, поскольку он желает оставаться в данном союзе», – подчеркивает отечественный мыслитель⁵¹.

Хозяйственная демократия ориентирована на то, чтобы субъект хозяйства ощущал себя субъектом хозяйственного творчества – личностью, активно реализующей творческое призвание. Категорически недопустимо видеть человека в горизонте технократического мышления, когда

⁴⁸ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 572.

⁴⁹ Там же. С. 573.

⁵⁰ Там же. С. 572.

⁵¹ Там же. С. 574.

личность представляется бесперебойно действующим роботом, а работа оценивается с позиции выпуска максимальной продукции и рекордной скорости. Категорически недопустимо и делать акцент на стремлении заинтересовать рабочих исключительно высокой заработной платой. Подобные подходы связаны с дегуманизацией работы.

Хозяйственная демократия утверждает принцип гуманизации работы, заключающийся в придаче работе творческого смысла. Гуманизация работы способна обеспечить успех производства, эффективно содействовать модернизации. Мыслитель справедливо утверждает, что «успешность работы совершенно изменяется в зависимости от того, как устанавливаются ее приемы и методы: предписываются ли они простым приказанием дирекции, или устанавливаются в результате совещания с рабочими, которым объясняется полезность тех или иных приемов»⁵².

Обращение к автономии личности, к ее творческому ядру способно увеличить производительность труда. Хозяйственную демократию характеризует взгляд на работу не как на рабское выполнение чужого задания, а видение работы как соучастия в выполнении творческого изобретения. «Совершенно ясно теперь, к чему в сущности сводится метод гуманизации работы в «personal relations»: он стремится ввести свойственный личности творческий элемент в ее работу. Без этого человек не чувствует себя человеком.

«Работают» и животные, работают и пчелы и муравьи – работают неустанно и непрерывно, для простого поддержания жизни; но «творит и изобретает» только человек, и потому только он имеет культуру и цивилизацию. Поскольку он «в поте лица добывает хлеб свой», чтобы только питаться и размножаться, постольку он «работает», а не «творит» и остается еще не уровне животного. Человеком, личностью, он становится тогда, когда живет «не хлебом единым», – справедливо констатирует Вышеславцев⁵³.

Источник производительности труда – творческое участие в работе. Сущность гуманизации работы состоит в том, чтобы вложить в нее творческий смысл. «Но творческая инициатива исключается необходимостью пассивного безропотного повиновения. Поэтому гуманизация работы не допускает хозяйственного самодержавия внутри предприятия», – считает философ⁵⁴.

Для этого необходимо внести изменения в отношения властвования и подчинения внутри индустриального аппарата. Необходимо

⁵² Там же. С. 600.

⁵³ Там же. С. 601.

⁵⁴ Там же. С. 601.

трансформировать «человеческие отношения» внутри фабрик, заводов, мастерских, контор, административных и торговых предприятий, изменить «человеческие отношения» к работающим людям и к самой работе»⁵⁵. Хозяйственная работа предприятия подразумевает сотворчество рабочего персонала, предпринимателя и дирекции. «Повышение продукции и улучшение работы, которое этим достигается, выгодно предпринимателям и дирекции, но оно выгодно и всему обществу, всем потребителям. Возможность найти творческий интерес в работе и понять творческий смысл целого – ценна рабочим, ибо поднимает их человеческое достоинство», – пишет Б.П. Вышеславцев⁵⁶.

Отечественный мыслитель предлагает рассматривать работу предприятия исходя из модели соборного творчества свободных личностей. При этом он подчеркивает органичную связь модели соборного творчества свободных личностей с демократическим идеалом. «Здесь-то и важен демократический идеал: всем должна быть дана возможность показать свое значение, развить свое творческое зерно, быть признанным и оцененным по достоинству», – констатирует он⁵⁷.

Развивая концепцию соборного свободного творчества на предприятии, отечественный мыслитель делает акцент на теории творческого зерна личности. Творческое зерно личности составляет ее подлинную ценность.

Творческое зерно – глубочайший центр личности, неразрывно связывающий индивидуальный творческий акт с творческими актами других персон. Каждой личности ценно признание собственного творческого зерна со стороны других персон, потому что этим выражается уважение к ее самости. Понятие творческого зерна личности позволяет увидеть творческий процесс в ракурсе сотворчества персон.

Восприятие работы предприятия посредством идеи творческого зерна личности делает возможным трудящимся увидеть ценность и смысл собственной работы. Таким образом, создаются условия для преодоления отчуждения от активного творчества подчиненного персонала, что обязательно отразится на увеличении производительности труда.

Соборно-творческая модель работы предприятия выгодна всем, поскольку проявление личной творческой инициативы является источником экономического прогресса.

Предприятие же, работающее по модели «творческого расизма» (когда носителем творческих процессов является привилегированное

⁵⁵ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения. М., 2006. С. 599.

⁵⁶ Там же. С. 602.

⁵⁷ Там же. С. 603.

меньшинство), всегда будет проигрывать соборно-творческой модели, потому что не учитывает сущностные характеристики человеческой природы.

Отечественный мыслитель отмечает, что принцип гуманизации работы находит свое воплощение в экономической жизни западных стран и склонен отождествлять последовательную реализацию данного принципа с «новой индустриальной революцией». Он подчеркивает существенную роль профессиональных союзов в процессе очеловечивания отношений внутри предприятия.

«Новая индустриальная революция» связана с тем, что человек в индустриальном обществе перестает воспринимать работу как рабство. В работу вносится творческий элемент и она начинает восприниматься как свобода. Рабочим становится понятен творческий смысл целостного действия индустриального аппарата. Для них открывается перспектива воздействовать на его структуру и активность. Таким образом, преодолевается имманентное зло индустриализма, выраженное в том, что исчезает творческое начало личности, когда работа делается рабским повиновением, рационализированная индустрия поглощает автономию личности, происходит деформация личности в индустриализме в силу подавления ее основополагающих функций.

Отечественный мыслитель справедливо указывает на взаимную связь политической и хозяйственной демократии. Если личность систематически разрушается индустриальным аппаратом, то человек становится неспособным быть свободным, сознательным и ответственным гражданином демократического государства. Разрушается достоинство человеческой личности, выраженное в способности к свободному рациональному творчеству.

Это касается как промышленных предприятий, так и всех типов рационализированной администрации, а также индустриализированного земледелия. В таком случае граждане перестают быть подлинными гражданами, исчезает автономия народа, что подрывает основы демократии.

Даже при высоком материальном благополучии работа, в подавляющей личности индустриальной системе, будет восприниматься как тюрьма, и лишение свободы в индустриальной системе останется наказанием более суровым по сравнению с имущественными лишениями.

Поскольку экономика зависима от культуры, то реализация экономической демократии должна быть осознана как проблема права, культуры и творчества.

Экономическая демократия представляет собой прогресс в праве и творчестве. Ее созидание завершается формированием «экономического права», построенного на принципе взаимности, а также созиданием

подлинно персоналистической индустриальной культуры, открывающей возможности для творческого развития личности.

Теоретические разработки отечественного мыслителя являются чрезвычайно актуальными и значимыми. Важно отметить, что рассматривать противоречия индустриального общества, индустриальной культуры сегодня крайне необходимо. Теория постиндустриального развития все более и более теряет своих сторонников, перестает выглядеть убедительной. Концепция постиндустриального развития была сформулирована с позиции технологического детерминизма, веры в освобождающую силу современных технологий, автоматически несущих решение социально-экономических, политических, духовных проблем.

Теория не выдерживает серьезной критики. Как известно, машинная техника существовала уже в средневековой Европе (речь идет об эпохе позднего Средневековья). Именно в этот период на смену ремесленному производству приходит технизация производственных процессов. Так закладываются основы индустриализации – механизации экономического производства в целях повышения его кпд.

Процесс индустриализации тесно связан с методом рационального целенаправленного повышения производительности экономического производства.

Индустриальные революции были бы невозможны в Европе без распространения христианских ценностей, существенно изменивших картину мира. Благодаря христианским ценностям человек из частицы космоса стал воспринимать себя разумным владыкой природного мира, который может творчески вмешиваться в природные процессы.

Индустриальная рационализация привела к появлению информационного общества, которое является формой развития общества индустриального. Волна индустриальной рационализации, основанной на микроэлектронике, усилила процесс индустриализации, а не остановила его. Благодаря развитию информатики метод индустриальной рационализации стал эффективно применяться во всех секторах экономики. Человек в эру электронной техники остается незаменимым субъектом управления машиной, компьютер остается техническим инструментом. Более верно говорить не о постиндустриальном обществе, а об обществе гипериндустриальном (супериндустриальном).

Важно также отметить, что само по себе развитие техники в эру электроники не имеет мессианско-освободительного значения. Машины в эру электроники способны как освобождать, так и поработать человека. Супериндустриальное общество – модернизированная и

рационализированная форма индустриального общества, порожденная гиперразвитием индустрии.

Данная форма общественного развития не является принципиально новой стадией общественного прогресса, ликвидирующей социальные и духовные противоречия. Социально-экономические структуры гипериндустриального типа во многом наследуют противоречия индустриального общества.

Противоречия индустриального общества, выделенные Б.П. Вышеславцевым остаются присущими и гипериндустриальному информационному обществу. Отечественный мыслитель критикует организацию производства, построенную на принципах тейлоризма. Данная организация производства антигуманна. Она сводит роль человека в рабочем процессе к второстепенным функциям, что понижает продуктивность труда. Тейлоризм подразумевает расщепление труда на фрагменты, разорванность трудового процесса, снижающую эффективность труда.

Тейлористская идея фрагментации труда не гарантирует работнику статус личности в процессе производства, способствует деградации человека до уровня машины. К сожалению, тейлористская модель организации труда не исчезла в информационном обществе.

В границах информационного общества тейлористский путь организации труда становится более жестким – компьютеры могут программировать человека. Бурное развитие микроэлектроники, способствующее автоматизации труда, при тейлористской схеме превращает человека в робота, подавляет творческое восприятие работы, разрушает творческое ядро личности. Преодоление расщепления трудового процесса на фрагменты путем гуманизации труда остается важнейшей задачей информационного общества.

Труд в оснащенной компьютерами промышленности еще более нуждается в гуманизации, чем на классическом индустриальном предприятии. Оснащенное компьютерами производство должно служить творческой самореализации личности.

В условиях рационализации в эру микроэлектроники крайне важно восстановление творческой целостности труда, единства планирования, исполнения и контроля, что относится как к сфере промышленного производства, так и к сфере административной. Во избежание превращения своей функции в подсобную работник может творчески сочетать в своей деятельности несколько специальностей.

Речь идет о расширении сферы труда в количественном и качественном отношении. Работник может увеличить число функций на ступени исполнения (расширение сферы труда в количественном отношении), а также

принимать участие в функциях контроля и планирования (расширение сферы труда в качественном отношении). Таким образом, возможно развитие процесса объединения труда, отражающего его гуманизацию.

Возможный путь этой гуманизации – развитие частично автономных рабочих групп. Автономные рабочие группы – коллективные объединения трудящихся, ответственные за реализацию многообразных функций и задач. Автономные рабочие группы доказали свою эффективность в Европе и Японии (например автомобильные заводы Вольво, Фольксваген, Сааб).

Нам нет надобности рассматривать все возможные модели гуманизации труда. Важно подчеркнуть, что развитие рационализации в эпоху микроэлектроники само по себе не принесло гуманизации работы. Абстрактная работа на «думающих» машинах может восприниматься не как творческая деятельность, а как рабство не менее, а более чем на токарном станке. Гуманизация работы остается важнейшей задачей для развития информационного общества.

Отечественный мыслитель поднимает чрезвычайно важную проблему. Подавление личности индустриальным (или гипериндустриальным) аппаратом может сопровождаться навязыванием обществу идеологии технократической элиты. Технократическая элита, обладая позициями власти, контролируя гипериндустриальный аппарат, способна неограниченно транслировать и навязывать свои ценности.

Трагедия заключается в том, что транслироваться может бездуховная интерпретация мира, не разделяемая большинством общества. Навязывание антиценностей способно деструктивно сказаться на общественном развитии. Человек, превратившийся в робота посредством дегуманизации труда, становится жертвой антигуманной идеологии.

Технократическая элита может управлять экономикой страны с позиции исключительно собственных ценностей и интересов, игнорируя ценности и интересы народа, что несовместимо с экономической демократией, подлинным народным управлением хозяйственной жизнью. Это и есть путь к тоталитарной технократии внутри демократического государства.

Экономическая демократия – реальное творчество свободным народом своей экономической жизни. Экономическая демократия возможна, когда народ свободно и творчески созидает хозяйство. Данный процесс невозможен без гуманизации труда, обеспечивающей реализацию личного творчества. Данный процесс невозможен и когда управленческие элиты действуют во имя «своих» интересов и с позиции «своих» ценностей, не имеющих ничего общего с базовыми ценностями страны, а, следовательно, и ее интересами.

Гуманизация труда и наличие управленческих элит, объединенных во круг ценностей страны и служащих ей, представляются характерными чертами хозяйственной демократии.

Теория Б.П. Вышеславцева глубоко консервативна. Консервативно культуроцентристское прочтение экономики, позволяющее увидеть экономическое творчество как пронизанное ценностными энергиями.

Консервативно критическое отношение к процессу деперсонализации в экономической жизни. Консервативен анализ экономической жизни страны в контексте базовых ценностей народа.

Действительно, экономика не может выступать как некая сфера жизни, нейтральная по отношению к ценностям общества. Экономика есть творчество народа, народа с определенной исторической судьбой и культурными ценностями.

Народ действительно властвует над экономической жизнью, когда ее свободно творит в контексте своих ценностных предпочтений. Развитие промышленной рационализации во второй половине прошлого века значительно усилило угрозу тоталитарной технократии. Технократическая тенденция в гипериндустриальном обществе может быть менее явной, более незаметной, но не менее сильной. Гипериндустриальное общество открывает путь для более утонченного воздействия на человеческую психику.

Новые технологии позволяют оказывать влияние на человеческую психику более сильное, но менее заметное, чем идеологическая пропаганда в тоталитарных режимах, что ставит проблему контролирования деятельности технократической элиты со стороны государства и народа.

Угроза тоталитарной технократии исходит сегодня от демократических стран (прежде всего, США), не сумевших поставить под народно-государственный контроль ценностное развитие своей технократической элиты с ее технократической идеологией (речь идет об идеологизации массовой культуры США, видящей в человеке животное-потребителя).

Базовое противоречие процесса глобализации как раз и состоит в том, что данный процесс имеет тенденцию выхода из-под контроля народов демократических государств и перехода под монопольное управление технократической олигархии турбокапитализма, исповедующей в качестве идеологии массовую посткультуру.

Чрезвычайно актуальными сегодня являются размышления американского мыслителя Кристофера Лэша, который убежден, что в итоге глобализации по американской модели макдональдизации мира технократические элиты могут утратить общность с народом.

Отчуждение технократических элит от народа приводит к «искусственной демократии». Эволюция технократической элиты Америки и Запада в сторону культурной беспочвенности отражает процесс культурного восстания элиты против народа. Современная евроамериканская «аристократия образования и информации» во многом утратила веру в ценности Европы, попав под влияние постмодернистской культуры нарциссизма, стремясь идеологизировать массовую культуру. Восстание элит против консервативно настроенных масс – таков подход к анализу современных евроамериканских социокультурных реалий К. Лэша.

Аристократия информационного общества ведет полукочевой образ жизни, живет изолированными колониями, не ощущая себя психологически гражданами своей страны, ответственными за ее судьбу. Ее представители забывают о ценностях культуры происхождения.

Аристократия информационного общества воспринимается как чуждая народом в силу культурной инаковости. Народ не в состоянии усвоить всю «глубину» беспочвенной культуры нарциссизма, оставаясь хранителем традиционных ценностей. «Простой человек» не готов идти до конца за элитарной программой культурной беспочвенности.

Критикуя современные технократические элиты и рассматривая народ как консервативную силу, К. Лэш заявляет о себе как о стороннике правовой демократии. С его точки зрения, демократия должна способствовать сохранению национальных нравов, ибо от них зависит жизнеспособность общества, а не обосновывать их разрушение. К. Лэш считает, что подлинная демократия невозможна без высокоразвитого чувства уважения к истории, что она должна развиваться с учетом национальной культуры, быть основана на коммюнитарности – народном единстве, укорененном в общем историческом опыте.

Приходится констатировать, что к концу XX века технократические элиты Запада и США оказались под мощным воздействием идеалов культурной революции 60-х годов.

Культурную революцию 1968 года отличал нигилизм принципиального характера. Стратеги культурной революции шестидесятых годов не хотели видеть европейский мир странами с гуманистическими культурными основами. Революция 1968 года провозгласила радикальный отказ от великого гуманистического наследия Европы, глубоко связанного с христианством. Она увидела будущее Европы в неизбежном отказе от национального самосознания, в тотальном забвении истории, внеисторическом наднациональном сообществе (где различия между национальными культурами будут стерты).

Культурная революция шестидесятых была взята под защиту интеллектуалами постмодернистской ориентации. Они отождествили распространение свободы с плюрализмом, понятым в ключе всеядности и анархизма, а также провозгласили радикальный отказ от принципа субъективности, что равнозначно отказу от принципа персоны, являющемуся основой гуманизма Европы.

Необоснованно отождествив европейский гуманизм с инструментом репрессивного господства, постмодернистская мысль реабилитировала гедонизм массовой культуры, будучи не в состоянии предложить позитивные духовные идеалы.

Идеалы революции 1968 года и постмодернистские теории стали превращаться в идеологию технократической элиты Европы и США. Массовая культура нарциссизма стала подвергаться идеологической обработке, идеологизации.

Опасность глобализации по американской модели состоит в том, что она опирается на принципы культурной революции шестидесятых, что она проводится технократической элитой, видящей в массовой культуре набор идеологических принципов.

Народы Европы в XXI веке не продемонстрировали, что готовы идти по данному пути. Если говорить языком Б. Вышеславцева, то речь и идет о тенденции тоталитарной технократии в демократических государствах.

Народы Европы и США не пожелали усвоить всю программу культурной беспочвенности. Но тогда распространение идеалов 1968 года технократическими элитами начинает выглядеть как искусственное навязывание дегуманизированной идеологии гипериндустриальному обществу. И это вполне способно подорвать культурные основы правовой демократии.

Культура – предпосылка функционирования правовой демократии. Культура выступает как интегративная сила правового демократического государства. Культура – духовная сила, которая сплачивает в общность устремленный к политической свободе народ.

Невозможно осуществление демократической политики в обществе без истории. Невозможно посторенние правового демократического государства при исчезновении нации как реальности, игнорировании исторического сознания народа, его исторической памяти.

Страх европейцев перед растворением и исчезновением национальных культур в единстве нового варварства породил новую традиционную волну, выраженную в возрождении национального сознания.

Становится очевидным, что субъектом правового демократического государства является народ, объединенный ответственностью перед своим историческим наследием.

С позиции консервативного мышления, европейские национально-культурные традиции, проникнутые гуманистической верой в творческие возможности человеческого духа, имеют решающее значение для жизни Европы, выступая основой европейского сообщества как взаимодействия демократических государств.

Они являются основанием подлинной экономической демократии – управления народами Европы своей экономической жизнью в соответствии с собственными ценностными приоритетами.

Подведем итоги. Следуя консервативной позиции, экономическая демократия может быть определена как творчество свободным народом своей экономической жизни. Экономическая демократия осуществляется, когда народ свободно и творчески созидает хозяйственную систему.

При этом речь идет о народе с определенной исторической судьбой и культурными ценностями, о свободном творчестве экономической жизни в неразрывной связи с исторически сформировавшимися ценностными предпочтениями.

Экономическая демократия невозможна без гуманизации труда, обеспечивающей реализацию личного творчества. Гуманизация труда и наличие управленческих элит, объединенных ценностями народа и служащих своей стране, являются неотъемлемыми чертами хозяйственной демократии.

4.3 ПЛАН И РЫНОК В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Развивая теорию экономической демократии, Б.П. Вышеславцев констатирует, что хозяйственная демократия тесно связана с моделью государственно-частного хозяйства.

Признавая государственно-частное хозяйство как особую форму хозяйства, в которой частный сектор значительно превосходит государственный, он подвергает критике модель хозяйства в тоталитарной системе. Им отвергается путь тотальной национализации индустрии как неэффективный.

Хозяйственная демократия несовместима с принципом тотального дирижизма в экономической сфере, поскольку невозможна реализация свободы и автономии при тотальном контроле экономической жизни человека, тотальная хозяйственная власть непременно обратится во власть тоталитарную.

Критически воспринимая опыт тоталитарных систем, Б.П. Вышеславцев утверждает ценность свободного рыночного хозяйства. Без рыночного хозяйства построение экономической демократии невозможно.

Хозяйственная демократия означает развитие свободного рынка, но полная свобода рынка (в смысле *laissez faire*) не означает хозяйственной демократии.

Мыслитель подвергает критическому анализу концепции классического либерализма. Для него хозяйственная демократия связана с ограниченной свободой рынка.

Данное ограничение происходит посредством вмешательства государства в экономическую жизнь в целях протекции свободного обмена от обмана и спекуляции, для утверждения справедливых отношений между предпринимателями и рабочими, а также в возможных целях частичной национализации.

Развитие хозяйственной демократии допускает ограничение абсолютизма частной собственности для борьбы с индустриальным феодализмом и финансовой олигархией.

Б.П. Вышеславцев поднимает важную проблему соотношения двух экономических систем: рыночной децентрализованной системы и системы централизованного управления. Децентрализованная рыночная система, являясь полицентричной, включает в себя многообразие самостоятельных субъектов экономики. Экономические процессы в данной системе определяются рыночными механизмами, что не исключает возможность рамочного управления и планирования, когда плану отводится подсобная регулирующая функция, а конститутивную функцию выполняет рынок.

Централизованная экономика моноцентрична. Данный тип экономики предполагает, что экономические процессы всецело определяются централизованным планированием, игнорирующим механизмы рынка. Тотальное централизованное планирование на практике приводит к неэффективному тоталитарно-управляемому хозяйству. Б.П. Вышеславцев верно указывает на то, что этатистско-командная централизованная система проигрывает рыночной децентрализованной системе. Важно отметить, что речь идет не о противопоставлении нерегулируемой стихийно развивающейся рыночной экономики командной централизованной системе. Нерегулируемая стихийно развивающаяся рыночная экономика способна привести к разрушению механизмов рыночной конкуренции, социальной несправедливости, макроэкономической нестабильности.

Фактически, у Вышеславцева речь идет о том, что этатистско-командная централизованная система проигрывает рыночной децентрализованной системе с рамочным планированием. Приходится констатировать, что хозяйственная демократия предполагает модель экономики, основанной на рыночных принципах, сочетающихся с элементами планирования.

Рынок преобразовывается посредством планирования, оставаясь при этом базисом экономической системы, определяющим наличие многообразных форм организации экономической жизни.

Рыночная экономика может быть рассмотрена как планируемая децентрализованная система, в которой носителями плана выступают субъекты хозяйства. Речь идет о децентрализованном микроэкономическом планировании многообразных экономических единиц. С позиции же хозяйственной демократии возможно осуществление и макроэкономического планирования, имеющего целью общее благо народа как социокультурного единства.

Макроэкономическое планирование представляет собой координацию децентрализованного планирования посредством экономической политики, направленной на установление соответствующих рамок протекания экономических процессов.

Макроэкономическое планирование призвано выполнять регулирующую функцию, носить индикативный характер, быть вспомогательным средством при сохранении рынком значения определяющего фактора экономической системы, не препятствуя частным интересам, а направляя их к общей цели. Оно не призвано упразднить механизмы рынка, но органично их дополнять. Сочетание планирования и рыночного принципа возможно при признании рыночного фундамента экономической системы.

Важно отметить, что рыночное хозяйство не может быть однозначно отождествлено с чистым капитализмом. Чистый капитализм является лишь одной из форм рыночного хозяйства, и притом формой весьма противоречивой. Серьезное противоречие чистого капитализма заключается в монополизме, угрожающем принципу свободного рынка, ведущем к установлению экономической диктатуры.

Для Б.П. Вышеславцева свободное рыночное хозяйство есть нормативный принцип. Свободный хозяйственный оборот, построенный на свободной конкуренции и свободной торговле, рассматривается отечественным мыслителем как нормативная идея.

Заслуга классического либерализма состояла в том, что он установил нормативные принципы рыночной экономики. Его ограниченность состоит в том, что нормативная система была принята за действительность.

Свободное и честное соревнование между людьми с равными шансами, ведущее к справедливости распределения, представляет собой идеал. Такая система не есть данность. Ее предстоит творчески осуществлять государству и народу.

Для того чтобы у людей были действительно равные шансы при экономическом соревновании государство может вмешиваться в экономические

процессы. Необеспеченный или больной человек обладает негативными стартовыми условиями для конкуренции.

Государство может принять участие в том, чтобы предоставить ему адекватные стартовые условия, иначе конкуренция не будет справедливой, что не должно обернуться поощрением иждивенчества, превращать государство в благотворительное учреждение. Адекватные стартовые условия подразумевают включение в рыночную экономику.

Развиваемая мыслителем концепция государственного вмешательства в экономические процессы связана с принципами школы «возрожденного естественного права». Как идеальная норма естественное право включает в себя принцип духовного развития личности, соборной солидарности.

Свободное рыночное хозяйство, основанное на справедливой конкуренции, адекватных стартовых условиях, ведущее к реализации личности в сфере экономического творчества, также может быть рассмотрено как идеальная норма естественного права, поскольку такая хозяйственная модель отражает солидарную природу человеческого общения.

Говоря о капитализме, Б.П. Вышеславцев затрагивает проблему типов рыночной экономики. Он отмечает, что чистая капиталистическая рыночная экономика может обладать серьезными недостатками. Так господствующие экономические позиции могут принадлежать меньшинству, охваченному эгоистическим стремлением к максимизации прибыли, что приводит к социальной конфронтации. Чистый капитализм может обернуться монократией интересов капитала, односторонним эгоистическим накоплением прибыли субъектами экономики, находящимися в привилегированном положении.

Хозяйственная демократия подразумевает социально ориентированную рыночную экономику, соединяющую принцип свободы рынка с элементами управления.

Социально ориентированная рыночная экономика соотносит индивидуальную свободу с общественным благом. Рамочное планирование призвано гарантировать в данном типе рыночной экономики честное экономическое соревнование, не допуская монополизации рынка.

Рамочное планирование, корректирующее рыночные механизмы (при утверждении их конститутивной функции), способствует формированию творческой конкуренции, ориентации экономических процессов на удовлетворение интересов всего общества, развитию социальной направленности рыночной экономики.

Теория экономической демократии может быть рассмотрена как элемент парадигмы консервативного идеологического проекта.

Консервативным смыслом обладает учение об осуществлении реальной конкуренции при наличии адекватных стартовых условий, теория

функционирования рыночной экономики при определении государством рамочных условий экономической жизни.

Действительно, дееспособный рынок не может возникнуть без государственного созидания рамочных условий. Именно сильное государство способно обеспечить благоприятную стартовую ситуацию для конкуренции. Функционирование рынка требует союза общественности и сильного государства. Теория экономической демократии в консервативном духе делает акцент на том, что рыночная экономика призвана служить народу, способствовать раскрытию его творческого потенциала.

Речь идет о народе, являющемся носителем уникальных традиций культуры. Механизмы рыночной экономики не есть самоцель. Они инструментальны по отношению к личному творчеству. Управленческие элиты социально ориентированной рыночной экономики должны обладать ответственным историческим мышлением. Принятие решений в экономической сфере должно опираться и на культурные предпосылки. Успех на рынке не отделим от культурного развития народа.

Важно помнить, что парализует экономическое творчество народа не только эгоистический интерес предпринимателей, игнорирующих социокультурную солидарность, но и бюрократия, занимающаяся перераспределением в социальном государстве, когда ее представители утрачивают восприятие народа как культурной целостности. Возможен и отрыв представителей бюрократической системы распределения от ценностных оснований общества в социальном государстве.

Гипертрофированное социальное государство, помогающее не только действительно нуждающимся, а подчиненное логике тотальной помощи всем, кто заявляет претензии на поддержку, имеет мало общего с экономической демократией.

Для развития экономической демократии в России требуется сильное дееспособное государство, способствующее консолидации управленческих элит вокруг базовых российских ценностей, выступающее проводником интересов народа как социокультурного единства. Осуществление экономической демократии в России сегодня возможно посредством сотрудничества государства с силами гражданского общества.

Подведем итоги. Консервативный идеологический проект утверждает принципы экономической демократии – свободного и творческого управления народом своей экономической жизнью в соответствии с исторически выработанными ценностными приоритетами.

Экономическая демократия предполагает развитие социально ориентированной рыночной экономики.

Отвергая опыт централизованно-управляемого хозяйства в тоталитарных системах, консервативная идеология провозглашает ценность свободного рыночного хозяйства.

Речь идет о развитии социально ориентированной рыночной экономики, соединяющей принцип свободы рынка с элементами управления, выполняющими корректирующую функцию.

Консервативная идеология подразумевает утверждение принципов рыночной экономики в сочетании с отстаиванием ценности социальной справедливости.

Экономический рост немислим без обеспечения равных стартовых возможностей для развития творческой конкуренции, а также ориентации экономических процессов на удовлетворение интересов всего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выход современной России на качественно новый уровень исторического целеполагания во многом зависит от осмысления идейно-ценностных оснований российского консерватизма. Осознание их позволяет сформулировать принципы консервативного подхода к решению конкретных проблем современной России, создать целостную программу развития государства на базе консервативных идей и ценностей. При этом важно отметить, что идеология российского консерватизма не может быть сконструирована искусственно, создана в отрыве от исторической традиции. Она должна развиваться только в контексте исторической преемственности, являться выражением российской мироустроительной идеи, соборного самоопределения Российской цивилизации, основываться на системе ее основополагающих ценностей.

Развитие современного российского консерватизма может быть осмыслено как творческое продолжение отечественной консервативной мысли. Базовые принципы современного консерватизма не создаются теоретиками с чистого листа, а органически вытекают из отечественного консервативного идейного наследия.

Современный российский консерватизм, развивающийся на базе достижений отечественной консервативной интеллектуальной традиции, предполагает формирование идеологии на основании утверждения безусловной ценности личного бытия, что позволяет рассматривать российский консерватизм как консерватизм персоналистический, выдвигающий в качестве основополагающей ценность персоны. Личность в ее творческой свободе выступает фундаментальной ценностью российского консерватизма.

В основе российского консерватизма лежит представление о человеке как целостной личности, наделенной не только материальным бытием, но и неразрывно связанным с ним бытием духовным, обладающей способностью к свободному духовно-нравственному выбору и творчеству, откуда проистекает ответственность человека. Ценность личности является подлинным фундаментом консервативной идеологии. Российский консерватизм указывает на глубинную связь между совершенствованием жизни личности и улучшением общественного устройства, рассматривая личное бытие в качестве цели социального развития.

Российский консерватизм предстает как консерватизм творчески ориентированный. Он направлен не на сохранение прошлого как такового, а на анализ прошлого с позиции духовных ценностей в целях творческого применения его достижений в настоящем. Традиции прошлого творчески претворяются в созидание настоящего, в духовные основания преображающей мир деятельности личности, выступая источником ее творческих сил. Российский консерватизм акцентирует гармоничное сочетание личной творческой инициативы с воплощением духовных ценностей в общественной жизни.

Фундамент общественно-государственного развития российский консерватизм видит в культуре. Ценностные ориентации человеколюбия, милосердия, сострадания, служения, творческого подвига, соборности, духовно-нравственного совершенствования, являющиеся неизменной сердцевинной российской культуры, утверждаются в качестве фундамента оптимальной стратегии развития страны.

Культура видится системой ценностей, способной объединить граждан России. Она выступает как интегративная сила правового демократического государства. При этом подчеркивается культуросозидающее значение традиционных конфессий России, необходимость сохранения всей полноты традиций российского многонационального и многоконфессионального общества.

Российский консерватизм предстает направлением мысли, утверждающем незыблемую связь культуросозидающего творчества личности с ее свободой в правовом государстве. Он провозглашает права лица и ценность личной свободы, понятой как творческая автономия персоны. При этом личность – инициативное творческое начало, живая сила, преобразующая посредством творческого подвига себя, общество и вселенную. Она – активный общественный строитель, реформатор социальной системы, инициатор модернизационных процессов, созидатель национальной культуры.

Российский консерватизм настаивает на необходимости развития демократических институтов, предполагает развитие правового демократического государства с учетом традиций российской правоментальности и в органической связи с ценностями национальной культуры.

В контексте консервативного проекта подлинное демократическое государство призвано выражать интересы народа. Свободный народ, объединенный ответственностью перед своим историческим наследием, является субъектом правового демократического государства.

Консервативный проект модернизации России – проект, предполагающий модернизацию на базе отечественной культурной традиции. Он определяет векторы развития модернизационных процессов, адекватные российской социокультурной почве и предполагает поступательное общественное развитие без катастрофических потрясений и революций.

Отвергая опыт централизованно-управляемого хозяйства в тоталитарных системах, российский консерватизм провозглашает ценность свободного рыночного хозяйства. Речь идет о развитии социально ориентированной рыночной экономики, соединяющей принцип свободы рынка с элементами управления, выполняющими корректирующую функцию. Утверждение принципов рыночной экономики неизменно сочетается с отстаиванием ценности социальной справедливости, столь характерной для Российской цивилизации. Экономический рост немислим без обеспечения равных стартовых возможностей в целях развития творческой конкуренции. Только сильное государство может обеспечить благоприятную ситуацию для

конкуренции, ориентацию экономических процессов на удовлетворение интересов всего общества, развитие социальной направленности экономики.

Важное значение имеет и развитие системы социального партнерства в целях преодоления общественных противоречий, а также всемерная поддержка незащищенных слоев общества, которые являются полноправными участниками экономической жизни. Российский консервативный проект утверждает принципы экономической демократии – свободного и творческого управления народом своей экономической жизнью в соответствии с собственными ценностными приоритетами.

В контексте российского консерватизма строительство гражданского общества должно быть теснейшим образом связано с развитием свободного и ответственного солидарного служения. Расширение личных свобод означает и рост личной ответственности.

Консервативный идеологический проект провозглашает модель развития свободного плюралистического общества, основанного на высокой коммуникативной культуре, выраженной в уважении к базовым ценностным основаниям общественной жизни, созидающим общественную солидарность.

Толерантность в плюралистическом обществе подразумевает уважение его ценностных оснований. Творческая вовлеченность в созидание духовных оснований общества (а не агрессивная колонизация социальной среды обитания), основанная на высокой коммуникативной культуре, рассматривается в качестве стратегии конструирования подлинного плюрализма.

С позиции российского консерватизма государство выступает защителем интересов граждан, действующим во имя общественного блага. Государственная политика органически следует из базовых ценностных ориентаций общества. Именно в ценностях общества государство черпает творческие силы для формирования социально-политической стратегии. В сильном государстве, действующем в интересах большинства граждан, усматривается гарант личной свободы.

Российский консерватизм отстаивает суверенитет и территориальную целостность Отечества, идеи единения и сохранения Родины, подчеркивает значение консолидации общества.

Идея многополярного мира, с позиции российского консерватизма, может быть раскрыта в перспективе развития солидарного единства в многообразии различных культурных миров при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения. В многополярном мире Россия предстает уникальным цивилизационным образцом, интегрированным в мировое сообщество на достойных для нее условиях.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

АВТАРКИЯ (от греч. autarkeia – самоудовлетворение) – самодостаточность, независимость от внешних воздействий.

АГИОКРАТИЯ (от греч. hagios – святой и kratos – власть) – высоконравственная власть святых.

АКСИОЛОГИЯ (греч. axia – ценность, logos – слово, учение) – учение о ценностях как смыслообразующих основаниях человеческого бытия.

АКТОР (англ. actor) – непосредственный участник экономической деятельности, субъект.

АЛЬТЕРДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (от alter лат. – другой) – деятельность, направленная на другого.

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКАЯ – целостное философское учение о человеке.

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ (от греч. anthropos – человек и лат. centrum – центр) – философское учение, согласно которому человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий.

АРКАДСКИЙ (от греч. arcadian – аркадский пастушок; обитатель счастливой, идиллической страны) – идиллический.

АРХЕТИП (от греч. arhe – архэ, начало, принцип и греч. typos – тип, отпечаток, форма, образец) – первоначальная модель, впервые сформированный исконный тип.

АРХИПИСЬМО – первописьмо, являющееся условием речи, текста, дискурса.

АТОМИЗМ СОЦИАЛЬНЫЙ – представление об обществе, в рамках которого индивиды выступают как изолированные друг от друга атомы.

АУТЕНТИЧНЫЙ (от греч. authentikos – подлинный) – подлинный.

БИОЦЕНТРИЗМ (от био и лат. centrum – средоточение; сосредоточенность на жизни) – экологическая этика, отказывающаяся от антропоцентризма, ставящая превыше всего интересы живой природы, целостность и устойчивость развития экосистемы.

БИОСФЕРНОЕ РАВЕНСТВО – принцип биоцентризма, согласно которому не человек, а существование глобальной экосистемы Земли, биосферы, природных форм во всем их многообразии является высшей целью и ценностью бытия.

БИОГЕНЕЗ (от греч. био и genesis – происхождение) – процесс становления форм жизни.

ВИТАЛИЗМ (от лат. *vitalis* – живой, жизненный) – направление в философии, утверждающее наличие в организмах нематериальной силы, управляющей жизненными явлениями.

ВИТАЛЬНЫЙ (от лат. *vitalis* – живой, жизненный) – относящийся к явлениям биологической жизни.

ГЕДОНИЗМ (от греч. *hedone* – наслаждение) – этическое учение, согласно которому удовольствие является главной добродетелью, высшим благом и целью жизни.

ГЕТЕРОНОМНЫЙ (от греч. *heteros* – другой, иной и *nomos* – закон) – имеющий начало в ином.

ГИПЕРИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – модернизированная и рационализированная форма индустриального общества.

ГУМАНИЗАЦИЯ – развитие подлинно человеческих (гуманистических) начал в виде духовных и нравственных ценностей, признание человеческой личности основанием и целью общественного бытия.

ГУМАНИЗАЦИЯ ТРУДА – реализация принципа гуманизации в сфере трудовых отношений, создание наиболее благоприятных условий для максимальной реализации творческого потенциала личности.

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ – утрата подлинно человеческих (гуманистических) начал в виде духовных и нравственных ценностей, отказ от мировоззрения, основанного на человечности, на уважении к личности.

ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ – теория, согласно которой идеология постепенно теряет свое значение в жизни общества.

ДЕИФИКАЦИЯ (от лат. *deifico* – обожествлять) – надделение объекта божественной природой.

ДЕКУЛЬТУРАЦИЯ (от лат. *de* – отрицательная приставка и *cultura*) – утрата ценностей традиционной культуры, замена их на псевдоценности массовой культуры.

ДЕМАРКАЦИЯ (лат. *demarcatio* – разграничение) – разграничение.

ДЕМОНОЛАТРИЯ (от греч. *daimon* и *latreuein* – поклоняться) – свойственное язычеству поклонение демонам.

ДЕОНТОЛОГИЗАЦИЯ (от лат. *de* – отрицательная приставка и *онтология* – учение о бытии) – лишение бытия.

ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИЯ (от лат. *de* – отрицательная приставка и *persona* – личность) – обезличивание.

ДЕСУБСТАНЦИАЛИЗАЦИЯ (от лат. *de* – отрицательная приставка и *substantia* – сущность; *то*, что лежит в основе) – лишение сущности, бытийного основания.

ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ (от лат. determino – определяю) – обусловленный, определенный.

ДЕЦЕНТРАЦИЯ (от лат. de – приставка, означающая удаление, отмену, centrum – средоточие) – постмодернистский принцип отрицания дискурсивно-логического начала в европейском мышлении, а также базовых традиционных ценностей европейской культуры.

ДИРИЖИЗМ (фр. dirigisme от diriger – руководить, управлять, регулировать) экономический – политика активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства, государственное регулирование экономики.

ДИСКУРС (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus – беседа, разговор) – систематическое, целостное теоретизирование.

ДИССЕНСУС – разногласие.

ЕВРАЗИЙСТВО – политическое и культурологическое учение в русском послеоктябрьском зарубежье 20-30-х годов XX века. Евразийцы верно отметили, что Россия является пространством развития культурных контактов, хозяйственных связей. Учение о замкнутом евразийском типе культуры, всецелой определенности культуры природными законами, отделение истории русской культуры от европейской – противоречивые тезисы евразийской теории.

ЖИВОЗНАНИЕ – понятие философии славянофилов означающее целостность познания, задействованность всех типов познавательной активности, а не одних логических способностей в познавательном акте.

ЗАПАДНИЧЕСТВО ИДОЛОПОКЛОННИЧЕСКОЕ – поверхностное эпигонство, некритическое заимствование утопических учений у стран Западной Европы отечественными интеллектуалами.

ЗАПАДНИЧЕСТВО РЕАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ – творческие культурные контакты с Западом, освоение культурных достижений западных стран Россией, направленное на развитие отечественной культуры.

ИДЕАЦИЯ – образование идей, понятий, основывающееся на осмысленном созерцании.

ИДЕОКРАТИЯ (от греч. idea и krátos – власть, господство «власть идей, идеалов») – общественный строй, основанный на власти идей, где идеология приобретает всеобъемлющее влияние.

ИДИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД (от греч. idios – своеобразный и grapho – пишу) – индивидуализирующий метод наук о культуре в философии баденской школы неокантианства, заключающийся в рассмотрении явления культуры в их неповторимой уникальности, истолковывающий культурно-исторические явления на основе отнесения к ценности.

ИДОЛАТРИЯ (от греч. eidolon – идол и latreuein – поклоняться) – идолопоклонство, обоготворение кого или чего-либо.

ИММАНЕНТИЗАЦИЯ (от лат. immaes (immaetis) – свойственный) – философское понятие, обозначающее процесс перехода внешнего по отношению к определенной системе в ее внутреннее качество, превращение внешнего во внутреннее.

ИММАНЕНТНЫЙ (от лат. immaes (immaetis) – свойственный) – присущий природе самого явления, пребывающий внутри.

ИМПЕРСОНАЛЬНЫЙ (от лат. im – отрицание и persona – личность) – безличный.

ИНВОЛЮЦИЯ (от лат. involutio – изгиб, завиток, свертывание) – регресс.

ИНДЕТЕРМИНИРОВАННЫЙ (от лат. in – приставка, означающая отрицание и детерминизм) – свободный, необусловленный.

ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМ (лат. interventio – вмешательство) социальный – политика вмешательства правительства или организации в общественные дела.

ИСИХАЗМ (от греч. hesychia – «спокойствие, тишина, уединение») – православная духовная практика, утверждающая возможность приобщения божественной благодати в виде созерцания нетварного света через особый молитвенный подвиг умного делания, заключающийся в единении всех сил личности (ума и сердца) при обращении к Богу.

ИСТОРИОСОФИЯ – философия истории.

КОММУНИТАРНОСТЬ – мировоззрение, утверждающее значение общественного единства, в основе которого лежит приоритет интересов общества над интересами личности.

КОММЮНОТАРНОСТЬ (от лат. communitas – общность, общение) – межчеловеческое единство, основанное на духовных ценностях.

КОНСТИТУТИВНЫЙ (от лат. constituere – устанавливать, определять и франц. constitutif – определяющий, основополагающий) – определяющий, образующий, формирующий.

КОНСЮМЕРИЗМ (англ. consumerism от consumer – потребитель) – утверждение идеалов потребления в виде цели человеческой жизни.

КОНТРАКУЛЬТУРА – культурный мир, ценности которого противостоят ценностям доминирующей культуры, претендуют на их замену.

КОСМОГЕНЕЗ (от греч. kosmos – вселенная и genesis – происхождение) – процесс становления космоса.

КОСМОТЕЛЛУРИЧЕСКИЙ (от греч. космос и латин. tellus – земля) – земной и космический, подверженный воздействию Земли и космоса.

КОСМОЦЕНТРИЗМ (от греч. kosmos и лат. centrum – центр) характерная черта античной культуры, заключающаяся в обожествлении космоса и взгляде на человека как его часть.

КУЛЬТУРА НАРЦИССИЗМА – псевдокультура, отказывающаяся от этики совершенствования личности в пользу эгоизма и гедонизма.

КУЛЬТУРНЫЙ СОЛИДАРИЗМ – учение о развитии солидарного единства в многообразии различных культурных миров при признании нравственных ценностей в качестве универсального языка межкультурного общения.

КУЛЬТУРОГЕНЕЗ (от лат. cultura и греч. genesis – возникновение) – процесс становления культуры.

КУЛЬТУРОРГАНИЦИЗМ – интерпретация культуры на основании принципов биологической жизни.

ЛИБЕРТИНИЗМ (фр. libertinisme) – отрицание общепринятых моральных норм.

МАНЧЕСТЕРСТВО (от г. Манчестер) – течение в экономической политике, возникшее в Англии в 30-х гг. XIX в. в Манчестере, которое утверждало свободную торговлю, отказ от всякого вмешательства государства в экономическую жизнь, ненужность рабочего законодательства.

МЕНТАЛИТЕТ (фр. mentalite от лат. mens, mentis – ум и alis – другие) – система ценностных ориентаций, определяющая повседневные модели мировосприятия и поведения людей, имеющая устойчивый характер на протяжении длительного времени, которая может как осознаваться, так и присутствовать неосознанно в жизни общества.

МОНАДА (от греч. monas, род. п. monados – единица, единое) – конститутивный элемент бытия.

МОНАДОЛОГИЯ (от греч. monas – род. п. monados – единица, единое и logos – слово, учение) культурно-историческая – термин для обозначения концепций, исходящих из существования в истории множества уникальных культурных образований.

МОНОКРАТИЯ (от греч. moos – один, и krateo – управляю) – власть одного начала или принципа.

МУЛЬТИВЕРСУМ – культурное пространство мультикультурализма.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ – проект создания глобальной посткультурной общности с множеством посткультурных субтрадиций, сосуществующих в однородном пространстве постмодерна.

НАТУРАЛИЗМ (от лат. naturalis – естественный) – представление о мире, согласно которому природа выступает как единый, универсальный принцип объяснения всего сущего.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ – представление о человеке как о существе, всецело определенном в своем существовании природными факторами, зависимом от безличных природных процессов.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ – представление о всецелой определенности жизни человеческого общества природными законами, сущность которых может быть полностью постигнута человеческим разумом.

НАТУРФИЛОСОФИЯ (от лат. natura – природа) – философия природы. Неомодернистская теория информационного общества – теория, определяющая информационную эру как этап осуществления проекта Модерна.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ (от лат. objectivus – предметный) – опредмечивание, ошибочное превращение человеком того или иного явления (или самого человека) в безличный объект.

ОНТОЛОГИЯ (от греч. ὄν (род. п. ontos) – сущий и logos – учение) – учение о бытии, об основных началах всего существующего.

ОРГАНИЗМИЧЕСКИЙ – утверждающий идентичность биологических и социальных явлений.

ОРГАНИЦИЗМ – методологический принцип, заключающийся в бытийном отождествлении общества с организмом, полном уподоблении социума природному организму. **ОРГАНИЦИЗМ** – учение, уподобляющее экономическую систему живому организму с присущими ему жизненными физиологическими процессами и способами управления этими процессами, объясняющий социальные явления по аналогии с явлениями органической жизни.

ОРГАНОЛОГИЯ – подход, распространяющий принципы строения организма на формы общественного бытия.

ПАНКУЛЬТУРАЛИЗМ (от греч. pan – всё и лат. cultura) – подход, усматривающий в культуре средоточие и глубинное основание общественно-исторического бытия человека.

ПАНТЕИЗМ (от греч. pa – все и theos – Бог) – философское учение, согласно которому Бог и природа рассматриваются как тождественные понятия, обожествление природы.

ПАРАДИГМА (от греч. paradeigma – пример, образец) – целостная система фундаментальных мировоззренческих принципов.

ПАРТИКУЛЯРИЗМ (от лат. particula – небольшая часть, лат. particularis – частичный) культурный – установка на культурную обособленность.

ПАТЕРНАЛИЗМ (от лат. paternus – отцовский, отеческий) – покровительство, опека.

ПАТТЕРН (англ. pattern от лат. patronus – модель) – модель, образец.

ПАТРИСТИКА (от лат. pater – отец) – философия и теология отцов церкви.

ПЕРСОНАЛИЗМ (от лат. persona – личность) – философское учение, рассматривающее личность в виде высшей реальности и ценности бытия.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ – модель развития европейской культуры, основанная на утверждении ценности личного бытия, связанная с раскрытием творческих возможностей человека, имеющая христианские истоки.

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КУЛЬТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ – подход, делающий ударение на духовно-ценностном начале в культурном творчестве, свободном сверхприродном характере культуры, а также на воплощенности культурного бытия в материальном измерении человеческого существования.

ПЕРСОНОЛОГИЯ (от лат. persona – личность) – учение о личности.

ПНЕВМАТОЛОГИЯ (от греч. pneuma – дух и logos – слово, учение) – учение о духе.

ПОСТКУЛЬТУРА – внекультурное пространство, лишенное всех традиционных ценностей культуры, сменившее их на массовую культуру.

ПОСТМОДЕРНИЗМ (фр. postmodernisme – после модернизма) – философское направление, констатирующее исчерпанность творческих потенциалов культуры Запада, провозглашающее ценностный релятивизм и «смерть субъекта».

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ТЕОРИЯ – учение о возникновении принципиально новой стадии общественного прогресса, сменившей индустриальную эру. Теоретики постиндустриального общества необоснованно склонны рассматривать некоторые изменения в жизни современного общества в качестве принципиального изменения социального уклада.

ПРАКТОПИЯ (от греч. praktikos – деятельный, активный и topos место) – практическая утопия, утопия, которая может быть осуществлена.

ПРОМЕТЕАНСТВО – вера в неограниченную человеческую мощь, обожествление человека.

«РАСИЗМ» ЭКОНОМИЧЕСКИЙ – разделение человечества на хороших и плохих потребителей, адаптированных к рынку и неадаптированных, синоним социал-дарвинизма.

РЕДУКЦИОНИЗМ (от лат. reductio – отодвигать назад, возвращать) – методологическая установка, которая заключается в сведении сложного к простому, объяснении высшего на основании низшего.

РЕЛЯТИВИЗМ (от лат. relativus – относительный) – утверждение относительности ценностных оснований человеческого бытия.

РЕФЛЕКСИЯ (от позднелат. reflexio – обращение назад) – размышление.

РУССКИЙ ВИЗАНТИНИЗМ – путь развития русской культуры, основанный на творческом преломлении в русской душе ценностей христианской культуры Византии.

СИНГУЛЯРИЗМ (от лат. singularis – единственный) – методологический подход, делающий акцент на реальности единичного.

СИНГУЛЯРНОСТЬ (от лат. singularis – единственный) – единичность существа, а также события, явления.

СИНЕРГИЙНЫЙ (от гр. synergos – вместе действующий) – совместно действующий.

СОБОРНОСТЬ – ценность отечественной культуры, подразумевающая свободное духовное единство личностей, делающее их носителями объединяющего духовного начала во вселенной, хранящими уникальное своеобразие ее форм. С позиции Д.С. Лихачева, выражением соборности является характерная для отечественной культуры открытость к восприятию других культурных миров, к их сохранению и творческому освоению. Стремление к духовно-творческому единству с другими культурными мирами, являющееся выражением соборности, стало основанием развития России как многонационального государства.

СОЛИПСИЗМ (от лат. solus – «единственный» и лат. ipse – «сам») культурный – культурная замкнутость.

СПИНОЗИЗМ – философское учение голландского философа Б. Спинозы, пришедшего к монистическим и пантеистическим представлениям о мире.

СУБКУЛЬТУРА (подкультура, от лат. sub – под и лат. cultura – возделывание) – часть культуры общества, обладающая ярким своеобразием, ценности которой не противоречат ценностям доминирующей культуры.

СУБЛИМАЦИЯ (позднелат. sublimatio – возвышение, вознесение, от лат. sublimo – высоко поднимаю, возношу) – преображение, возвышение.

СУБСТАНЦИЯ (лат. substantia – сущность; то, что лежит в основе) – первосущность, первореальность.

ТЕЙЛОРИЗМ – система организации труда и управления производством, названная по имени американского инженера Ф.У. Тейлора. Характеризуется жестким нормированием труда в виде расчленения всех трудовых операций на простые трудовые действия и приемы.

ТЕОКРАТИЯ (от греч. theos – бог и krateo – имею власть) – форма правления, при которой политическая власть принадлежит духовным лицам.

ТЕХНОКРАТИЯ (от греч. *téchne* – искусство, ремесло, мастерство и *krátos* – власть, господство) – регулирование общественной жизни принципами научно-технической рациональности, носителями которых являются инженеры и ученые (технократы).

ТИТАНИЗМ – представление, согласно которому человек обладает неограниченными возможностями, обожествление человека.

ТОВАРНЫЙ ФЕТИШИЗМ (от фр. *fétiche* – фетиш, идол) – овеществление производственных отношений в условиях товарного производства, господство вещей над людьми.

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЙ (от лат. *transcedere* – переступить) – запредельный, неприсущий природе самого явления, пребывающий вовне.

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ (от лат. *transcendens* – перешагивающий, выходящий за пределы) – акт высшей, духовной способности личности человека, заключающийся в возвышении над собственной природой, выходе за пределы чувственно воспринимаемого опыта к миру духовных ценностей.

УТОПИЧЕСКИЙ МОДЕРН – вектор развития эпохи Модерна, характеризующимся отвержением ценности личности, дегуманизацией и тоталитаризмом.

ХИЛИАЗМ (от греч. *chilioi* – тысяча) – утопическое учение об осуществлении Царства Божьего на земле.

ХРИСТИАНСКИЙ ЭЛЛИНИЗМ – творческое преобразование античного культурного наследия христианской духовностью, синтез античной культуры с персоналистическим мировосприятием христианства, осуществленный в Византии.

ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ – следуя М. Веберу, присущее капитализму, рационально регулирующее цели и средства действие, рассчитанное на достижение успеха.

ЦЕЛОСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ, ЦЕЛОСТНОЕ ПОЗНАНИЕ – ценности отечественной культуры. Целостная личность представляет собой единство тела, души и духа при котором душевная и телесная жизнь подчинены духовной. Посредством подобного соединения достигается гармоничное сочетание красоты, добра и истины в неделимой человеческой персоне. Благодаря согласованности всех способностей души целостная личность осуществляет целостное познание мира.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА (экоэтика) – система принципов, определяющая отношение человека к жизни природы.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – творчество свободным народом своей экономической жизни в органической связи с исторически сформировавшимися ценностными предпочтениями. Экономическая демократия характеризуется гуманизацией труда, обеспечивающей реализацию личного творчества, наличием управленческих элит, объединенных ценностями народа и служащих своей стране. Экономическая демократия предполагает развитие социально ориентированной рыночной экономики.

ЭКОЧЕЛОВЕК – личность, претворяющая в жизнь принципы экологической этики.

ЭКСПЕРТОКРАТИЯ – возрастающее значение роли ученых-экспертов в общественной жизни, превращение интеллектуалов в правящую элиту.

ЭТАТИЗМ (от фр. état – государство) – идеологический подход, абсолютизирующий роль государства в обществе, провозглашающий максимальное подчинение интересов личности и социальных групп интересам государства.

ЭТОС (от греч. ethos – обычай, нрав, характер) – система исторически выработанных и преобладающих представлений о наиболее существенных вопросах, ориентирующих развитие общества на модель целостности.

DE OMNIBUS DUBITO (лат.) – во всем сомневаюсь.

НОМО ECONOMICUS (лат.) – человек экономический.

LAISSER FAIRE – французское выражение, означающее «пусть все идет так, как идет». Традиционно употребляется в экономической литературе как символ самоустранения государства, его пассивной позиции.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: АСТ, 2010.
2. Бердяев Н.А. *Собрание сочинений: творчество Бердяева в критике современников*. М.: Директмедиа Паблишинг, 2009.
3. Бердяев Н.А. *Русская идея*. СПб.: Азбука-классика, 2008.
4. Бердяев Н.А. *Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: критический этюд о Н.К. Михайловском*. М.: Астрель, 2008.
5. Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря; Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
6. Бердяев Н.А. *О рабстве и свободе человека*. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
7. Бердяев Н.А. *Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: АСТ: Хранитель, 2006.
8. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2009.
9. Булгаков С.Н. *Два града: исследования о природе общественных идеалов*. М.: Астрель, 2008.
10. *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции*. Репринтное издание 1-го изд. 1909 г. – М.: «Новости», 1990.
11. Волобуев С.Г. *К вопросу о новой Программе Партии российского консерватизма* [он-лайн /доступ 07. 07. 10 через <http://www.cscpr.ru/courses/438/c/4158/>]
12. Волобуев С.Г. *Ценностно-регулируемая экономика – консервативный ответ на вызов экономического кризиса. К постановке вопроса* [он-лайн / доступ 07.13.10 через <http://www.cscpr.ru/courses/438/c/4159/>].
13. Вышеславцев Б.П. *Сочинения*. М.: Раритет, 1995.
14. Вышеславцев Б.П. *Этика преображенного Эроса*. М.: Республика, 1994.
15. Вышеславцев Б.П. *Кризис индустриальной культуры Марксизм. Неосоциализм. Неoliberalизм*. New York: Chalidze, 1982.
16. Вышеславцев Б.П. *Гарантии прав гражданина*. М.: Журнал «Народный учитель», 1917.
17. Вышеславцев Б.П. *Кризис индустриальной культуры. Избранные сочинения*. М., 2006.
18. Грызлов Б.В. *Путин остается лидером России*. М.: [б. и.], 2007.
19. Грызлов Б.В. *Восемь российских парламентов: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006*.
20. Грызлов Б.В. *К 100-летию издания Манифеста 1905 года об учреждении Государственной Думы: материалы науч.-практ. конф., Петергоф, 6 окт. 2005 г. /редкол.: Б.В. Грызлов и др.]*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
21. Данилевский Н.Я. *Сборник политических и экономических статей*. СПб.: Н. Страхов, 1890.
22. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.
23. Достоевский Ф.М. *Пушкин: (Очерк) : Речь, произнесенная Ф.М. Достоевским, 8 июня 1880 г., в заседании Общества любителей рус. словесности, во время открытия памятника Пушкину в Москве Пушкин : Санкт-Петербург: тип. бр. Пантелеевых, 1899*.

24. Из глубины. Сборник статей о русской революции. С.А. Аскольдова, Николая Бердяева, Сергея Булгакова, Вячеслава Иванова, А.С. Изгоева, С. А. Котляревского, В. Муравьева, П. Новгородцева, И. Покровского, Петра Струве, С. Франка. Книгоиздательство «Русская Мысль». М.– Петроградъ. 1918.
25. Из-под глыб: Сб. ст. – М.: Рус. кн., 1992. Содерж.: Авт.: М.С. Агурский, Е.В. Барабанов, В.М. Борисов, А.Б., Ф. Корсаков, А.И. Солженицын, И.Р. Шафаревич.
26. Иларион (Алфеев). Православное богословие на рубеже столетий: Статьи, доклады. М.: Крутиц. Патриаршее Подворье, 1999.
27. Иларион (Алфеев). Таинство веры: Введ. в православ. догмат. Богословие. М.; Клин: Изд-во Братства Святителя Тихона, 1996.
28. Ильин И.А. Наши задачи: статьи 1948-1954 гг. М.: Айрис-пресс, 2008.
29. Ильин И.А. Грядущая Россия. Минск: Белорусская Православная Церковь, сор. 2009.
30. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2008.
31. Ильин И.А. Путь духовного обновления. СПб.: ВІΒΛΙΟΠΟΛΙΣ, 2008.
32. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало: Система Гарант, 2008.
33. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2007.
34. Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры. М.: Русская кн. – XXI в., 2007.
35. Ильин И.А. Национальная Россия. М.: Алгоритм, 2007.
36. Ильин И.А. О русском национализме. М.: Российский Фонд Культуры, 2007.
37. Ильин И.А. Пути России. М.: Вагриус, 2007.
38. Ильин И.А. Основы христианской культуры. М.: АСТ, 2007.
39. Ильин И.А. Справедливость или равенство?: публицистика 1918-1947 гг. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006.
40. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта: исследование. М.: АСТ 2006.
41. Ильин И.А. О воспитании национальной элиты. М.: Жизнь и мысль, 2001.
42. Ильин И.А. Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939-1954). М.: Рус. кн., 1999.
43. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Ин-т русской цивилизации, 2007.
44. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 4 т. Калуга: Гриф, 2006.
45. Киреевский И.В. Разум на пути к Истине: Философ. ст., публицистика, письма. Переписка с преподоб. Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М.: Правило веры, 2002.
46. Киреевский И.В. О необходимости и возможности новых начал для философии. М.: тип. Александра Семена, 1856.
47. Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. М.: тип. Александра Семена, ценз. 1852.
48. Кирилл Патриарх. Вызовы современной цивилизации: Как отвечает на них Православная Церковь? М.: РГБ, 2004.
49. Кирилл Патриарх. Свобода и ответственность: в поисках гармонии: права человека и достоинство личности. Москва: Отд. внешних церковных Московского патриархата, 2008.
50. Левицкий С.А. Трагедия свободы: избранные произведения. М.: Астрель, 2008.

51. Левицкий С.А. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения»: Ст. о солидаризме/С.А. Левицкий Свобода и ответственность: М.: Посев, 2003.
52. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М.: Эксмо, 2007.
53. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство: сборник статей. М.: АСТ: Хранитель, 2007.
54. Лихачев Д.С. Русская культура. СПб.: Искусство-СПБ, 2007.
55. Лихачев Д.С. Избранное: мысли о жизни, истории, культуре. М.: РФК, 2006.
56. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб.: Logos, 2006.
57. Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб.: АРС, 2006.
58. Лихачев Д.С. Раздумья о России. СПб., 1999.
59. Лоский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
60. Лоский Н.О. Характер русского народа. [Frankfurt a. M.]: Посев, 1957.
61. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос: Прогресс, 2002.
62. Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Респ., 1999.
63. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: URSS, cop. 2009.
64. Новгородцев П.И. Введение в философию права: Кризис современного правосознания. СПб.: Лань и др., 2000.
65. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб.: Алетейя, 2000.
66. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995.
67. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права проф. П.И. Новгородцева: Учения нового времени. XVI-XIX вв. М.: кн. маг. «Высш. школа», 1914.
68. Новгородцев П.И. Политические идеалы древнего и нового мира. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1913-1914.
69. Новгородцев П.И. О праве на существование: Социально-филос. этюды П.И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И.А. Покровского. СПб.– М.: т-во М.О. Вольф, 1911.
70. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [on-line / доступ 07.07.10 через <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/>].
71. Проблемы идеализма: Сб. ст. С. Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого П.Г. [П.Б. Струве и др.]: [М., 1902]. Под ред. П.И. Новгородцева. М.: Модест Королев: Три Квадрата, 2002.
72. Путин В.В. Избранные речи и выступления. М.: Кн. мир, 2008.
73. Путин В.В. Почему я дал согласие возглавить список «Единой России». М.: [б. и.], 2007.
74. Рих А. Хозяйственная этика. М.: Посев: Рос. фил., 1996.
75. Рормозер Г. Новый консерватизм: вызов для России. М.: ИФРАН, 1996.
76. Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: ИФРАН, 1996.
77. Солженицын А.И. Россия в обвале / А. Солженицын. – М.: Рус. путь, 1998.
78. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. – М.: Патриот, 1991.

79. Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. – М.: Голос, 1995.
80. Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010.
81. Струве П.Б. Дневник Политика: (1925-1935): М.: Рус. путь ; Париж: YMCA-Press, 2004.
82. Струве. П.Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999.
83. Струве. П.Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм/П.Б. Струве; [Вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова] *Patriotica*. М.: Республика, 1997.
84. Струве. П.Б. Размышления о русской революции (Фрагм. из работ). Размышления о русской революции. М.: Знание, 1991.
85. Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности: Посмертно публ., незаконч. труд с прил. некоторых ранее напечат. ст. из области рус. истории и списка тр. П. Б. Струве. Париж, 1952.
86. Струве П.Б. Проблема капитала в системе политической экономии, построенной на понятии цены: [Доложено в заседании Отд. ист. наук и филологии 6 сент. 1917 г. Петроград: тип. Рос. акад. наук, 1917.
87. Струве П.Б. Историческое введение в политическую экономию : Лекции, чит. на Экон. отд. Политехн. ин-та имп. Петра Великого в 1912-13 уч. г. Петроград: Касса взаимопомощи студентов Петрогр. политехн. ин-та имп. Петра Великого, 1916.
88. Струве. П.Б. Хозяйство и цена: критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. СПб.-М.: издание В. П. Рябушинского, 1913-1916.
89. Струве П.Б. К критике так называемой теории международной торговли. Петроград: тип. Р.Г. Шредера, 1915.
90. Струве. П.Б. Теория политической экономии и история хозяйственного быта: (Речь на диспуте 10 нояб. 1913 г.). СПб.: тип. Шредера, 1913.
91. Струве П.Б. Экономия промышленности: По лекциям, чит. в 1907/8 учеб. г. доц. П.Б. Струве/Сост. С.В. Бернштейн-Коган Экономия промышленности: СПб.: Студ. касса взаимопомощи при СПб. политехн. ин-те, 1909.
92. Струве П.Б. Идеи и политика в современной России: [доклад, прочитанный в Московском клубе Партии 20 окт. 1906 г.]. М.: издание «Народное право», 1906.
93. Струве. П.Б. Марксовская теория социального развития: Крит. исслед. Петра Струве. Киев: Б. Яковенко и М. Власенко, 1905.
94. Струве. П.Б. Материалы по выработке русской конституции. Paris: Soc. nouvelle de librairie et d'éd, 1905-1906.
95. Струве П.Б. Освобождение. Paris: Société nouvelle de librairie et d'édition (Librairie G. Bellais), 1904.
96. Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России: Вып. 1. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1894.
97. Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.
98. Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М.: ФондИВ, 2007.
99. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: АЙРИС ПРЕСС, 2006.
100. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М., 2000.
101. Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М.: Изд-во журн. «Москва», 1999.
102. Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004.

103. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. С.-Петербург. ун-т Энциклопедия права. СПб.: Лань: Сев.-Зап. акад. гос. службы, 1998.
104. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоизд-во, 1920.
105. Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем: сборник архивных материалов и статей. М.: Городец, 2009.
106. Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1984.
107. Флоровский Г.В. Восточные отцы Церкви. М.: Изд-во АСТ, 2003.
108. Флоровский Г.В. Вера и культура: Избр. тр. по богословию и философии. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2002.
109. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
110. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Киев: Христиан.-благотвор. ассоц. «Путь к истине», 1991.
111. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж, 1983.
112. Флоровский Г.В. Восточные Отцы IV в. Париж, 1931.
113. Франк С.Л. Личная жизнь и социальное строительство. Paris: YMCA-Press, 1980.
114. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996.
115. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006.
116. Хантингтон С.Ф. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
117. Хомяков А.С. Всемирная задача России. М.: Ин-т русской цивилизации, 2008.
118. Хомяков А.С. Церковь одна; Семирамида. М.: ИХТИОС, 2004.
119. Хомяков А.С. Избранное. Тула: Приокское кн. изд-во, 2004.
120. Чичерин. Б.Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006.
121. Чичерин. Б.Н. История политических учений. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной акад., 2006.
122. Чичерин. Б.Н. Собственность и государство. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2005.
123. Чичерин. Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ: Хранитель, 2006.

Шувалов Юрий Евгеньевич
Посадский Александр Владимирович

Российский консерватизм:
ценностные основания и стратегия развития

Печатается в авторской редакции

*Верстка ЗАО «Редакция газеты
«Провинциальная хроника»*

*Подписано в печать 19.10.2010
Формат 70х100/16
Тираж 2000 экз.
Заказ №*

*ЗАО «Издательский Дом «АТКАРА»
119072, г. Москва, Берсеневская наб., дом 20/2,
Дом Российской прессы, офис №301,
тел/факс: 8(495) 951-30-51
e-mail: info@atkara.ru
www.atkara.ru*